

-
-
-
-
-

Олег Рой

Нелепая привычка жить

(Капризы судьбы)

Ранее роман «Нелепая привычка жить» выходил под названием «Черная радуга»

Сидни Шелдон говорил о технике сочинительства: «Я пытаюсь писать так, чтобы читатель не мог закрыть мои книги...» Подобное можно сказать о писательском кредо Олега Роя. Увлекательнейшие истории, неожиданные сюжетные повороты, яркие образы сильных, незаурядных личностей стали причиной обращения кинематографа к творчеству писателя. По его романам снимаются фильмы в России, Америке. Характеры персонажей автора раскрыты с удивительной глубиной и психологической точностью. Олег Рой пишет о вечном — о КАПРИЗАХ СУДЬБЫ, которая сегодня может лишить человека всего, что дорого в жизни, а завтра невзначай вернуть радость бытия. Но его герои, оказавшись на распутье, находят шанс, который дает им провидение, и становятся счастливыми. Перелистывая последнюю страницу захватывающего повествования, испытываешь жалость, что книга закончилась.

А. МАРИНИНА

Эта книга посвящается всем, кто переживает «кризис среднего возраста» или стоит на его пороге. Всем, кто «земную жизнь прошел до половины и очутился всумрачном лесу» собственных размышлений, сомнений и разочарований. Всем, кто думает или говорит, что уже стар, все повидал и все у него позади. И всем, кто в глубине души хочет верить- «в сорок лет жизнь еще только начинается...»

Глава 1 Весенняя хандра

Это было маленькое кафе в центре Москвы. Заурядное, непритязательное, пожалуй, даже старомодное, неведь каким образом выживающее среди многочисленных современных и куда более успешных собратьев. Но именно здесь Виталий Малахов, владелец преуспевающей торговой компании, предпочитал находиться в тот момент, когда в офисе говорили: «Шеф вышел перекусить». Он бывал тут несколько раз в неделю — не затем, чтобы поесть, конечно, питался он совсем в других местах. А просто посидеть, выпить чашку кофе, побыть наедине со своими мыслями, в спокойной обстановке просмотреть бумаги или свежую прессу. Уходя из офиса, он кивал секретарю на дверь, и смышленная Полинка понимала, где его можно найти, если начальник срочно понадобится. Его сотрудники проводили обеденное время в соседних модных заведениях.

Друзья Виталия называли это место забегаловкой.

— Ты где? — спрашивали они, звоня ему по мобильному. — Опять в своей забегаловке, этой «Ивушке», «Рябинушке» или, как ее, «Дубравушке»?

— Да, — отвечал он, не обращая внимания на их подначивания. — Я здесь. Хочешь меня видеть — приезжай.

С его точки зрения, это было идеальное место для встреч, как дружеских, так и деловых. Уютно, немногочленно и, главное, тихо.

Никакого тебе бьющего по ушам «Хит FM». И почему некоторые люди так уверены, что весь мир должен любить современную попсу, да еще включенную на полную мощь? Виталия от всех этих «чита-дрита», «джага-джага» и «муси-пуси» просто тошнило. Ему нравились старый рок, авторская песня, ставшая почти классикой музыка шестидесятых-восьмидесятых годов уже прошедшего столетия — как раз то, что иногда негромко звучало в любимом кафе. Здесь всегда замечательно пахло. Малахов с рождения отличался обостренным обонянием, и запахи всегда были для него очень важны. С некоторыми людьми ему даже трудно было из-за этого общаться — не только немытые бомжи, но и вполне приличные, ухоженные мужчины и женщины были неприятны Виталию лишь потому, что ему не нравился их парфюм или естественный запах тел. Многие рестораны Малахов не любил из-за того, что там *не так* пахло. А здесь, в маленьком кафе, всегда царили ароматы выпечки и свежемолотого кофе. Сейчас в Москве редко где можно найти действительно хороший и вкусный

кофе. И вообще здесь было как-то по-домашнему. «Доперестроечный уют» — так он это называл. Небогатый выбор салатов и сэндвичей, деревянная мебель, клетчатые и, быть может, не идеально чистые скатерти. На окнах живые цветы — не какие-нибудь экзотические птерисы, драцены или юкки, а незатейливые, из тех, что в его детстве стояли на подоконниках в школе и дома у бабушки — «декабрист», бегония, алоэ, сок которого ему закапывали в нос от насморка. И то самое растение с резными, похожими на кленовые листьями на толстых и мохнатых, словно покрытых красноватыми волосами, черенках. Виталий не знал его названия, но именно оно стояло на подоконнике рядом с его самым любимым столиком. И порой, задумавшись, он ловил себя на том, что тихонько отщипывает с мясистых черенков красные волоски.

На каждом столике, которые были напиханы в тесное помещение так плотно, что за некоторые из них приходилось пробираться боком, стояла цветная свечка и крохотная вазочка. В вазочке в зависимости от сезона появлялись то букетики полевых цветов, то яркие желто-красные листья, то еловые веточки, увитые блестящей ниткой новогоднего «дождя», то тополиные прутики с едва лопнувшими почками. Первым предвестником весны в этом году для Виталия стали именно эти пахучие сочно-зеленые листочки, родившиеся в вазочке прямо на его любимом столе у окна.

И публика здесь была под стать обстановке: веселые компании студентов, выворачивающих карманы и сообща пересчитывающих мелочь, нежно глядящие друг на друга влюбленные самых разных возрастов, скромно одетые барышни и профессорского вида дядечки в очках и с бородками. Как раз сейчас один из них вошел в кафе и устраивался напротив Виталия. С трудом протиснулся между столиком и стеной, бухнул на свободный стул пухлый портфель, сел, подтянув потертые брюки, привычным жестом поправил пышную седую шевелюру. И тотчас к его столику приблизилась, чуть постукивая каблуками, официантка.

Эта женщина нравилась Виталию не меньше, чем все остальное в этом кафе. А может, даже и больше. Только он в этом не признавался.

Была ли она красива? По современным критериям, пожалуй, что и нет. Среднего роста, широковатая в кости, фигура уже немного расплылась в бедрах. Но именно глядя на нее, Виталий пришел к умозаключению, что женская красота может быть совершенно разной. Может быть ухоженной, показной, вызывающей, демонстративной и даже хищной. А может быть вот такой — скромной и в чем-то даже банальной. Которая не требует восхищения, поклонения, жертв и дорогостоящих подношений. Просто рядом с ней спокойно и хорошо на душе. Так, как бывает в подмосковном

лесу. В последние годы среднерусские пейзажи стали для объездившего весь мир состоятельного бизнесмена Малахова куда ближе и приятнее глазу, чем виды европейских городов и пляжи престижных курортов.

Он знал о «своей девушке из таверны», как в шутку называл про себя официантку, очень многое. Работает она в этом кафе уже семь лет. Никогда не носит брюк, предпочитая, даже зимой, платья или юбки, закрывающие колено. Пользуется она нежными старомодными духами «Диориссимо» с ароматом ландыша. Из украшений признает только серебро. Волосы у нее крашенные — свои чуть темнее и уже тронуты легкой сединой. В парикмахерскую она ходит раз в два месяца. Когда сильно устает, начинает сутулиться. И никогда, даже в самых конфликтных ситуациях, не повышает голоса. У нее приветливая улыбка и почти всегда хорошее настроение. Это именно она ставит цветы в вазочки на столах. При этом, как ни странно, Виталий не знал, как ее зовут. Мысль о бейджиках с именами, как это принято в других местах, видимо, не пришла в голову хозяевам скромного заведения, а спросить ее лично он не решался. Виталию это казалось уже чем-то интимным, словно бы первым шагом к флирту. Флиртовать с «девушкой из таверны» он и не думал. Ему было достаточно изредка приходить сюда и, попадая в ее смену, считать это доброй приметой.

Сегодня все было, как всегда. В кафе было, как обычно, тихо и уютно, пахло душистой выпечкой, официантка приветливо улыбалась, и так же радостно улыбался солнечный день за окном — в городе наконец-то воцарилась весна. Но у Малахова отчего-то было темно и скверно на душе.

Перед ним на столе, рядом с вазочкой, где красовался букетик мелких голубых первоцветов, стояла чашка отличного кофе и лежала пластиковая папка с контрактом для срочного ознакомления. Однако Виталий, проведя здесь уже почти полчаса, так и не притронулся ни к напитку, ни к бумагам. Подперев голову рукой и уставившись в свежeweымытое окно, за которым бушевал московский апрель, он пытался докопаться до причины своего столь внезапно возникшего муторного состояния.

Со стороны Малахов выглядел вполне благополучно, более того, ему было в чем позавидовать. Его компания, занимавшаяся оптовой торговлей мясными продуктами, уверенно держала позиции на рынке. Какие бы катаклизмы ни сотрясали мир, есть люди хотят всегда. И сколько бы гринписовцы и прочая им подобная публика ни выступали против убийства и поедания живых существ, а новомодные диетологи ни кричали о вреде холестерина и трудностях расщепления животного белка в человеческом организме, мясо продолжали покупать, регулярно поедать его и исправно расщеплять в своих организмах. Соответственно обороты фирмы «Мит-

сити»,^[1] постоянно расширявшей сеть закупки и сбыта, с каждым годом неуклонно росли. Четырнадцать лет назад Виталий с приятелем Санькой Семеновым начали с того, что сами возили на разбитых «Жигулях»-«двойке» говядину из Калужской области. Теперь у компании был солидный офис в центре Москвы, собственные склады, большой автопарк, разветвленная сеть поставщиков, в том числе и иностранных, филиалы в регионах и многомиллионные обороты. Причем вышло так, что Виталий оказался единственным владельцем «Мит-сити». Года через два после регистрации фирмы, когда у них уже появился первый собственный рефрижератор, Санька вдруг заговорил о том, что с мясом надо завязывать. «Таковыми темпами мы с тобой еще десять лет развиваться будем, — заявил он. — Давай-ка прикрывать эту лавочку и переходить на что-то более основательное. Вот, говорят, цветные металлы — дело очень прибыльное...» Малахов некоторое время подумал над предложением друга и отказался: «Стремно как-то, Санек. С мясом мы все-таки не первый день дело имеем, обросли связями, поставщики свои, система реализации налаживается. А рынка цветмета ни ты, ни я не знаем. Мало ли что там да как...» — «Эх ты, перестраховщик! — скривился Санька. — Не хочешь — не надо. Без тебя обойдусь!» И вышел из бизнеса. Виталия это сначала напугало — как же он будет один? Но, как говаривала бабушка, — поговорка со временем стала чем-то вроде жизненного девиза — что бог ни делает, все к лучшему. Время показало, что Виталий был прав. Санька действительно ввязался не в свое дело, и закончилось это печально. Малахов же стал единоличным владельцем крупной фирмы. Конечно, у него были помощники, и неплохие: например, Аркадий Лошманов, правая рука, молодой, способный, очень энергичный, или Коля Тихомиров, второй заместитель, очень опытный и грамотный мужик, с которым они работали вместе уже восьмой год. Но оба они пока оставались наемными служащими, а не партнерами — первый был еще молод, а второй, с точки зрения Виталия, при всей его толковости был излишне мягок для бизнеса. Посему на сегодняшний день все акции «Мит-сити» принадлежали Виталию. К сорока годам у него скопился весьма приличный счет в банке, но он, в отличие от многих своих соотечественников, не спешил это демонстрировать. Не стоит тыкать в глаза окружающим своим благосостоянием, считал он. Надо жить достойно, но не более того. Конечно, у него присутствовали все необходимые атрибуты успешного человека: от часов «Вашеро Константин» и галстуков «Армани» до двухэтажной квартиры в центре Москвы и новенького «Лексуса». Но именно «Лексус», а не «СААБ» и не «Бентли», И никаких шкафоподобных

телохранителей спереди, сзади и по бокам. Вполне достаточно одного водителя, он же охранник. А в случае чего, когда шофера нет, вот как сейчас, можно и самому за руль сесть.

Словом, в двух областях, обычно вызывающих наибольшее беспокойство у зрелого мужчины — работа и финансы, — у него сейчас все нормально. Может быть, и не безоблачно, бизнес никогда не идет идеально гладко, но, во всяком случае, причину его хандры надо было искать не здесь. И не в здоровье, с этим тоже все было более или менее в порядке. Малахов старался, как и многие люди его статуса, поддерживать себя в хорошей физической форме. Спортзал, бассейн, сауна, постоянное наблюдение у собственного семейного врача — все как полагается. Да и наследственность у него была прекрасная. Дожив до своих лет, ничем серьезнее свинки и ветряной оспы Виталий пока не болел.

Малахов мысленно подвел эти вполне утешительные итоги, но не порадовался за себя, а вздохнул. Да, все в норме, поводов для беспокойства нет. Что же тогда его гложет? Что не ладится? Пресловутая личная жизнь?

В памяти тут же всплыла супруга. Су-пру-га. Слово-то какое противное! Слово, которое он никогда не любил, но всегда употреблял по отношению к Светлане. Оно казалось ему более представительным и солидным, чем приземленное «жена». И, безусловно, гораздо больше подходило к его Лане. Все задатки светской львицы были у нее уже тогда, тринадцать лет назад, когда они только познакомились. Ухоженная, элегантная, уверенная в себе, она была преисполнена чувства собственного достоинства и одновременно глубочайшего презрения ко всем, кто не так красив, обеспечен и успешен. Сейчас же, при новых возможностях, вся ее жизнь подчинена желанию выглядеть (а еще лучше стать) дамой из высшего общества. На этой почве у них с Виталием постоянно происходили столкновения.

«Ты же состоятельный человек! — возмущалась она. — У тебя успешный бизнес, солидные счета. Почему бы нам не начать жить по-людски?» «Жить по-людски» для нее означало обзавестись домом на Рублевке, мелькать в светской хронике и, может быть, даже пробиться в политику. Но Малахов и слышать ни о чем подобном не хотел. Осторожность всегда была его отличительной чертой. «Тише едешь — дальше будешь, — любил повторять он. — Главное, не высовываться. Молния всегда бьет в самую выступающую точку». Это выражение тоже было у него чем-то вроде жизненного девиза, с которым никак не хотела мириться Лана.

В общем и целом их супружество было самым что ни на есть

типичным современным союзом зрелых людей, проживших вместе более десятка лет. Обычно в таких ситуациях бурные разнополярные чувства проходят и уступают место спокойному и обыденному, как выразался один из приятелей Виталия, «мирному сосуществованию». Мужчину и женщину объединяют общий дом, быт, дети, если они есть, совместные отпуска или выходы в свет. Во всем остальном у каждого своя жизнь, как духовная, так и телесная, о ней не распространяются и не считают себя вправе вмешиваться в жизнь другого. Малахов даже не представлял себе, были ли у Ланы другие мужчины. Она не вылезала из модных заведений, появлялась на всех тусовках и не пропускала ни одной премьеры. Виталий, не слишком-то любивший бывать на людях, часто и охотно отпускал ее одну. Разумеется, Лана запросто могла там с кем-то познакомиться, завести интрижку. Но могла и не завести. Слишком уж она была сдержанной, даже холодной. Физические радости земного бытия ее вообще не интересовали, уж кому, как не Виталию, было это знать. И Малахова это вполне устраивало. Он сам даже в юности не обладал пылким темпераментом. Его немногочисленные романы до женитьбы были какими-то тусклыми, а после и вовсе носили случайный характер. Собственно, и романами-то их назвать было нельзя, так, случайность. Постоянных связей, не говоря уже о привязанностях, в его жизни не было уже очень давно, а отдельным пустячным эпизодам ни он, ни Светлана никакого значения не придавали. Так что, если не придирается, то в супружеских отношениях царил, может, и не гармония, но, по крайней мере, равновесие. Нарушать его ухитрялась только дочь, многолетняя головная боль. Однако именно к тому моменту жизни, когда Виталий Малахов сидел в любимом кафе и смотрел на официантку, принимавшую заказ у седовласого профессора, с дочерью как раз все более или менее наладилось. Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить... Словом, у него не находилось ни единой причины для хандры. И было совершенно непонятно, почему так тошно жить на свете человеку, у которого в целом в жизни все в порядке.

«Ну, хватит! — заявил себе в конце концов Малахов. — Что это я совсем разнюнился? Точно домохозяйка на приеме у психоаналитика. Сижут тут и копаюсь в собственной душе, будто мне больше нечем заняться...»

Он слегка потянулся, скользнул взглядом по бумагам, взял в руки чашку, поднес к губам и вернул на блюдце, не сделав ни одного глотка. Поднял палец, призывая официантку. Та как раз закончила с профессором и подошла к нему.

— Замените кофе, пожалуйста. Мой совсем остыл. «Девушка из таверны» понимающе кивнула и улыбнулась, обнажив несколько неровные,

но белые зубы:

— Еще бы, я ведь принесла его вам полчаса назад. А вы даже не притронулись.

Виталий встретился взглядом с карими глазами и невольно улыбнулся в ответ:

— Задумался. Какой-то я сегодня рассеянный.

— Это со всеми бывает. Особенно весной.

О господи, ну конечно же! И как ему самому это не пришло в голову! Ничего у него не случилось, просто самая обычная весенняя хандра. Это ведь только зеленая молодежь, у которой вся жизнь впереди, реагирует на пробуждение природы бурным весельем и душевным подъемом. А у таких, как Виталий — солидных, не первой молодости, — все происходит наоборот. Приметами весны становятся усталость, авитаминоз, депрессии... Это естественно, и нечего беспокоиться.

Не прошло и минуты, как чашка сменилась другой, дымящейся и ароматной. Этой Малахов уже отдал должное, как и заждавшимся его внимания документам. Кофе был, как всегда, отличным, а вот над контрактом следовало еще поработать. Условия, предлагаемые потенциальным партнером, Виталия никак не устраивали. Он был стреляным воробьем и отлично знал, к чему могут привести такие вот обтекаемые формулировки.

«Ладно, как бы ни было тут хорошо, но труба зовет... Пора в контору».

Он оставил пустую чашку и, не дожидаясь, пока официантка вновь подойдет, положил под нее деньги, вышел из кафе и зашагал по переулку. Его «контора» находилась совсем рядом, у Покровских ворот — три минуты пешком. Выбирая место для офиса, он предпочел этот вариант остальным, возможно, тут не последнюю роль сыграл любимый с детства фильм с таким же названием. Во всяком случае, офисом своим Виталий был очень доволен. Просторное помещение, в удобном и престижном месте, не слишком далеко от дома — и в то же время это не претенциозные бизнес-центры на Пресне или на Павелецкой.

В офисе, как обычно, кипела работа. Разрывались телефоны, сновали туда-сюда озабоченные менеджеры, из кабинета директора по кадрам доносился басовитый рык — Васильич, бывший полковник артиллерии, в гневе был страшен. Виталий шел по огромному залу, разделенному на секции пластиковыми перегородками, и всем существом воспринимал ритм делового процесса — так, как чувствуют вибрацию проходящего поезда, стоя на железнодорожном мосту. Здесь, в своей «конторе», Малахов был

почти совершенно счастлив. Ему всегда нравилось осознавать, что именно он — создатель, организатор и мозг этой гигантской и четко налаженной машины.

— Виталий, вроде еще не виделись сегодня, добрый день! — Коля Тихомиров, второй заместитель, невысокий, улыбчивый, с удивительно молодыми для его пятидесяти шести лет глазами, пожал протянутую руку. — Что с Екатеринбургом-то будем делать?

— Надо подумать! — отвечал Малахов. — Загляни ко мне минут через двадцать, ладно?

— Шеф, подпишите скорее макеты! — подлетела к нему Настя, менеджер по рекламе. — А то мне в типографию надо бежать...

— Виталий Павлович! — юная секретарша Поинка подняла хорошенькую головку от клавиатуры и укоризненно заморгала длиннющими «мейбиллиновскими» ресницами. — Опять вы мобильный на столе оставили! А мистер Коллуэй уже дважды звонил. У вас ведь сегодня с ним встреча назначена, вы не забыли?

— Господи, Джозеф! — Малахов только что по лбу себя не хлопнул. С этой самой весенней хандрой предстоящее randevу с заокеанским партнером действительно вылетело у него из головы. — Ну конечно же. Соедини-ка меня с ним... Хотя нет, не сейчас, чуть позже. А пока найди мне Аркашу, да побыстрее.

Аркадий Лошманов в свои неполные двадцать девять был уже замом и правой рукой Виталия. Малахов продолжал оставаться, как он сам говорил, играющим тренером, не желая, подобно другим владельцам солидных компаний, передавать бразды правления в руки наемных управленцев. Вторым же человеком в их процветающем мини-государстве был, безусловно, Аркадий.

Когда несколько лет назад приятельница Светланы попросила Виталия взять к себе в фирму ее племянника, «толкового мальчика после хорошего вуза», тот поморщился. Он терпеть не мог родственных протекций. Сотруднички, взятые по знакомству, как правило, оказываются никудышными работниками, прогульщиками и лоботрясами, а уволить их неудобно, поскольку не хочется портить отношения с теми, кто за них хлопотал. Обычно он в таких случаях всегда находил повод для отказа, но Лана с подругой так надели на него, что впрямую сказать «нет» Виталий не смог. Он пошел на хитрость и предложил парню вакансию простого менеджера. Малахов был уверен, что после своей бластной Плешки Аркаша с возмущением откажется от такой низкой и непрестижной должности. Однако тот согласился, исправно ходил на работу и вкалывал как зверь.

Вскоре Виталий, потихоньку наблюдавший за ним, стал замечать в молодом сотруднике не только служебное рвение, но и недюжинные способности. Аркадий оказался необычайно сообразителен и изобретателен, уверенно вел бизнес, отлично чувствовал людей и практически безошибочно находил подход к каждому. Он быстро дорос до заместителя начальника своего отдела и, присутствуя на президентском совещании вместо ушедшего в отпуск шефа, выдвинул несколько толковых интересных предложений. Малахов был приятно удивлен тем, что, сам того не желая, сделал весьма ценное приобретение. С этого момента Лошманов стал частым гостем в его кабинете. Проникаясь к молодому сотруднику все большей симпатией и уважением, Виталий постепенно повысил его сначала до начальника отдела, затем до руководителя филиала и, наконец, сделал своим первым заместителем. По большинству вопросов, касавшихся не только самого бизнеса, но и того, что его неизменно сопровождает — кадров, корпоративной культуры, отношений с партнерами, юридических тонкостей и так далее, — он теперь советовался с Аркашей. А неконфликтный Коля Тихомиров, ранее занимавший первую позицию при шефе, тихо отошел на второй план.

Не то чтобы Малахов безоговорочно доверял Лошманову. Нет. Он отлично знал, что времена верных слуг, безвозмездно преданных своим хозяевам и готовых жизнь за них отдать, давно прошли (если вообще когда-либо бывали). Все в этом мире имеет свою цену, в том числе и бескорыстная преданность. Но Виталию не хотелось потерять толкового помощника, и он видел один способ, чтобы этого избежать, — добиться того, чтобы у Аркадия не было стимула покинуть его компанию. Малахов очень хорошо платил своему заместителю и всерьез подумывал о том, чтобы сделать Лошманова акционером «Мит-сити».

— Звали? — улыбающийся Аркаша появился в дверях, принеся с собой легкий запах эксклюзивного парфюма. Была пятница, день, когда на фирме, по западной моде, сотрудникам был разрешен свободный стиль одежды, и на Лошманове, вместо обычного элегантного делового костюма и галстука, были эффектно порванные джинсы, стоившие явно не одну тысячу долларов, и трикотажный джемпер, тоже весь в мелкую дырочку, точно его побил моль. Правая рука президента выглядел так, точно он сошел с картинки глянцевого журнала, которые так любила Светлана Малахова. Виталий даже иногда поддразнивал его, называя фотомоделью, но сам Лошманов предпочитал применять к себе понятие «метросексуал». Услышав это слово впервые, строго воспитанный Малахов на всякий случай слазил в Интернет, нашел значение и успокоился — несмотря на

двусмысленное звучание, никакого намека на отклонения в половой сфере термин не таил. Метросексуалами, оказывается, назывались мужчины, живущие в мегаполисах и уделяющие повышенное внимание своей внешности и одежде. Эдакие денди двадцать первого века.

— Да звал, звал... Ты проходи, садись, — он кивнул помощнику на кресло. — Слушай, придумай, куда мне нашего штатовского друга сводить поужинать, а то я уже голову сломал! По-моему, мы с ним уже всю Москву облазили, а ему, ты же знаешь, каждый раз подавай что-то новое...

Аркадий ответил с ходу, точно заранее знал, о чем его спросят:

— На Рублевском шоссе, недалеко от Окружной, есть ресторан «Рашн стайл».^[2] Вполне приличный кабак. И как раз русская кухня, как наш американский папик любит.

— Ну и отлично, — Виталий тут же позвонил по внутренней связи секретарю. — Полинка, разыщи по Интернету ресторацию под названием «Рашн стайл», позвони и закажи столик на двоих, к семи вечера. Постой, не клади трубку. Что там у Васильича с водителями? Плохо, должна, между прочим, знать. Соедини-ка меня с ним. Васильич? Ну что у нас там? Долго мне еще самому баранку крутить? В понедельник? А что так поздно? Ну и что, что пятница и вторая половина дня? Ладно, смотри, чтоб в понедельник были.

Малахов раздраженно ткнул трубку на базу. Похоже, безобидная хандра стала медленно, но верно переходить в раздражение.

— Да не заморачивайтесь, шеф, — лицо Аркаши было полно искреннего сочувствия. — Хотите, до ресторана я вас лично довезу? Заодно к матери заеду, в Немчиновку, там же недалеко. Она рада будет до смерти. С тех пор, как она окончательно в загородный дом жить перебралась, я ее нечасто балую своим посещением... А обратно такси возьмете. Там у кабака вечно водилы тусуются, по-моему, даже стоянка есть.

— Ладно, — буркнул Виталий и снова набрал внутренний номер Полины. — С Джозефом меня соедини.

Глава 2 Русская рулетка для американского партнера

Аркаша не подвел — ресторан действительно оказался вполне приличным и, что самое главное, явно понравился американскому гостю. Коллуэй с видимым удовольствием рассматривал вышитые крестиком скатерти и занавески, стулья с высокими резными спинками и стилизованные лубки на бревенчатых стенах. Он одобрительно цокал языком и только раз заметил, что прислуживать здесь, по его мнению, должны были бы девушки в сарафанах и кокошниках, а не одетые «а-ля трактирные половые» парни.

Солидный, а проще говоря, тучный Джозеф Ален Коллуэй, несмотря на почтенный возраст (ему было уже хорошо за полтинник), в чем-то походил на малого ребенка. Эмоциональный и впечатлительный, он крайне болезненно реагировал на любые, самые мелкие неприятности, будь то автомобильная пробка или короткие гудки в телефоне. Зато уж когда случалось что-то хорошее, пусть даже и совершеннейший пустяк, радость Джозефа не знала границ. Малахову эта особенность заокеанского партнера доставляла много хлопот. Сами подумайте, каково вести дела с человеком, кидающимся из крайности в крайность? Однако сотрудничество с Коллуэем было, по выражению Аркаши, «жирным». Очень выгодным. И ради этого Виталию приходилось терпеть постоянные перемены настроения Джозефа и даже его многочисленные капризы, что было, признаться, совсем уж нелегко.

К середине жизни бывший техасский фермер, значительно преуспевший в мясном бизнесе, вдруг заинтересовался своей родословной, обратился к специалистам и неожиданно нашел у себя русские корни. Оказалось, что его прабабушка по материнской линии была родом то ли из Рязани, то ли из Зарайска... Пятидесятилетний вдовец, отец трех взрослых детей, пришел в восторг от своего открытия и страстно увлекся всем русским. Для начала он нанял себе учителей, носителей языка, — в наши дни сделать это и в Техасе оказалось совсем несложно, — потом прочел несколько книг русских классиков (большинство, правда, по-английски, в сокращенном и адаптированном переводе) и, наконец, затеял торговлю с Россией. В Малахове он видел не просто партнера, но, по совместительству, закадычного друга, способного и желающего понимать все тонкости его мятущейся души с генетическими отголосками русской

загадочности; гида по манящей и противоречивой стране, которую, как известно, умом не понять и аршином не измерить; бесплатного педагога по языку, а также кого-то вроде сказочной феи или золотой рыбки, чьей святой обязанностью является исполнение всех желаний, возникающих у Джо «на исторической родине».

Еще при самом первом знакомстве Коллуэй заявил, что ему ну прямо-таки жизненно необходим камень из Кремлевской стены. Малахов сначала принял эту просьбу за шутку, а когда понял, что американец говорит совершенно серьезно, — растерялся, что, надо признаться, случалось с ним редко.

Выручил, как обычно, Аркадий. С очаровательной улыбкой, на чистейшем английском (Виталию язык никогда не давался, несмотря на «отлично» в дипломе, он и деловые письма-то понимал через два слова на третье, а говорить и вовсе не мог) молодой человек сообщил, что вынимать камни из Кремлевской стены никак нельзя, это преступление, за которое могут посадить в Бутырку или даже сослать на Колыму. Но вот булыжник, взятый прямо с мостовой Красной площади, он американскому гостю вполне может обеспечить, если тот пожелает. Коллуэй охотно согласился на такую замену, и на следующую же встречу Аркаша приволок в пластиковом пакете тяжеленный серый камень четырехугольной формы со следами земли. Джозеф был в восторге и только что не расцеловал Лошманова, а заодно и Малахова.

— Ты где ж это раздобыл? — не удержался от вопроса Виталий, едва за иностранцем закрылась дверь. — Камень ведь действительно старый, это невооруженным глазом видно. Неужели и впрямь выкопал темной ночью у входа в Мавзолей?

— Да нет, конечно, — рассмеялся Аркаша. — На улице подобрал. В переулке Чернышевского сейчас трамвайные пути ремонтируют.

На таможне в «Шереметьево-2» булыжник не пропустили. Техасец чуть не плакал и слезно умолял провожавшего его Малахова сохранить увесистый сувенир до его следующего приезда. Камень и сейчас лежал на видном месте в московской квартире, которую вскоре после той истории Коллуэй арендовал на Тверской-Ямской улице. «Специально снял, чтобы хранить оружие пролетариата», — шутил Аркадий.

— Ну, будем здоровы, Вит, — американец самолично разлил по хрустальным стопочкам водку из запотевшего штофа.

— Не здоровы, а здоровы, Джо, — автоматически поправил Малахов. Чуть ли не при каждой встрече Коллуэй просил его обязательно указывать на ошибки в его речи. И почти все время обижался, когда Виталий это

делал.

Белесые брови Джозефа поползли вверх.

— Я слышал, Наташа сказала «здоровы», — возразил он. Малахов кивнул.

— Да, так тоже иногда говорят. Когда кто-то или что-то очень большое. Это тоже от слова «здоровый», но не в смысле «не больной», а в смысле «огромный».

Техасец выслушал очень внимательно, но недоуменное выражение не исчезло с его лица.

— Наташа сказала: «Здоровы спать», — настаивал он.

— А, понятно... Это еще одно значение. Она имела в виду «любите поспать», «долго спите». Но вообще-то это устаревшее выражение.

— Ты знаешь, меня интересуют устаревшие выражения, — тут же заявил Джозеф.

Да, Виталий знал. Эта непомерная тяга Коллуэя к русскому языку его тоже очень утомляла. Объясняя дотошному американцу те или иные лингвистические премудрости, он сам не уставал удивляться запутанности и нелогичности законов родной речи. А он, в конце концов, не филолог и вовсе не обязан разбираться в этих тонкостях! Но куда денешься... Уроки русского были таким же непременным атрибутом общения с Джозефом, как посещения Большого театра (балета Малахов терпеть не мог), прогулки по всяким Загорскам и Ростовам Великим, обильное поедание блюд русской кухни и столь же обильное принятие на грудь нашего традиционного и прославленного напитка.

Так было и в этот раз. Заливное сменилось солеными грибочками, селедочка — блинами с черной икрой, стерляжья уха — пельменями, а запеченная в горшочках свинина — пирогом с голубикой. И все это, как и положено, «под водочку». За обычным обедом Виталий не съел бы и половины, но тут не поддержать Коллуэя было нельзя, дабы не услышать: «Ты думаешь, я слишком много ем? Ты считаешь меня толстым?» И Малахов мужественно поглощал обильные яства, украдкой заедая их энзисталом — «таблетками от жадности», как называл их Аркаша.

Пиршество, по обыкновению, заняло несколько часов. Когда дело дошло до десерта, Джозеф уже был изрядно навеселе. Его обычно красноватое лицо сделалось багровым, в речи перемешивались русские и английские слова. Он дважды заказывал музыкантам «Подмосковные вечера», внимал им с выражением, живо напомнившим Малахову слушающего магнитофон царя из бессмертного фильма «Иван Васильевич меняет профессию», и в конце концов пустился отплясывать «Барыню» в

компании какой-то пышнотелой девицы. Виталий с трудом усадил его на место и принялся отпаивать кофе. Коллуэй вяло протестовал:

— But why?^[3] Она есть очень pretty girl!..^[4] Я want^[5]... хотел... признаться in love всем russian women ^[6]...

— Угомонись, Джо, — отвечал Малахов, пододвигая американцу чашку. — Выпей кофе. Вот уж домой приедешь, Наташа тебе так признается, что мало не покажется...

— Наташа my sweety,^[7] - техасец поглядел на него очень серьезно.

— Не сомневаюсь в этом. Пей давай... — Виталию совсем не улыбалась перспектива ночь-полночь тащить до дома эту пьяную тушу. Да еще при отсутствии собственного транспорта.

На его счастье, Джозеф быстро пьянел, но и быстро приходил в себя. После нескольких чашек кофе, литра минеральной воды и активного умывания в туалете взор заокеанского партнера несколько прояснился, а речь постепенно стала обретать четкость.

— Где мы с тобой закончим вечер, Вит? — поинтересовался он, приглаживая мокрые волосы.

— Тебе мало на сегодня приключений? — усмехнулся Малахов.

— Я хочу поехать в казино! — решительно заявил техасец. Виталий чуть не поперхнулся пирогом с голубикой, испеченным, как значилось в меню, по старинному вологодскому рецепту.

— Зачем тебе казино, Джо? Я еще понимаю Коломенское или там вечер романсов в исполнении трио «Реликт» — такого ты в Америке действительно не найдешь. Но уж казино у вас самих пруд пруди!

— Я хочу познакомиться с вашими игорными домами. — Коллуэй упрямо мотнул головой. Аркаша Лошманов как-то сострил, что этот жест он, скорее всего, позаимствовал у какого-нибудь быка с ранчо времен своей фермерской молодости. Так или иначе, движение головой у Джозефа означало только одно — он настаивает на своем, и никакие силы этого мира не способны будут его переубедить. И Малахову оставалось лишь пожать плечами.

Сам он всегда старался обойти подобные заведения стороной. Ему хорошо были известны уловки, с помощью которых раскручивают вполне вменяемых людей на новые и новые ставки. Главное — чтобы клиент сделал первый шаг. Шаг этот почему-то всегда оказывается удачным, иногда даже слишком удачным. Очевидно, это происходит не только потому, что «новичкам всегда везет». Оно, конечно, может быть и так, но очень сомнительно, чтобы капризная и непостоянная дама — Фортуна —

благоволила ко всем новичкам без разбора. Видимо, дело тут не обходится без человеческой смекалки. Много ли найдется людей, которые, сорвав большой куш, сразу заберут причитающиеся им деньги и покинут гостеприимное заведение? Да еще будучи немного в подпитии? Да еще подогреваемые восторженными взглядами красоток в вечерних платьях и отчетливым шепотом окружающих зевая, уверяющих друг друга, что вот он — настоящий везунчик? Разумеется, немного. Да что там говорить — почти ни у кого не хватит решимости тут же бросить игру. А дальше все просто: колесо крутится — выигрыш увеличивается. Ставки, соответственно, тоже. Взгляды модельных красавиц из восхищенных становятся откровенно заигрывающими. Шепот заменяется громкими восклицаниями и подбадривающим похлопыванием по плечу. Компания болельщиков разрастается — и становится просто неудобно разочаровать этих людей, которые так искренне желают тебе успеха... Финал тоже вполне предсказуем — хорошо, если у «везунчика» остается мелочь на такси. (Не потому ли в услуги некоторых игорных домов входит доставка клиента домой? Что-то вроде маленькой моральной компенсации.) Правда, говорят, что крупные казино, дорожащие своей репутацией, так не поступают, но извечный сюжет тем не менее остается неизменным. Первые сто долларов выиграть легко, а вот поставить их снова и получить тысячу... В конце концов, все казино мира построены на деньги проигравших. Но это — рассуждения на трезвую голову. Растолковывать свои соображения Коллуэю было сейчас все равно что биться о Кремлевскую стену. Пришлось расплатиться по счету (дружеские обеды с Джозефом всегда влетали Виталию в копеечку, но платить хотя бы за себя Виталий американцу не позволял, чтобы не нарушать «русскую традицию») и отправиться на поиски такси. К счастью, это действительно оказалось не проблемой. У входа в ресторан дежурило несколько приличного вида автомобилей. Накачанный парень, явно знавший о своем сходстве с голливудской звездой Антонио Бандерасом и всячески это сходство подчеркивавший, с первых же слов понял, чего хотят от него загулявшие ресторанные гости.

— Вам какое именно казино нужно? — поинтересовался он, лихо вырвав со стоянки.

Малахов вопросительно посмотрел на техасца. Тот заявил:

— Я хочу в русский игорный дом! Виталий пожал плечами:

— Все равно, лишь бы заведение было приличное, а не привокзальная забегаловка с игровыми автоматами.

— Ясно, — кивнул двойник Бандераса. — Тут недалеко есть одна

лавочка, вполне себе гламурная.

Виталий ухмыльнулся про себя. Этим словечком любила пощеголять его супруга Лана. Считала его элитарным, даже признаком высшего общества. Как бы, интересно, она прореагировала, услышав его из уст простого шофера?

Не прошло и четверти часа, как их автомобиль, серебристая «БМВ»-«семерка», остановился у казино. Виталий придирчиво оглядел место назначения и остался доволен увиденным. Игровой дом целиком занимал симпатичный особнячок, отделенный от улицы небольшим садом за кованой металлической оградой. Необычайно яркая, переливающаяся разноцветными огоньками огромная вывеска сообщала, что казино называется «Принц».

— Ну, как тебе? — Малахов кивнул за окно. Джозеф, радостно кивая, уже вылезал из машины.

Виталий расплатился с водителем и, подумав, спросил:

— Может, вы нас дождетесь? Очень надеюсь, что мы не зависнем здесь до утра.

— А чего мне? — пожал широченными плечами двойник кинозвезды. — Могу. Как говорится, любой каприз за ваши деньги.

Во внутреннем оформлении двора и здания были использованы восточные мотивы, навевавшие ассоциации с мультфильмом об Аладдине. «Очевидно, владелец в молодости увлекался компьютерной игрой «Принц Персии», — решил Виталий. — Помнится, я сам столько раз над ней до утра просиживал...»

Среди многочисленных посетителей действительно преобладали восточные люди, но не иранцы, конечно, все больше гости столицы с Кавказа и из Средней Азии. В подавляющем большинстве мужчины. Женщин, к удивлению Малахова, считавшего, что прекрасный пол любит посещать подобные места, оказалось мало.

— Смотри, Вит, все рулетки заняты, а карточные столы пустуют, — удивленно констатировал Коллуэй. — В Вегасе всегда бывает наоборот. Я буду играть в кости, а ты?

— А я буду стоять рядом и следить, чтобы ты не спустил все свое состояние, — усмехнулся его российский партнер.

— Не бойся, мне это не грозит. — Джо напоминал мальчишку, который учит приятеля, как бросать в костер баллончик из-под аэрозоля, чтобы получился взрыв. — Я имею свою методику игры, и я никогда не проигрываю.

— Вот как? И что же это за метода?

— Ты, наверное, скажешь, что это... Не могу подобрать слово... Как это будет по-русски... superstition^[8]... - Коллуэй защелкал пальцами.

— Суеверие, — подсказал юношеский голос.

Виталий обернулся. Мимо них проходила небольшая и уже изрядно подвыпившая компания молодых ребят, совсем зеленых, лет по восемнадцать-девятнадцать. По виду типичные мажоры — детки богатых родителей. Тот, что так хорошо знал английский, был небольшого роста и показался Малахову симпатичнее остальных.

— Спасибо, — поблагодарил Виталий.

— Да, суеверие, — подхватил техасец. — Понимаешь, мне везет, только когда дилер девушка, натуральная, непременно натуральная, блондинка. Кости я держу в левой руке и перед броском говорю про себя... Нет, ничего. Это моя тайна.

Наблюдать за Джозефом во время игры было особенно забавно. Малахов уже несколько раз имел это счастье — приглашая гостей в свою московскую квартиру, американец обязательно предлагал им партию-другую в шашки. Проигрывать Коллуэй совершенно не умел. На его полном красноватом лице сразу появлялась такая искренняя скорбь и такая нескрываемая обида, что тут же хотелось поддаться, сделать вид, что зазевался, и уступить какую-нибудь шашку. Но если же ему фартило, он тотчас оживал, начинал усиленно острить, улыбаться, и создавалось такое впечатление, будто он только что решил самую главную проблему в жизни.

Так было и на этот раз. Джозефу везло, и он сиял ярче, чем вывеска казино. Он не только что не расстался с имевшейся в кармане наличностью, но даже был в выигрыше, вероятно, благодаря тому, что не оставался подолгу на одном и том же месте. Его разгоряченная обильными возлияниями в ресторане душа постоянно требовала разнообразия, и он то и дело переходил от одного стола к другому.

— Ты знаешь, Вит, кто придумал американскую рулетку? — спрашивал он, наблюдая за бегом шарика.

— Наверное, какой-нибудь твой предприимчивый соотечественник? Как известно, все гениальные, важные и полезные вещи изобретены в Соединенных Штатах.

Джо, судя по всему, иронии не понял:

— Нет, она изобретена французом. Он был математик или философ... Его имя было Паскаль. — Коллуэй имел такой важный вид, словно только что выдал не сомнительную гипотезу, а доказанный исторический факт.

Малахов покачал головой:

— Сомневаюсь, чтобы Паскаль, великий философ, стал придумывать

приспособления для азартной игры. Ему что, больше нечем было заняться?

— Вит, ты не понял. Это не для игры. Паскаль пытался изобрести этот... Перпетум мобиле.

— Вечный двигатель?

— Yes. Но получилась рулетка. И американцы придумали в нее играть.

— Ну да, догадались применить неудавшийся вечный двигатель в коммерческих целях. Ну что ж, друг мой Джозеф, в это я, пожалуй, готов поверить. Правда, я слышал другую версию происхождения рулетки... Поздравляю, ты опять выиграл.

Коллуэй сгреб фишки и заинтересованно поглядел на собеседника:

— Какую?

— Ну, это скорее легенда. Некий Морис Блан, банкир, писатель и шулер, основатель крупного казино в Монте-Карло, продал душу сатане, чтобы получить секрет такого вот игрового устройства. — Малахов старался говорить совершенно серьезно. — Поэтому считается, что игорные дома — это одно из любимых мест на земле для дьявола и его приближенных.

— Ну, Вит, это же только сказка! — недоверчиво покачал головой его заокеанский партнер.

— Ты думаешь? Как знать... Попробуй подсчитать сумму всех чисел рулетки. Получишь три шестерки — число зверя.

Доверчивый Коллуэй послушно достал калькулятор и принялся складывать числа. Результат его ошеломил.

— Не может быть! — пробормотал он и испуганно оглянулся по сторонам. Лукавый не объявился.

— Может, пойдем в бар? — предложил Виталий, которому уже наскучило подшучивать. — Я бы не отказался чего-нибудь выпить.

— Я еще не играл в автоматы, — возразил Джо.

— Ну, так успеешь еще.

— Нет, я не пойду в бар, я выпил сегодня много, — выдал американец после некоторых раздумий. — Иди один и принеси мне этот... помидорный сок.

— Как скажешь, дружище.

Бар располагался наверху, в башенке, туда вела резная винтовая лестница. Виталий поднялся по ней и почти сразу же увидел женщину, сидевшую на высоком стуле у стойки. В первый миг ему почему-то вдруг показалось, что это его «девушка из таверны», но потом он сразу же понял, что обознался — женщина у стойки не имела ничего общего с его официанткой. Она сидела к нему спиной — стройной, смуглой, почти

обнаженной, пересеченной крест-накрест двумя тонюсенькими бретельками, которые поддерживали длинную ярко-красную юбку, начинающуюся значительно ниже узкой талии. «Смело», — отметил он про себя. Ее черные волнистые волосы были небрежно склоты алой, в тон наряду, заколкой. Казалось, женщина качнет головой — и густая темная лавина сразу же рассыплется по плечам. «Со спины хороша, ничего не скажешь!» — пронеслось в голове у Малахова.

И, точно подслушав его мысли, женщина обернулась. Виталий жадно глянул в ее лицо и удивился. Судя по фигуре и одежде, он представил себе совсем молоденькую девушку, а даме явно было за тридцать, если не за сорок. Впрочем, она, без сомнения, могла позволить себе носить столь вызывающий наряд. Спереди платье оказалось не таким открытым, но тем не менее отлично подчеркивало все достоинства фигуры. Шея, руки и соблазнительно оголенные плечи были такими же загорелыми, как и спина. Черты смуглого лица казались правильными до безупречности.

Вообще-то Малахов не любил женщин в красном. Сам цвет ему нравился, но не в одежде — слишком он привлекающий внимание, вызывающий и агрессивный. Позволить его себе может далеко не каждая. Но незнакомка была именно той редкой женщиной, которой красный шел.

Не обращая никакого внимания на его пристальный взгляд, женщина легко соскользнула с высокого стула и направилась к лестнице. Виталий посторонился, пропуская. Ее щиколотки, видневшиеся при ходьбе в разрезе длинной юбки, обнимали плетеные ремешки черных босоножек на высокой шпильке. На левом плече она придерживала лакированную сумочку на таком же плетеном ремешке.

Когда она проходила мимо, он с удивлением обнаружил, что от нее *никак* не пахло. Ни легкого аромата духов, ни дуновения от волос, ни запаха кожи — вообще ничего. Он даже не думал, что такое бывает.

Пройдя в бар, Малахов машинально отметил, что на стойке не осталось пустого стакана. Выходит, женщина сидела там просто так, и бармен никак на это не реагировал.

«Видимо, она здесь своя, — решил Виталий. — Интересно, кто она? Судя по одежде, дама очень состоятельная, вряд ли проститутка... Но и на игрока она не похожа. Скорее всего, чья-нибудь жена или подруга. Кого-нибудь из завсегдаево. Или из местных. Может быть, даже хозяйина казино».

Выпив коктейль и прихватив стаканчик «помидорного» сока для Джо, Малахов вернулся в зал. Женщины в красном уже нигде не было видно, зато он почти сразу же наткнулся на своего заокеанского приятеля и с

одного взгляда понял, что тот чем-то взволнован.

— Что случилось, Джо? Ты сорвал джек-пот?

— Автоматы не принесли мне выигрыша, — покачал головой техасец.

— Ну так пей свой сок и поехали домой!

— Нет, я хочу играть еще.

— По-моему, ты уже все тут перепробовал.

— Нет, не все. — Джозеф залпом выпил сок. — Я тут слышал крайним ухом... Что ты улыбаешься? Я неправильно сказал?

— Ну да, дружище, надо говорить «краем уха». Ладно, не обижайся! Так что ты слышал?

— Тут где-то играют в «русскую рулетку». Что это такое? Виталий снисходительно улыбнулся:

— Джо, ты что-то не так понял. В русскую рулетку не играют, это просто такое выражение, что ли...

Американец жаждал разъяснений.

— Понимаешь, раньше у военных, да и не только у военных, было такое опасное развлечение. Брали револьвер, вынимали из барабана все патроны, кроме одного, по очереди прикладывали оружие к виску или там к сердцу и нажимали на спуск. Соответственно тот, кому не повезло, мог схлопотать пулю.

Глаза Джозефа стали совсем круглыми, то ли от ужаса, то ли от удивления, что можно развлекать себя столь экзотическим образом:

— Я сам слышал... Эти мальчишки, которые сказали про суе... про суе...

— Они шутили, Джо. Или говорили не всерьез. Образно, понимаешь? А может, просто вспоминали передачу. У нас недавно была телеигра с таким названием. А ты много проиграл в автоматах?

— Нет, — не задумываясь, ответил Коллуэй. — Ровно тысячу ваших рублей. Так что сегодня моя прибыль составила шесть тысяч семьсот пятьдесят ваших рублей, или двести тридцать шесть долларов и восемьдесят четыре цента.

— Я рад за тебя.

— Может, отметим мой выигрыш в баре?

— Не сейчас, дружище. Уже половина второго ночи. Если честно, я просто с ног валюсь. Да и девушки наши дома заждались — моя Лана и твоя Наташа.

— Да-да, Наташа! — при упоминании этого имени техасец просветлел лицом. — Ты прав, пора до хаты, до дому. Но, Вит, ты помнишь, завтра ты и Лана будете обедать у нас?

— Уже сегодня, Джо! Вот уже полтора часа, как наступила суббота.

Они направились к выходу. Несмотря на поздний час, народу в казино не убывало. Виталий поймал себя на том, что все еще ищет женщину в красном. Но той нигде не было видно.

Ночь была лунной и удивительно теплой. Малахов и Коллуэй пересекли небольшой сад и уже подходили к воротам, как вдруг за их спиной раздался странный шум: резкий хлопок, точно взорвалась петарда, а затем — громкие, отчаянные крики нескольких голосов, перекрывших даже гремевшую в саду музыку.

— Что это? — испуганно спросил американец. — Это выглядит, как... как...

Он не договорил. Сделав несколько шагов в ту сторону, они своими глазами увидели, как это выглядело.

В углу сада, подальше от увитых гирляндами ярко горящих лампочек деревьев, стояла уже знакомая компания мальчиков-мажоров. Вернее, стояли они не все. Один из них — тот самый, кто знал, как по-английски «суеверие», — лежал на земле. Первого взгляда было достаточно, чтобы понять, почему он лежит.

Даже при таком освещении было отчетливо видно, что рядом с парнем на молодой, только-только пробившейся траве валяется револьвер. «Наган», с ходу определил Виталий, — причем старый, дедовский или копаный. Да, доигрались детки в войнушку... По белевшему в темноте джемперу расплылось на груди темное пятно. Малахова поразило, что крови было на удивление мало. Ему почему-то казалось, что должно быть больше, намного больше... От ее запаха затошнило.

Джозеф, с трудом присев на корточки — мешал объемистый живот, — пытался нащупать у мальчика пульс. Виталий молча наблюдал за ним и уже неизвестно откуда знал, что это бесполезно. Просто знал, и все. Он молча рассматривал лежащего. Светлые волосы, лицо, при жизни бывшее миловидным, а сейчас искаженное, но не гримасой боли или ужаса, а пожалуй, выражением безграничного недоумения. На парне стильная обувь и одежда, джинсы с широким поясом съехали вниз, открывая дорогое белье. Не иначе, тоже, блин, метросексуал, как Аркашка... Вернее, был им.

Вокруг уже давно поднялась суета, собрались люди, раздавались возбужденные голоса. А Малахов все смотрел и смотрел на тело. Потом поднял голову и увидел ее.

Она стояла совсем рядом, прямо напротив него, с другой стороны от убитого. Странно неподвижная среди суетящейся кучки людей. Поверх алого платья теперь был накинут длинный темный бархатистый плащ, и это

сочетание алого и черного навевало неприятную ассоциацию с отделкой гроба. Черная крышка — красная бархатная подкладка. А внутри покойник.

Женщина тоже глядела на тело, но на ее лице не было ни страха, ни скорби, ни брезгливого любопытства — ничего общего с тем, как обычно смотрят на мертвых. Скорее на ее лице читалось... Нет, пожалуй, Виталий никак не мог бы определить для себя выражение ее лица.

Она подняла голову, встретила его взгляд и едва кивнула, то ли ему, то ли своим мыслям. Малахов не понял, что означал этот жест. А затем легко и непринужденно, точно делала что-то совершенно естественное, перешагнула на своих высоченных каблуках через мертвое тело, неторопливо прошла к воротам и скрылась за ними, так ни разу и не обернувшись.

Глава 3 Будничная суббота

Как это ни странно, Виталий Малахов относился к той немногочисленной категории людей, которые терпеть не могут выходные. С одной стороны, он не был работоголиком, у которых понедельник начинается в субботу, а день, проведенный в отрыве от любимого дела, приносит танталовы муки. С другой, выходные, а субботы особенно, у него обычно не задавались. Как все нормальные люди, он всю неделю мечтал отоспаться — и просыпался в субботу на полчаса позже, чем в будни. А потом долго не мог решить, что же делать дальше. Заставить себя опять уснуть? Можно, но тогда — Виталий хорошо это знал — он проспит до полудня, встанет с больной головой и весь день будет чувствовать себя разбитым. Неплохо было бы поваляться в постели с книжкой, но в выходные чаще всего выходило так, что читать было нечего — очередная книга или только что была закончена, или оказывалась забыта в офисе. И, поворочавшись с четверть часа, Малахов вставал, приводил в порядок постель, плелся в душ... А потом все утро маялся, не зная, куда себя деть, листал какие-то журналы, болтал по телефону, развалившись на диване, бездумно щелкал кнопками телевизионного пульта, переключаясь с одного спутникового канала на другой, с футбола на познавательную передачу о египетских пирамидах, а с очередного бандитского сериала на очередной бездарный музыкальный клип.

Так было и на этот раз. Разбудили его яркий солнечный свет и веселый гомон воробьев. Он всегда спал с незашторенными и приоткрытыми окнами, даже зимой. А уж когда было тепло, и вовсе норовил распахнуть их настежь. Лана, супруга, этого терпеть не могла. Ей тяжело было уснуть при свете, и даже в полном мраке она надевала на глаза специальную маску. И сквозняков она не выносила, окна при ней всегда были закрытыми. «Зачем глотать пыль и слушать этот шум, когда в доме кондиционер?» — возмущалась супруга. А Малахову вечно казалось, что в комнате душно и кондиционер не спасает от духоты... Решили проблему только разные спальни. Во время последнего ремонта специально для Виталия переделали бывшую детскую. Именно в ней, один на широченной кровати, он и проснулся в то утро. На часах восемь пятьдесят семь. Сна ни в одном глазу. Зато очень хотелось кофе. Вот бы кто-нибудь подал его в постель... Виталий усмехнулся про себя, вспомнив кого-то из сатириков: «Хотите кофе в постель? Нет ничего проще! Встаньте, сварите кофе, налейте в

чашку, отнесите в спальню, потом ложитесь — и пейте себе на здоровье!» Может, горничную нанять, чтобы кофе по утрам подавала? Этакую длинноногую мулаточку в белом фартучке, мини-платице, кружевной наколке на голове и чулочках на широкой резинке... Он попытался представить себе такую горничную, но воображение вместо знойной мулатки почему-то нарисовало русую официантку из любимого кафе. Малахов снова усмехнулся и отправился в свою ванную. У них с Ланой были не только разные спальни, но и разные ванные комнаты. Супруге необходимы были джакузи, живые цветы, зеркальная стена и чуть не с полдюжины шкафчиков, битком забитых всевозможными женскими вещичками. Виталию же вполне хватало душевой кабины, пары полок для умывальных принадлежностей да небольшого комода, где хранились чистые полотенца.

На душе опять было как-то сумрачно. Но не из-за вчерашнего происшествия в казино, нет. Безграничное удивление на лице нелепо погибшего мальчика, оброненный «наган», женщина в красном платье, перешагивающая через мертвое тело, — солнечным утром все это уже казалось не более чем неприятным сном или кадрами из просмотренного накануне фильма. Несколько дней назад Виталий, пока ехал на деловую встречу, то и дело застревая в пробках, слушал по радио интервью с каким-то психологом. Ученый муж очень возмущался «культом темы насилия» в книгах, кинофильмах и компьютерных играх. По его мнению, это привело к тому, что «человеческая жизнь резко обесценилась». Люди стали столь же безразлично относиться к смерти в реальном мире, как относятся к ней в выдуманном. И, вернувшись мыслями к трагедии в саду казино, Малахов неохотно признал, что психолог, пожалуй, прав. Воспоминания о вчерашнем не вызывали в душе никаких эмоций, кроме досады и желания поскорее забыть. Малахов так и поступил. Принимая контрастный душ, он уже размышлял о планах на выходные и с сожалением признавал, что ему вообще ничего не хочется. Не хочется никуда идти, не хочется никого видеть, ни с кем говорить... И делать ничего не хочется. Вообще.

Он выключил воду и вышел из душевой кабины. Большое зеркало, вмонтированное в противоположную стену, запотело. Виталий мазнул по нему ладонью и посмотрел на свое распаренное, недовольное, мокроволосое отражение.

— Ну чего тебе надо? — спросил он. — У тебя все есть. И даже больше, много больше. Ну скажи мне на милость, что тебе не так?

Но отражение ничего не ответило...

Виталий Малахов был родом из ПГТ — поселка городского типа в

Калужской области, носившего загадочное название Товарково. По местным меркам — райцентр на берегу красавицы Угры, с собственным заводом, семью магазинами, почтой, рынком и медпунктом. По столичным же — богом забытое захолустье с населением всего-то двенадцать тысяч человек, о котором москвичи и слыхом не слыхали.

«Элитным жильем» в родном поселке считались блочные пятиэтажки, появившиеся где-то на рубеже шестидесятых и семидесятых годов. Виталий отлично помнил, как пацанами они тайком пробирались на стройку, прячась от сторожей, затевали интереснейшие игры, с упоением лазили по лабиринтам полуготовых стен и подвалов, баловались со стройматериалами, кидались всем, что под руку попадет, и плавил в старых консервных банках обломки свинцовых решеток. Серебристый металл пузырился, превращаясь в однородную массу, его, обжигаясь, выливали в заранее подготовленные в песке ямки, и получались разные фигурки — солдатики, пушки, пистолеты. А потом стройка заканчивалась, и в дом въезжали счастливые новоселы. Но таких было немного. Большинство товарчан обитало в двухэтажных деревянных бараках с удобствами во дворе, выстроенных в первые годы советской власти, если не раньше, или в собственных, совсем уж деревенских домишках. Именно такой дом — бревенчатый, рубленый, с русской печкой — был и у Малаховых. Застекленная терраса, где летом было хорошо, а зимой невообразимо холодно, небольшая кухонька, горница, маленькая мамкина спальня и две даже не комнаты, а просто закутка, отгороженных от горницы только выцветшими ситцевыми занавесками. Тот, что побольше, принадлежал деду и бабке, в меньшем провел первые семнадцать лет своей жизни Виталий. Закуток был настолько тесным, что в нем едва помещалась узкая железная кровать с пружинной сеткой и потускневшими шариками на спинке да сбитое дедом из сосновых обрубков подобие прикроватной тумбочки. Уроки Малахов делал в горнице, за единственным столом, который в обычные дни был покрыт цветастой клеенкой, а в праздники застилался белой скатертью с бахромой.

Жили в Товаркове просто. Днем по будням работали — кто на местном заводе, кто в близлежащих совхозах, кто в Калуге, до которой нужно было добираться сорок минут по разбитой дороге на старом дребезжащем автобусе. Вечерами и в выходные тоже работали, только на себя — практически у каждой семьи имелся сад и огород. Многие держали скотину: иногда коров и поросят, чаще коз и птицу. Мужики ловили в Угре рыбу — летом с берега, зимой в проруби. Все товарчане, от мала до велика, ходили по грибы и по ягоды в щедрые окрестные леса, ведрами приносили

землянику, лисички, малину, грузди, опята, подберезовики с подосиновиками, а если повезет и год выдастся удачный — то и белые. Кто-то сдавал это богатство в «Центросоюз», кто-то вез на рынок в Калугу или Москву, но большинство запасались на зиму. С июня по ноябрь — от первой земляники до последних яблок, когда варили варенье и гнали самогонку — сахару было не достать. Летом, во время засолки огурцов и грибов, были перебои и с солью. Поэтому и то и другое, а заодно и еще что-нибудь, что повезло достать — крупу там или макароны, — норовили запастись заранее, в огромных пятидесятикилограммовых мешках, которые ставили поближе к печке, чтобы содержимое не отсырело. Остальные припасы хранили в погребе. Все было, разумеется, свое, покупать картошку или капусту никому и в голову не приходило. В местные магазины ходили в основном за бакалеей, спиртным да сигаретами, больше там ничего особо и не было. А перед праздниками или когда хотелось чего-нибудь вкусненького, выбирались в Москву на электричках, прозванных «колбасными», поскольку затаривались в столице преимущественно сосисками, сыром да колбасой. В Товаркове, как и во всех других мелких населенных пунктах, находившихся дальше ста верст от Москвы, такие вещи были настоящими деликатесами. Маленький Виталка до страсти любил сосиски и вареную колбасу — «Докторскую» за два тридцать и в особенности «Любительскую» за два девяносто. Но отведать такого лакомства удавалось нечасто...

Растеревшись докрасна мягчайшим махровым полотенцем и закутавшись в любимый халат, купленный во время очередной поездки во Францию, Малахов покинул свою ванную и спустился на первый этаж, в просторную кухню-столовую. Этим помещением Светлана особенно гордилась, после ремонта постоянно таскала сюда гостей, заставляла восхищаться дизайнерскими решениями, сыпала модными словечками: «эргономичность», «элементы хай-тека», «тенденция к модерну-минимализму». Виталий лишь усмехался. Для него главным всегда было удобство. Пользоваться такой кухней было, конечно, не в пример лучше, чем колоть дрова, готовить в русской печи или на керосинке, ведрами таская воду из колонки, что торчала от них за три дома. В основном готовила бабка, и доставка воды была святой обязанностью маленького Виталика.

Жили они тогда вчетвером — он, мамка Зина да дед с бабкой. Мать работала учетчицей на заводе, бабка Вера Кузьминична целыми днями хлопотала по хозяйству — у Малаховых был большой огород и сад с яблонями и вишнями, еще в придачу козы и куры. Оттого на столе у них

были козье молоко и яйца, а в сарае держалась стойкая вонь от куриного помета, настолько едкая, что щипало глаза.

Деду Степану Тихоновичу повезло вернуться с фронта даже не раненным, но в середине пятидесятых его, работавшего взрывником на карьере, где добывали щебень, контузило случайно отлетевшим осколком. С тех пор он оглох на правое ухо и все время разговаривал так громко, точно старался перекрыть шум падающей породы. Зина была у них поздним ребенком — к тому моменту, как они стали бабкой и дедом, оба старших Малахова уже вышли на пенсию.

История появления Виталия на свет была столь же типичной, как и жизнь в родном поселке. Зина Малахова ничем не отличалась от миллионов своих ровесниц, родившихся в первые послевоенные годы. В меру бойкая, но не развязная деревенская девушка, не красавица, но и не дурнушка, больше всего любившая, как она сама написала в своем девичьем дневнике, «свою Родину, вишневое варенье и фильмы с французским актером Жаном Маре». С рыжим Пашкой Волчковым у них случилась любовь еще в десятом классе, встречались почти два года, до самого Пашкиного призыва в армию, но Зинка была девушкой строгой, себя блюла и никаких вольностей кавалеру не позволяла. Как положено, отгуляли на проводах, простились за околицей, Пашка отбыл по месту службы, а Зина обещалась ждать. Ждала честно, на танцы в клуб перестала ходить, сидела вечерами дома, писала защитнику Родины нежные письма, бегала к воротам встречать почтальоншу. С местом службы Павлу повезло — отправили его не куда-нибудь в Заполярный круг или знойную Среднюю Азию, а в сытую и ухоженную Прибалтику. Письма в серых конвертах без марки приходили от него регулярно, но рассказывал в них Пашка больше не про свои горячие чувства к той, что осталась в родном поселке, и даже не про доблестную воинскую службу, а про эту самую Прибалтику, потрясшую его до глубины души. Там все было не так, все прямо как в «ненашем» кино — и море, и замки, и старинные дома в городах, и аккуратные ухоженные фермы вокруг этих городов, и чисто одетые вежливые люди, говорящие на непонятном языке, и девушки, все как на подбор красавицы, высокие, статные и белокурые. Про девушек низкорослой курносой Зинке нравилось меньше всего.

Ровно через год Пашка прибыл в отпуск, «на побывку». Он похорошел, возмужал и говорил в основном на одну тему: «А по-латышски хлеб будет maize», «А вот в Латвии даже в хлеву так не воняет, как тут на улице», «А латышские девушки таких платьев не носят, у них у всех юбки короткие, выше колен, вот по сих пор, называется мини». С Зиной он был

нежен и настойчив, и она не устояла. Из трех положенных суток отпуска почти двое парочка провела наедине, в майском лесу и на берегу Угры. Потом Павел уехал, а Зина, счастливая и влюбленная, как это нередко случается, не сразу поняла, что с ее организмом творится что-то не то. Сначала не думала об этом, потом сомневалась, потом боялась подтверждения и до последнего надеялась, что «все как-нибудь обойдется»... Словом, когда она наконец решилась показать врачу, был уже четвертый месяц. Аборт делать поздно, да Зинка и не собиралась. Она не сомневалась, что Павел обрадуется ребенку. До его демобилизации оставалось уже не так много. «Вернется — и мы сразу поженимся, — мечтала девушка, — Даже хорошо, что малыш к тому времени уже родится. У меня живота не будет, можно будет платье красивое сшить, кружевное на чехле, как было у Ирки Шакуриной». Однако сообщить любимому радостную новость Зинка почему-то никак не решалась. Несколько раз садилась за стол, начинала писать и рвала бумагу сразу после нескольких фраз. Ей все казалось, что это послание должно быть особенным, не таким, как все остальные.

Пока она подбирала слова, почтальонша принесла очередной солдатский конверт. Зинка торопливо вскрыла его, достала аккуратно сложенный листок в клетку и начала читать.

«Зина, — писал в первых же строках ефрейтор Волчков, — хочу сообщить тебе, что ты теперь свободна. Между нами все кончено. Я встретил здесь девушку по имени Линда. Она очень красивая. Мы любим друг друга и после дембеля поженимся. Я останусь жить здесь, в Латвии. Прощай и не поминай лихом».

Ноги у девушки подкосились. Она упала на кровать и горько разрыдалась.

Писем от Павла больше не было. Прошло несколько месяцев. Ближе к зиме, когда живот уже был заметен, Зина решилась прийти к нему домой.

— А откуда я знаю, что это его ребенок, — сказала, стараясь не смотреть в ее сторону, тетя Нюра. — Может, нагуляла от кого другого, а теперь хочешь все на Павла свалить. Парень хорошо устроился, живет почти в загранице — нечего ему жизнь портить!

Девушка развернулась и ушла. И не стала никому портить жизнь. Писем от Пашки больше не было. Он действительно остался жить в сказочном краю шпрот и сгущенки, и в родном Товаркове так с тех пор ни разу не появился. А у Зины в середине февраля родился мальчик, которого она назвала красиво и «по-модному» Виталием. Записали его хоть и Павловичем, но Малаховым. Реакция родителей была самой что ни на есть

типичной — сначала, конечно, пошумели, мать поплакала, отец покричал, поругался нехорошими словами, что, мол, шлюха и в подоле принесла. А потом ничего, оба поутихли и к внуку привязались — хоть и «нагулянный», а все же свой, кровиночка. Так и зажили... И ничего — жили неплохо. Так, по крайней мере, казалось Малахову в детстве. В раннем возрасте всевозможные мелкие неприятности и бытовые неудобства вроде старой одежды и отсутствия горячей воды воспринимаются как-то проще. А может, и не так. Может, они и ощущались остро, но с годами это забылось. И теперь кажется, что тогда это было не так уж важно. Ну, подумаешь, ботинки вечно были велики на полтора размера и стоптаны чужой ногой. Мыться приходилось в корыте и предварительно нагревать на печке огромный тяжеленный бак. Питались в основном картошкой да капустой. Зато как тепла и ласкова была вода во время купания в Угре! Как душисто пахло на ее берегах цветами и свежескошенным сеном! Как сладка была клубника с бабушкиных грядок, вкусны прятавшиеся в больших листьях колючие огурцы, сочно хрустела на зубах в солнечные, но уже холодные золотые осенние дни спелая антоновка... Как здорово было зимой, набегавшись по морозу, вдоволь напиться вечером горячего-горячего чаю из большой алюминиевой кружки... С годами все это почему-то потеряло свою прелесть. Вода даже на самых лучших морских курортах не такая. И клубника. И антоновка...

Виталий засыпал в кофеварку любимый венский кофе, открыл встроенный холодильник, привычным взглядом окинул полки. Морепродукты, икра, пармская ветчина, французский сыр с пониженной калорийностью, обезжиренное молоко... На отдельной полке в супермаркетовских коробочках свежие ягоды: земляника, голубика, ежевика. Лана очень внимательно следила за их питанием. Подумав, он вынул буженину — затянутые в пленку тоненькие аккуратные ломтики нарезки на белоснежном поддоне, достал из специального ящичка диетический багет с отрубями.

Другого хлеба у них в доме не водилось, и Малахова это вроде бы даже устраивало. А в детстве казалось, что ничего на свете нет вкуснее свежего и душистого черного «кирпича» с жесткой корочкой и теплым нежным мякишем. Черный хлеб почему-то был для них обязательным атрибутом игры в «партизан и фашистов». Тогда, в семидесятые, Калужская земля еще хранила множество ран, нанесенных войной, — воронки от взрывов, траншеи, окопы... Их любимым местом была отлично сохранившаяся землянка в лесу. Там полагалось держать оборону от врага, а в перерывах между атаками непременно съесть этот самый хлеб, запивая

его из котелка студеной колодезной водой. А «фашисты», ясное дело, не давали расслабляться. Отстреливались от противника шишками или «понарошку» из деревянных автоматов. Хотя побывали у них в руках и куда более опасные вещи. В окрестных лесах и полях, где шли кровопролитные бои, чего только не выкапывали из земли дотошные пацаны! Каски с полустертой красной звездой или свастикой, пустые рожки и диски от знаменитого «ППШ», помятые железные фляги... Гильзы от разного оружия и за находку-то не считались, у каждого мальчишки их было по несколько горстей. Но среди них случалось найти и целый патрон, который, понятное дело, взрывали, каким-то чудом оставаясь живыми и невредимыми. Впрочем, везло не всем. Были случаи — калечились, обжигали лицо, увечили глаза и пальцы, а соседский Васька Лукьянов, тети-Манин сын, бывший семью годами старше Малахова, погиб, подорвавшись на копаной гранате. Но все эти ужасы, конечно, мальчишек не останавливали, и они с удвоенным любопытством продолжали поиски. Маленький Виталька все мечтал выкопать где-нибудь немецкий «шмайссер», но ему так и не удалось, хотя, по слухам, подобное случалось. В соседней деревне Комельгино, поговаривали, парень из Москвы нашел целехонький пулемет «максим». Виталий даже помнил, что звали того счастливчика Сергеем. Хотя, быть может, и наврали про пулемет-то...

При помощи нежного сигнала кофеварка дала знать, что кофе готов. Малахов налил себе полную чашку густого дымящегося напитка, бросил два куска коричневого сахара, подумав, добавил еще один. Плеснул сливок, разместил приготовленные бутерброды на большой керамической тарелке, идеально сочетавшейся по рисунку и дизайну с общим оформлением кухни-столовой. Уселся за стол с прозрачной столешницей, откинулся на причудливо изогнутую спинку современного стула, машинально притянул к себе валявшийся в стороне журнал. Читать за едой — это была его давнишняя и неискоренимая привычка, с которой Лана уже устала бороться.

К чтению Малахов пристрастился в третьем классе. Он отлично помнил этот момент — была очень холодная зима; сразу после каникул он простыл и свалился, но, как выяснилось позже, не просто с гриппом или ОРЗ, а со свинкой. На шее под ухом раздулась огромная безобразная шишка, которая очень болела. Трудно было не только жевать и глотать, но даже дышать. Толстая пожилая врачиха велела повязываться косынкой и строго-настрого запретила выходить на улицу. Болел Виталька редко и потому страдал от долгого сидения дома. Чего делать-то, скажите на милость? Ни в снежки поиграть, ни с горки покататься, ни крепость

построить. Мать три дня молча наблюдала за его мучениями, а на четвертый принесла с работы толстую растрепанную книжку. Это были, как он сейчас помнил, «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гека Финна». Читал Малахов к тому времени хорошо. Он вообще был способным и искренне недоумевал, почему большинство его одноклассников не в состоянии врубиться в самые элементарные вещи вроде арифметических действий — ну чего тут можно не понимать? Но вот взять в руки книгу, помимо учебника, ему до той самой злосчастной свинки как-то в голову не приходило. Теперь же он от скуки раскрыл принесенный том — и уже не мог оторваться, даже о болячках своих забыл. История отчаянных и озорных мальчишек, так похожих (как ему казалось) на него самого, увлекла Виталия. «Тома» он прочел за три дня, «Гека», понравившегося даже больше, — за два, а когда книга закончилась, тут же открыл ее снова и начал сначала. А едва ему позволено было выйти на улицу, сразу же влез в пальто и валенки, нахлобучил шапку и пулей вылетел за ворота, но помчался не к приятелям и не на речку, а в клуб, при котором была поселковая библиотека. Записался и также бегом вернулся домой, прижимая к себе новую книгу — на этот раз «Остров сокровищ». Библиотекарша, на его счастье, оказалась понимающая. С тех пор Виталий просто жизни себе не представлял без чтения...

Журнал оказался женским и на редкость скучным. Как всегда, одно и то же — светская хроника, звезды, хвастающиеся своими домами, машинами, детьми и собаками и изо всех сил, но тщетно, пытающиеся продемонстрировать *глубокое внутреннее содержание*; мода; косметика; советы, как привлечь и удержать мужчину, и реклама, реклама, реклама... Вспоминать было гораздо интереснее. Малахов отодвинул от себя журнал, взял с тарелки второй бутерброд, куснул, отхлебнул кофе. Возвращаться мыслями в свое отрочество он не слишком-то любил. Но раз уж пошла такая пьянка...

В седьмом классе он влюбился. Объектом его нежной страсти стала одноклассница Галка Антипова, настоящая русская красавица, высокая, статная, синеглазая, с развитой грудью и длинной толстой русой косой, которую она всегда перекидывала вперед, дабы, как он понял только сейчас, эту самую грудь подчеркнуть. Когда она стояла рядом или проходила мимо, у него кружилась голова от крепкого, манящего запаха ее тела. Всю вторую и третью четверть Галка являлась ему во сне, смущая и нарушая ночной покой формирующегося организма, а в четвертой парень не выдержал и, как это называлось в книгах, «объяснился» с ней в школьном саду среди цветущих яблонь и вишен.

— Галка, а давай с тобой гулять? — предложил он нарочито развязным тоном, внутри весь дрожа и холодея.

Антипова округлила и без того огромные глаза и вдруг расхохоталась:

— Ты чего, сдурел, Малахов? Ты на себя посмотри! Тоже кадр нашелся! Да ты же мне в пупок дышишь!

Она действительно была выше его на полголовы, в этом возрасте девочки часто обгоняют мальчиков в росте. Но Виталий тогда этого не знал. Впрочем, если бы и знал, вряд ли бы ему это помогло...

Пустьчный, в общем-то, эпизод с точки зрения взрослого человека для подростка стал настоящей драмой, переломным моментом в жизни. Он очень болезненно переживал этот удар, даже поплакал ночью. А утром принял решение.

«Ну что же, она еще пожалеет! — сказал он себе, когда небо за окном стало светлеть и в сарае хриплым истошным голосом заорал, призывая зарю, кохинхинец Петька. — Увидит, каким я стану, поймет, какой была дурой... Но будет уже поздно!»

Плохое обернулось к лучшему. Права была бабушка Вера Кузьминична, к тому времени уже покойная, со своим «Все, что господь ни делает...». С этого мига Малахов дал себе слово, что многого добьется в жизни. И принялся упорно и настойчиво двигаться к своей цели. Если раньше он занимался не слишком старательно, то теперь перестал тратить время на то, что дед называл «собак по улицам гонять», и кинул все силы на учебу. Вскоре из «твердого хорошиста», как это тогда именовалось, он превратился в отличника. Одним из первых в своем классе Виталий вступил в комсомол и до окончания школы был неизменным членом школьного комсомольского комитета. При этом он отнюдь не стремился быть лучшим, сделаться секретарем, комсоргом или хотя бы старостой класса. Слава и шумный успех были не для него. Он охотно предоставлял авансцену другим персонажам, а сам продолжал спокойно заниматься своими делами, оставаясь в тени.

Два последних выпускных года были очень нелегкими. Во-первых, умер любимый дед, и вся мужская работа по дому свалилась на еще не окрепшие плечи Виталия. Во-вторых, Малахов взял курс на поступление в вуз, да не в калужский, а непременно в московский. Он выбрал Институт химического машиностроения — не самый престижный, но и не такой, за диплом которого потом будет стыдно. Вечерами, когда его дружки-приятели собирались в стайки, шутили, танцевали, выпивали и брэнчали на гитарах, он сидел над учебниками и готовился к вступительным экзаменам. И ни разу не пожалел об этом. Да, он сознательно и почти полностью

лишил себя всех традиционных радостей юности. Он не курил, не получал особого удовольствия от спиртного, редко бывал в компаниях и вообще не встречался с девушками. Все это, как нетрудно догадаться, отнюдь не рождало симпатий к нему. В классе Малахова недолюбливали, друзей у него почти не стало. До открытых столкновений дело доходило нечасто, но ему до сих пор были памятны несколько драк, из которых он, что греха таить, не всегда выходил победителем. Но, к счастью, в систему это не вошло. Несмотря на неприязнь, Витальку все-таки уважали. За ум, за знания, за то, что не был выскочкой, стукачом, подлецом.

Словом, школьная юность была далеко не самым приятным периодом в жизни. Но сейчас, с высоты прожитых лет, он гордился собой и понимал, что все это было не напрасно. Его старания увенчались полным успехом. Медаль, отличная характеристика и уровень знаний, удививший его преподавателей («Даже не скажешь, что вы из провинции!», как выразился один из них), сделали свое дело. Абитуриент Малахов был зачислен на первый курс и поселился в общежитии «института хороших мальчиков», как в шутку называли свой вуз сами студенты.

Москва ошеломила его. Конечно, он бывал здесь раньше, и неоднократно — всего-то четыре часа на дорогу, — но одно дело *бывать*, просто ходить по улицам, глазеть на витрины, машины и прохожих, и совсем другое — жить. Мыться в душе, куда не надо таскать ведрами воду, готовить на газовой плите, ездить на метро и троллейбусах, есть мороженое, ходить в кино и в Парк культуры...

А дальше — больше. Малахов стал заезжать в гости к сокурсникам и поразился тому, насколько отличалась столичная жизнь от жизни в провинции. Двести километров, отделявшие Москву от Товаркова, оказались «дистанцией огромного размера». Насколько же здесь был налажен быт! Таких вещей, как домашний телефон, стиральная машина или электрочайник, в родном поселке не водилось в принципе. Там далеко не у всех семей были черно-белые телевизоры — а тут почти в каждом доме, где ему удалось побывать, смотрели цветные. Для его бывших одноклассников катушечный магнитофон был пределом мечтаний — а москвичи уже давно обзавелись кассетниками. Более того, в доме у друга Сашки Семенова Малахов впервые увидел настоящее чудо — видео. Санькин отец, бывший каким-то хорошим то ли инженером, то ли строителем, привез его из заграничной командировки. У них даже имелись две кассеты с русским переводом — про Кинг-Конга и про Индиану Джонса. Надо ли говорить, что и то и другое было пересмотрено сотни, если не тысячи, раз и в конце концов затерто до дыр.

Студент Виталий Малахов испытал то же самое, что пережил в свое время его отец Пашка Волчков. «Культурный шок», как он сам потом обозначил для себя это состояние. Он даже стал... ну, не то чтобы лучше, но как-то иначе относиться к отцу. Понял его, что ли... Возвращаться назад в деревню после того, как увидишь такое величие, посещаешь в нем, потрогаешь все это руками, было просто невозможно.

Как раз в это время, на первом курсе, Виталию попала на глаза статья о Джоне Рокфеллере. Он прочитал историю человека, сделавшего себе огромное состояние практически на пустом месте, и был поражен. Вот это личность! Разумеется, журнал, выпущенный в советское время, не мог писать об «акуле капитализма» иначе как о монстре, которым в буквальном смысле слова пугали непослушных детей, но автор статьи, бывший, очевидно, человеком очень неглупым, сумел, однако, передать между строк всю сложность и противоречивость этой фигуры. Студент-первокурсник был удивлен, как много у него оказалось общего с легендарным миллионером. И в судьбе — отец Рокфеллера тоже весьма непорядочно вел себя с его матерью; и в складе характера — оба они, и американский бизнесмен, и мальчишка из калужского поселка, считали главными своими добродетелями бережливость, волю и трудолюбие. Ничтоже сумняшеся Малахов взял лезвие «Нева» и аккуратно вырезал из библиотечного журнала нужные страницы.

С тех пор Виталий обзавелся кумиром. Сашка, увлекавшийся фотографией, скопировал и увеличил по его просьбе один из снимков, сопровождавших статью, и портрет Джона Дэвисона Рокфеллера-старшего занял место над его кроватью. Конечно, тогда, в начале восьмидесятых, о бизнесе и богатстве можно было только мечтать, но упорство и настойчивость в достижении цели были взяты на вооружение тотчас. Великая цель у Малахова была — ему необходимо было поселиться в Москве. Но выбрать для этого путь, по которому идут обычно приезжие девушки и молодые люди, он считал ниже своего достоинства. Брак с кем попало, лишь бы у этого кого-то была московская прописка, его не устраивал. Как-то это казалось некрасиво, не по-мужски. Рокфеллер бы так не поступил. И Виталий решил добиваться своего общим с кумиром методом — настойчивостью и упорным трудом.

За все пять лет учебы студент Малахов не пропустил без уважительной причины ни одной лекции, ни единого практического занятия. Он старательно и аккуратно делал конспекты, которые потом переписывал весь курс, просиживал в читальном зале до самого закрытия и, как результат, имел в зачетке только «отлично». Общественной работой он занимался так

же, как в школе, «по мере сил», исключительно для хорошей репутации, а не для того, чтобы заявить о себе. Принимал участие во всем, что называлось любимым словом того времени *мероприятие* — будь то политинформации, спортивные соревнования, походы, тематические вечера, самодеятельные концерты, — но при этом совсем не рвался в лидеры и ухитрялся не выделяться из общей массы. Просто *состоял и участвовал*.

В каникулы, когда веселый общежитский народ разлетался по домам, Виталий норовил остаться в Москве. Выбирался, конечно, иногда в Товарково, навещал мамку, привозил гостинцы, помогал по хозяйству — дров там наколоть или забор подправить, — но уже дня через три дома становилось невыносимо тошно. Москва, точно огромный сверкающий магнит, манила и не отпускала. И он потихоньку возвращался в непривычно, до гулкой тишины пустую общагу, занимался, находил себе временную работу или просто ходил по улицам, приобщаясь к жизни большого города, стремясь узнать его получше и стать здесь своим. И получалось. Не быстро, потихоньку, но — получалось.

В зимние каникулы четвертого курса случилось страшное. Рано утром Виталия, как обычно до последнего оттягивавшего поездку домой, позвали к телефону. С трудом, сквозь помехи и всхлипывания, он разобрал в трубке далекий голос соседки тети Мани Лукьяновой: «Витенька, приезжай скорее! Горе у тебя. Мамка померла...» Сорвался, в чем был, только куртку накинул на спортивный костюм. Как во сне прошли мимо сознания долгое ожидание на заснеженном перроне Киевского вокзала, электричка с заиндедевшими стеклами, цыганки, ехавшие в том же вагоне, — он всегда терпеть не мог цыган! — холодный тряский автобус. Пока добрался до Товаркова, промерз уже до костей, тетя Маня все ахала, отпаивала чаем с малиной и вела невеселый рассказ.

Выяснилось, что позавчера ночью у Зины схватило правый бок. Скрутило так, что хоть волком вой. Надо было бы вызвать «Скорую», но женщина не стала этого делать — ждала сына. А ну как ее увезут! Витенька приедет, а она в больнице. Нехорошо. Поэтому выпила анальгин, приложила горячую грелку — вроде бы полегчало. Уснула, утром все было будто бы ничего, а к вечеру началось опять. Тетя Маня, вставшая ночью на ведро сходить, увидела в окне у Малаховых свет и какую-то суету («Так и мелькает в окошке тень, так и мелькает!»), забеспокоилась и пошла узнать, в чем дело. Зинаида, вся скрюченная от боли, ни лежать, ни сидеть не могла, ходила взад-вперед по горнице, стонала и держалась за бок. Тетя Маня сразу же побежала в милицию, к телефону — врачей вызвать. Те

приехали быстро, меньше часа прошло, заругались, уложили Зину на носилки, повезли, но доставить не успели. Гнойный аппендицит, заурядное, в общем-то, заболевание, не пожелал больше дожидаться. Зинаида Малахова скончалась от острого перитонита на сорок первом году жизни. А Виталий в двадцать лет остался круглым сиротой. Ни разу не виденный отец из далекой Прибалтики был не в счет.

Когда справили сороковины и горе немного улеглось в душе, Малахов понял, что в Товаркове его ничего более не держит. Живых привязанностей у него не осталось, а могилы... Ну, что же могилы. Могилы можно и из Москвы навещать. Без всякого сожаления он продал сначала коз и кур, а чуть погодя — и дом с садом. К его удивлению, оказалось, что все их хозяйство имело не самую малую стоимость.

Большинство его сверстников в подобной ситуации тут же потратили бы вырученные деньги на всевозможные удовольствия — кино, кафе, такси, одежду «от спекулянтов» и так далее. Виталий был не таков. Он купил только самое необходимое: магнитофон «Весна», несколько кассет, кроссовки и джинсы «Супер Райфл».

Все остальные деньги легли на сберкнижку. Малахов поклялся, что будет тратить их только на что-то серьезное.

Студенческое время пролетело быстро. Приближалось окончание института, выпускникам предстояло распределение. Виталий надеялся, что попадет на самое престижное место — в крупный НИИ-«ящик», о котором мечтали все его сокурсники, но туда его не взяли. Вакансий оказалось немного, и достались они, как водится, блатным москвичам. Малахову же предложили должность инженера на крупном заводе, что было похуже, но, впрочем, тоже неплохо. Институт был успешно закончен, диплом — красный! — получен. И Виталий из одного общежития перебрался в другое — заводское, в современном доме и квартирному типу. Да еще в паспорте появился штамп о прописке — не временной, на годы учебы, а постоянной. Он стал москвичом! Пусть пока без собственной крыши над головой, но москвичом!

...Кружка опустела, на керамической тарелке остались только крошки, но Малахов не чувствовал себя ни сытым, ни довольным. К тому же показалось, что в кухне становится душно. Он распахнул створки, и в комнату тут же ворвался весенний шум со Старой Басманной — кухонные окна у них выходили на улицу. Малахов задумчиво облокотился на подоконник. Поток воспоминаний вырвался из-под его контроля.

...После распределения вчерашний студент очень быстро понял, что на заводе ему не нравится. Разрабатывать, усовершенствовать и внедрять в

производство новые технологии было абсолютно неинтересно. Если раньше он относился ко всему этому в теории как к необходимой ступени в достижении цели, ради которой можно было перетерпеть все, то теперь цель была достигнута.

Он уже поселился в городе своей мечты. И воплощать на практике то, что осточертело еще в институте, не было никакого желания. Неизвестно, что стало бы с Малаховым, если бы не очень вовремя начавшаяся перестройка. Закадычный институтский дружок Сашка Семенов одним из первых смекнул, какие радужные перспективы открылись теперь перед предприимчивыми людьми, и как-то быстро успел обратить в свою веру и соскучившегося на заводской работе приятеля. Получился отличный дуэт: у Санька были идеи, смелость и ловкость, приобретенная благодаря некоторому опыту фарцовки, у Виталия — деньги на сберкнижке, врожденное чутье и фото Рокфеллера над кроватью. Первым их совместным бизнесом, Малахов помнил это, как сейчас, была реализация партии ажурных черных колготок. Семенов уговорил купить несколько мешков этих штучек, подпольно состряпанных то ли в Ереване, то ли в Кутаиси. Колготки были сделаны грубовато, кустарное производство чувствовалось за версту — но они были черными, в крупную ячейку, то есть именно такими, какие наши соотечественники видели в западных фильмах и низкопробных иностранных журналах и искренне считали эталоном сексуальности. Все вышло так просто, что молодые люди только руками развели. В то время по Москве у станций метро и в прочих людных местах стали возникать импровизированные рынки, где продавалось буквально все на свете. Ребята покрасивее упаковали несколько колготок в выпрошенные у Сашкиной мамы пакетики, отнесли на первый попавшийся такой базарчик у метро «Белорусская», рядом со знаменитым на весь город цветочным рынком, и показали толстому кавказцу. Тот кинул хищный оценивающий взгляд, вынул из пакетика колготки, внимательно рассмотрел на свету.

— Сколько их у вас? Ребята сказали.

— Сколько просите?

Пока Виталий думал, что ответить, Санька с невозмутимым лицом назвал цифру, ровно в десять раз превосходящую сумму, которую они отдали за всю партию.

Кавказец поцокал языком:

— Вах, драгаой, што так много? Нэт. Сашка пожал плечами:

— Не хочешь — не бери, другие возьмут.

И повернулся, делая вид, что хочет уйти. Кавказец поспешно его

остановил:

— Ну хоть немного скинь, да?

В конце концов ударили по рукам. И когда все мешки с колготками были переданы толстому кавказцу, ребята оказались в выигрыше один к пяти. Неплохо для первого раза!

С тех пор за что они только не брались... Торговали на вернисаже поделками из дерева, держали палатки, «челноками» возили трикотаж из Польши и косметику из Турции, пробовали перегонять на продажу иномарки и даже открыли на некоторое время маленький цех, где «варили» джинсы. Это дело шло особенно хорошо, жаль, «варенка» очень быстро вышла из моды. На заводе, где зарплата стремительно обесценивалась, Виталий стал бывать все реже. А при первой возможности и вовсе ушел оттуда. Заработанных денег ему вполне хватало на то, чтобы снимать хорошую квартиру. А прописка путем нехитрых финансовых манипуляций у него сохранилась даже тогда, когда он покинул заводское.

Конечно, не все затеи оказывались одинаково удачными, но, во всяком случае, ни одна их не разорила, наоборот, все приносили более или менее приличные доходы. К тому же за эти годы приятели немало помотались по городам и весям, посмотрели мир. «Так что мне повезло, что я в «ящик» не распределился, — много раз говорил себе Малахов. — Кто бы меня тогда за границу выпустил? Права, ох, права была бабушка — все к лучшему...»

Идея заняться мясом, как ни странно, пришла в голову Виталию. Обычно мозговым центром их союза был Сашка — ему быстро все надоедало, и он с удовольствием переключался с одного, в общем-то, вполне выгодного дела на другое, сулившее еще больший успех. Предложение друга он принял с энтузиазмом — в начале девяностых годов с продуктами в Москве было более чем плохо, парную говядину и телятину, доставленную с малаховской «малой родины», у них буквально отрывали с руками. Тогда им казалось, что и это тоже ненадолго, до следующей идеи. Но дело пошло, Виталий не стал от него отказываться — и, как выяснилось, не прогадал. И вот теперь, как говорится, «имеем, что имеем». Включая банковские счета, бизнес и офис с большим портретом Рокфеллера над столом в кабинете. Конечно, это не только его, Малахова, заслуга, ему очень повезло, что в фирме подобралась отличная команда, тот же Коля Тихомиров или Аркадий... А вот Санька проиграл по-крупному. Цветные металлы, на которые он вздумал перекинуться, оказались очень опасной затеей. В этом деле заправляли крутые ребята, которые шуток не понимали и самостоятельности не любили. Семенова угораздило повздорить с кем-то из них — и через пару дней его нашли в собственном подъезде с

двумя смертельными ранениями...

Поток воспоминаний прервали трели мобильного телефона. Малахов взглянул на определитель: Борька Егорин. Чего это приятелю понадобилось в такую рань — времени без десяти десять? Хотя догадаться нетрудно...

— Алло?

— Витаська, друг, слушай, выручай! Тебе моя вчера-сегодня не звонила?

— Мне нет, а Ланке не знаю, я вчера поздно приехал. А ты что — опять?

— Ну да! Заехал вечером к Алиске в Усово, думал, ненадолго, часа два потрахаемся — и домой. Но что-то раздухарился, сам понимаешь... И уснул — проснулся только сейчас. А Алиска, сучка этакая, только рада, нет чтоб разбудить...

— Так чего ты от меня-то хочешь? — неизвестно зачем спросил Малахов. Он уже отлично знал, о чем сейчас попросит его Борис. Такое уже неоднократно случалось.

— Позвони Ленке, старик, а? Придумай что-нибудь! А я уже выезжаю.

— Ну ладно, черт с тобой, позвоню. Скажу, что мы вчера вместе встречались с Джо, партнером моим американским, и до утра в казино зависли. Но не забудь, что с тебя причитается!

— Спасибо, друг, я твой должник навеки!

Малахов мысленно плюнул и набрал номер Елены Егориной.

— Алло, Леночка? Привет, как жизнь молодая? Ну, молодец. Умница. А детки как? Что ты говоришь? Где ж он умудрился простудиться — тепло же на улице? А! Ясно. Ясно. Слушай, Ленусь, а Борька доехал уже? Я что-то ему на мобильный звоню, а он недоступен... А я ему очень важную вещь забыл сказать... То есть как откуда? Из казино! Мы же с ним всю ночь сегодня трудовую повинность отбывали — развлекали Джозефа, моего тexasского партнера. Что ты говоришь? Даже не позвонил тебе? Вот засранец! Ладно уж, ты его сильно не ругай, сама знаешь, как он устает... И все равно подорвался, поехал мне помогать американца забавлять. А то я с ним уже замучился... Так что не волнуйся, скоро будет твой супруг. Ну что ты, какие женщины, мы только втроем были... Ладно, пока, Ленуськин. Федьку лечи, а то что это за дела — весна на дворе, а он болеть вздумал...

Он нажал кнопку отключения и облегченно вздохнул. Не слишком-то нравились ему подобные разговоры. Но выручить товарища — это святое.

Наверху, на втором этаже, послышался какой-то шум. Неужели Лана поднялась в такую рань? Нет, конечно, просто почудилось. Супруга и в будни-то никогда не вставала раньше одиннадцати. «Я — классическая

сова», — утверждала она. Часто возвращалась домой за полночь, могла лечь спать и в три утра, и в четыре... Практически всю домашнюю работу в их квартире давно уже делали приходящие помощницы по хозяйству.

Виталий поставил кружку и тарелку в посудомоечную машину, стряхнул со стола крошки, перешел из кухни в гостиную. Развалился на диване, привычно потянулся за пультом от телевизора. По «МУЗ-ТВ» звучала одна из немногих современных песен, которые ему нравились. Красивая девочка, прижимая к груди руки, пела: «Я к нему поднимусь в небо, я за ним упаду в пропасть, я за ним — извини, гордость! — я за ним одним, я к нему одному...» Малахов с удовольствием смотрел на девочку, слушал эти, незатейливые в общем-то слова, звучавшие так пылко и искренне, и завидовал этому самому ему, которого так любят. Но клип быстро закончился, на экране появились танцующие негры, бубнящие рэп, и Малахов поспешил переключиться на другой канал.

До Светланы ему как-то не везло с женщинами. Первый (и крайне негативный!) опыт интимного общения он приобрел почти сразу, едва поселился в общежитии. В таких местах всегда можно найти легкодоступных девиц, для которых в русском языке существует немало обозначений. Во всяком случае, «давалки», как презрительно именовали у них в общаге студенток такого сорта, было еще далеко не самым худшим словом.

Ту девчонку Виталий почти не помнил, так, что-то расплывчатое — малиновые губы, кроваво-красные ногти, зеленые веки и отросшие корни обесцвеченных перекисью водорода волос. Он даже имени-то ее не знал, называл, как и все, фамильной кличкой — Жучка. Эта самая Жучка, учившаяся на курс старше, почему-то положила на него глаз и после первой же совместной вечеринки затащила его в постель, где Малахов, одурманенный спиртным и взволнованный эпохальностью предстоящего события, потерпел полное фиаско. Мужская сила напрочь покинула его, и это вызвало у разочарованной Жучки целый поток язвительных насмешек. Преследуемый ее замечаниями, он кое-как оделся и с позором удалился с поля несостоявшейся любовной битвы.

Удар оказался еще сильнее, чем отказ Галки Антиповой. Виталька два года зализывал раны, заделавшись на это время ну просто настоящим женоненавистником. Вылечила его от этих комплексов сокурсница Фая Айдарова. Эта татарочка, невысокая, кривоногая, некрасивая, тоже была из породы «давалок», но ею управляли совсем другие мотивы, нежели Жучкой, — не развращенность и жажда острых ощущений, а доброта и неумение говорить «нет». С Файкой Малахов встречался до самого

окончания вуза. У них не было романа в прямом понимании этого слова — они не бродили, держась за руки, под луной, не строили совместных планов, не делились сокровенными мечтами и детскими воспоминаниями, не бывали вместе в кино и кафе и даже не считались парочкой. Просто когда предоставлялась возможность (у Людэ Поповой, Фаиной соседки по комнате, были родственники в Подольске, и она часто ночевала у них), Виталий проводил ночь у своей татарочки. Его это очень устраивало — не нужно было никаких слов, объяснений и обещаний. Он покупал что-нибудь к чаю да иногда приносил апельсины, которые она обожала и запросто могла съесть несколько килограммов за один присест.

Конечно, Малахов не был влюблен в Фаину. Ему продолжали нравиться совсем другие девушки, чем-то похожие, на Галку Антипову — яркие, бойкие, знающие себе цену. Таких в их вузе было немало, но подойти к какой-нибудь из них Виталий никак не решался. Кто он таков? Ваня из деревни, больше никто. И на фиг он такой сдался московским красавицам? Ни наследство, ни диплом не прибавили уверенности в себе. На заводе юные сотрудницы уже смотрели на молодого инженера более внимательно, чем барышни из института, но и тут все отнюдь не было гладко. С фабричными девчонками, имевшими за плечами ПТУ, а то и просто восемь классов, ему было невообразимо скучно. И Виталий принялся ухаживать за так называемыми «серыми мышками» из хороших семей. От таких девушек — тихих, интеллигентных, сентиментальных, утопавших в собственных комплексах, день и ночь мечтавших о любви и принце на белом коне — он не боялся получить отказ. С одной стороны, они не были, точнее, не умели ощущать себя привлекательными и явно не страдали от избытка мужского внимания. Появление галантного, внимательного и заботливого поклонника становилось настоящим праздником в их скучной жизни. С другой стороны, у «милых скромниц», как он их называл, были добрые сердца и романтические души. Даже если кавалер им поначалу не слишком нравился, оттолкнуть его не позволяло элементарное человеческое сострадание. Они просто не решались обидеть своим отказом того, кто, как они считали, был в них влюблен.

Конечно, с «серыми мышками» тоже было достаточно проблем. С ними нужно было вести задушевные романтические разговоры и философские диспуты, нужно было знакомиться с их мамами, папами и бабушками, ходить по театрам и музеям. Но все это Виталия не слишком напрягало, даже наоборот, подобное общение ему нравилось и, если можно так выразиться, его обогащало. Девушки мягко и ненавязчиво учили его правильно вести себя за столом и в общественном месте, поправляли

ошибки в его речи, подсовывали книги, которые необходимо прочитать каждому культурному человеку, и объясняли то, чего он в этих книгах не понимал. В «милых скромницах» Малахова смущало только одно — на таких девушках обязательно надо было жениться, а он пока этого не хотел. Не потому, что, подобно Паратову из модного фильма «Жестокий романс», норовил «дорого продать свою свободу». Скорее, тут подошла бы другая киноцитата: «Женитьба — шаг серьезный». Виталий понимал, что пока еще не готов к семейной жизни. И чувствуя, что отношения с той или иной скромницей уже дошли до такой стадии, когда остается лишь единственная возможная дорога — в загс, — он действовал по одному и тому же шаблону. Сначала резко сокращал общение, потом и вовсе пропадал на некоторое время, не приходил и не звонил (сами «мышки» не имели привычки обрывать телефон, они предпочитали сидеть дома и страдать), а потом вдруг назначал встречу под предлогом, что «надо поговорить». Это «поговорить» обычно превращалось в продолжительный монолог Малахова, сводившийся к тому, что его собеседница замечательный человек и, возможно, лучшая девушка на свете, что Виталий не сомневается, что уже очень скоро пожалеет о своем поступке, но... (здесь полагалось выдержать эффектную паузу и пару раз тяжело вздохнуть), к сожалению, сердцу не прикажешь... Так вышло, он встретил и полюбил другую. А потому благодарит свою расчудесную подругу за все, что у них было, и умоляет простить его. Хоть и понимает, что на самом деле ему прощения нет... И так далее и тому подобное. После подобного разговора «серая мышка», как правило, соглашалась, что он поступил благородно, и удалялась рыдать, а Малахов отправлялся на поиски следующей, с которой все повторялось с начала и до конца. Эта наработанная схема отлично функционировала почти десять лет. До тех пор, пока в его жизни не появилась Светлана.

Со своей будущей супругой он познакомился на дне рождения очередной «милой скромницы», Сашеньки Киселевой, дочки его заводского коллеги. Роман с ней тянулся дольше других и больше других утомлял Виталия, но из уважения к Сашенькиному отцу Малахов никак не решался с ней порвать. Они изредка встречались, ходили в кино, в театры и на выставки и совсем уж изредка оказывались в постели, где Саша постоянно очень много говорила, почему-то все время шепотом, хотя в квартире они были одни, и после секса, лежа в его объятиях, читала, шепотом же, Ахматову или Цветаеву. Она была уверена, что у них все хорошо, просто Виталий очень занят бизнесом и не имеет возможности видаться с ней чаще. Он же тяготился каждым свиданием, но жалел ее и никак не мог

найти в себе сил для последнего серьезного разговора.

День рождения Сашеньки был в конце января. Малахов наконец дал себе слово, что эта встреча будет последней, и собирался уйти красиво. Помимо подарка (серег с сапфирами в обрамлении мелких бриллиантов), он принес ей еще и шикарный букет белых роз и два пакета деликатесов из недавно открывшегося в центре супермаркета. Именинница была на вершине блаженства — такой стол, как получился у нее, в начале девяностых был редкостью. На праздник собралось с полдюжины подруг, таких же «серых мышек», бывших одноклассниц и однокурсниц и нынешних коллег по работе — Саша была учительницей географии в средней школе. Из мужчин, кроме Малахова, был приглашен еще один — муж коллеги-математички, толстый, уже заметно лысеющий очкарик, удивительно похожий на балованного перекормленного ребенка, которого увеличил в несколько раз какой-то озорной волшебник. Безусловно, младенец-переросток чувствовал бы себя здесь королем, если бы не присутствие Малахова в его неброском, но очень стильном костюме от «Кельвин Кляйн». Очкарик то и дело бросал в сторону «соперника» неприязненные взгляды, и Виталия это очень забавляло. Бизнесмен разливал принесенное с собой вино, шутил с девчонками и прикидывал про себя, которую из них он увел бы с собой. Малахов не сомневался, что любая из них, включая счастливую супругу, согласилась бы на подобное предложение с радостью.

Когда он уже порядком устал от разговоров о стремительной инфляции, трудностях с доставкой продуктов и каких-то педагогических разрядах (что это такое и почему столь важно для них, Виталий так и не понял), раздался звонок. Сашенька пошла открывать, из прихожей раздались радостные возгласы. Малахов вместе со всеми с любопытством повернулся к двери... и не поверил своим глазам. Девушка, появившаяся на пороге, была просто воплощением его грез. Высокая и стройная, дорого и со вкусом одетая платиновая блондинка показалась ему ослепительной красавицей. «Милые скромницы» сразу поблекли на ее фоне; вновь прибывшая гостья выделялась среди них, как полная золотая луна выделяется на ночном небе среди маленьких звездочек.

— Моя школьная подруга Лана! — представила Сашенька. Красавица окинула взглядом комнату и уселась рядом с Виталием.

— Это мое место, — попыталась было протестовать именинница. — Давай я посажу тебя вот тут, рядом с Мишей.

— Ничего, спасибо, мне здесь удобно! — очаровательно улыбнулась Лана и повернулась к Малахову: — Ну что, наливайте мне штрафную и

будем знакомиться!

До этого с ним ни разу в жизни не было ничего похожего. Виталий просто голову потерял. Он просто дурел от одного ее запаха. Ни одна из его знакомых женщин *так* не пахла... Даже Галка Антипова.

Вечеринка уже близилась к концу. Он вышел из ванной и увидел в прихожей маленькое столпотворение. Девчонки, сбившись в кружок, что-то горячо обсуждали.

— Что у вас тут стряслось, девушки? — приблизился к ним Малахов.

Лана подняла на него выразительно подведенные серые глаза:

— Да вот, представляете, надела новые туфли и натерла ногу.

Она изящным движением сбросила лодочку и продемонстрировала обтянутую прозрачными колготками ступню. Чуть выше пальцев действительно виднелась небольшая ссадина.

— Лана, ну как тебе не стыдно! — Сашенька покраснела так, будто ее подруга только что проделала нечто ну совершенно непристойное.

Виталий же не мог отвести взгляда от стройных лодыжек.

— Да, — сказал он, с трудом ворочая языком — во рту мгновенно пересохло. — Бытовая травма. До дома добраться сумеете?

— А у меня есть альтернатива? — пожала плечами Лана. — Конечно, я бы не отказалась, чтобы меня отнесли туда на руках, но...

— Транспортировку на руках не обещаю, но отвезти на машине могу.

— О, у вас автомобиль? И какой же?

— Вы будете разочарованы — не «Роллс-Ройс».

— Какая досада. Но, надеюсь, хоть не иномарка под названием «Запор-бенц»?

— «Форд Мондео» вас устроит?

— Вполне, — очень серьезно ответила Лана и посмотрела таким взглядом, который сразу перечеркнул всю шутливость их разговора.

— Но ты вернешься? — с отчаянием в голосе спросила Сашенька. У нее было лицо славянки, провожающей своего ясного сокола на смертельную битву со злобным ворогом. — Я думала, ты pomoжешь мне убрать посуду... Ты вернешься?

— Не знаю, — искренне ответил Малахов. И как в воду глядел. Вернуться ему было не суждено — ни в тот же день, ни потом.

До последнего Виталий был уверен, что для Ланы он — не более чем забава, развлечение от скуки. Просто избалованной красавице, как это раньше называлось в книгах, *пришла фантазия* отбить у невзрачной подружки состоятельного кавалера. Он опасался очередного удара и потому осторожничал, сдерживал себя и не проявлял инициативы. Но Светлана, к

его удивлению, взяла все в свои руки. Не прошло и двух недель, как она впервые осталась ночевать в его холостяцкой квартире (обычно он старался не допускать туда женщин, предпочитая встречаться на их территории). В марте они уже жили вместе, в апреле подали заявление в загс, а в августе сыграли свадьбу в ресторане «Прага», где у нее было какое-то знакомство.

Первые несколько лет жизни с Ланой Малахов пребывал как во сне, все никак не мог поверить в свое счастье. Просыпаясь ночью, он вглядывался в лицо на соседней подушке и недоумевал — неужели эта женщина, которая так красива даже во сне, *моя супруга?*

Светлана, урожденная Журавлева, затем Мансилья, затем снова Журавлева и, наконец, Малахова, была коренной москвичкой. Ее предки, принадлежавшие то ли к дворянскому сословию, то ли к купцам первой гильдии, жили в столице чуть ли не с петровских времен. Родословной своей в семье очень гордились — как и тем, что дед Ланы по матери был в пятидесятых годах заместителем министра, а отец, скончавшийся менее чем за год до того судьбоносного дня рождения, несколько лет проработал за границей — в Монголии, в Польше и в ГДР. У них была большая двухэтажная (нечто совершенно необыкновенное по тем временам!) квартира на Старой Басманной улице, и Виталий, разумеется, перебрался жить туда. К тому времени он уже прочно стоял на ногах, фирма «Мит-сити» набирала обороты. Вскоре им удалось выкупить по разумной цене и соседнюю квартиру. В результате перепланировки и грандиозного ремонта Малаховы стали владельцами настоящих хором.

По специальности его супруга была лингвистом. Она окончила филологический факультет МГУ, который романтики именуют «факультетом невест», а злые языки «факультетом старых дев». Ко времени их знакомства Лана работала переводчиком, но вскоре после свадьбы стала жаловаться на усталость и с удовольствием приняла предложение Малахова «немного отдохнуть». Однако несколько лет назад сидение дома ей тоже наскучило, и Виталий, после долгих обсуждений, приобрел для нее небольшую парикмахерскую, которую превратили в салон красоты. Новое занятие необычайно увлекло ее, особенно теперь, когда у Ланы появилась ну просто неоценимая помощница со странным именем Таня Тосс. Этого чудо-администратора Виталий никогда не видел, но день и ночь слышал о ней и понимал, заочно, разумеется, что дама, похоже, действительно неплохой менеджер. Она отлично вела бизнес, то и дело придумывала какие-то рекламные акции и даже ухитрилась заманить к ним в клиенты несколько известных и влиятельных людей. Эта Таня Тосс взяла на себя всю трудную работу, Светлане же оставалось только привечать клиентов,

заводить и поддерживать нужные знакомства, бывать в престижных местах и вообще, как она говорила, «держаться на уровне».

Рассуждения Виталия прервали мелодичные трели мобильного телефона. Определитель высветил на экране четыре буквы: *ДОЧЬ*. Малахов торопливо нажал на кнопку ответа.

— Привет, Вит! — Долька называла его тем же американизированным именем, что и Коллуэй. На «отца» или «папу» она так и не согласилась. Впрочем, и Светлану она уже очень давно не звала мамой. Но ту подобное положение вещей вполне устраивало.

«Это в пятьдесят лет приятно, когда у тебя дочь-тинейджер, — говорила супруга. — А в тридцать с хвостиком — ну ни капельки».

— Привет! — отозвался он.

— Ты как? — Дочь спрашивала только о нем. Светлана ее не интересовала.

— Я в порядке, а ты?

— А я плохо.

— О боже, что такое? — Малахов не на шутку встревожился. Чего другого, а уж подать повод для беспокойства эта юная особа умела, как никто.

В трубке раздался радостный девичий смех:

— Напугала? Вот здорово, я так старалась! Ладно, расслабься, я пошутила.

— Господи, ну и шуточки у тебя...

— Ты должен был спросить: «А почему плохо?»

— Спрашиваю.

— Потому что я очень давно тебя не видела. Уже неделю, наверное. И страшно соскучилась. Вот.

— Ну, так давай сегодня увидимся, — облегченно вздохнул Малахов. — Тебе во сколько в институт?

— Да, в общем-то, скоро пора выходить. По субботам у меня с утра английский, мог бы уже и запомнить. Но вечер сегодня свободен, последней пары не будет...

— Тогда давай встретимся! Может, приедешь в кафе около моей работы? Знаешь, это на...

— Знаю, в эту тошниловку ты меня уже водил! Нет уж, спасибо. Лучше пересечемся в каком-нибудь цивилизованном месте.

— Тогда сама придумывай где.

— А я уже придумала. Приезжай ко мне, ладно?

— Приеду... Хотя нет, котенок, извини, ничего не получится. Совсем

из головы вон — мы с Ланой идем сегодня на ужин к Джозефу и Наташе. Хочешь с нами?

— А если хочу?

— Ну и чудесно. Тогда мы заедем за тобой прямо в институт, договорились?

— Круто, я тогда без машины буду. Ох и оторвусь вечером, по полной! Как там, у американцев в гостях, спиртное наливают?

— Эй, смотри у меня!

— Да ладно тебе, Вит! Я же прикалываюсь!

— Стар я уже для таких приколов...

— Ой, прямо тоже мне, старик нашелся!

— А что ты думаешь? Сорок лет — это тебе не просто так. Больше половины жизни уже позади.

— У тебя плохо с математикой, Вит! — рассмеялась она. — Лично я считаю, что ты должен дожить лет до девяноста, как минимум. У меня относительно тебя большие планы... Ладно, мне уже бежать пора. Пока, до встречи!

Глава 4 Испанская дочь

Первое время Малахов даже не догадывался о том, что у его избранницы есть ребенок. Они встречались чуть ли не каждый день, Лана бывала с ним допоздна, оставалась ночевать в его квартире, охотно проводила в его обществе уик-энды — и при этом ни словом не обмолвилась, что дома ее дожидается маленький человечек. Только спустя уже два месяца после их знакомства, во время чудесного совместного завтрака, последовавшего за еще более чудесной совместной ночью, в ответ на осторожно оброненное Виталием: «Как здорово было бы вот так встречать с тобой каждое утро!» проговорила:

— Я тоже хотела бы этого. Но есть одно «но».

— Какое? — насторожился он.

— У меня существует дочь.

Она именно так и сказала тогда: «существует дочь». Не «у меня есть дочка», не «растет ребенок», не «воспитываю дочь», в конце концов. *А существует.*

— Правда? — удивился Малахов. Эта неожиданная новость вызвала в нем противоречивые чувства. Виталий не был детоненавистником и не боялся малышни. Готовая дочь, которую не надо учить ходить и менять ей подгузники — это даже неплохо. Вот только удастся ли им поладить... Вдруг она сильно привязана к своему настоящему отцу и не захочет принять его, Малахова?

— Ты никогда о ней не говорила. И сколько же лет твоей малышке?

— Шесть. Пойдет в школу.

— В «нулевку»? — щегольнул он знаниями последних веяний в сфере российского среднего образования.

— Нет, в обычный первый класс. В этой школе система «один к четырем», — отвечала она со скукой в голосе, и Малахов подумал, что на самом деле ничегошеньки не знает ни о педагогике, ни о детях вообще. Слова «один к четырем» ему ровно ни о чем не говорили, но уточнять он не стал, почувствовав, что его собеседнице эта тема не слишком интересна.

К знакомству с ее семьей он готовился особенно тщательно. Ему хотелось сразу же произвести хорошее впечатление, и он пошел по самому легкому пути — решил привезти подарки получше. Но если с потенциальной тещей все было ясно — букет цветов и большая коробка конфет «Моцарт», — то идей насчет презента девочке не было вообще.

Вернее, их было множество, и он совершенно не знал, какой именно отдать предпочтение. В полной растерянности Виталий бродил по недавно открывшемуся Дому игрушки на Якиманке, переходил из отдела в отдел, тупо пялился на витрины и никак не мог принять решения. Выбор был огромен, глаза разбегались, продавцы наперебой хвалили свой товар, но вот на чем же остановиться? Купить какую-нибудь куклу или большую мягкую игрушку? А может, у нее уже есть точно такая же? К тому же, он знал это наверное, на свете немало девочек, которые терпеть не могут мягких игрушек и не играют в куклы, предпочитая им солдатиков и машинки. Вот если бы у Ланы был сын, тогда и голову ломать было бы о чем. Сколько тут классных вещей для пацанов — роботы-трансформеры, автомобили с дистанционным управлением, оружие, как две капли воды похожее на настоящее... В свое время за любую из этих игрушек Виталька и его друзья готовы были бы душу продать.

Потеряв больше часа, он наконец решился обратиться за консультацией, но уже не к продавцам, а к покупателям. Подошел к невысокой миловидной женщине, державшей за руку прелестную девчущку, и, извинившись, спросил:

— Вы не подскажете, что можно было бы подарить девочке примерно одних лет с вашей дочкой?

Женщина задумалась, а ребенок нашелся сразу.

— Барби! — выпалило дитя.

— А вдруг у нее уже есть? — поделился сомнениями Виталий.

— Значит, у ее Барби будет подружка! — авторитетно отвечала девочка. И этот неопровержимый аргумент убедил Малахова окончательно. С помощью симпатичной женщины и ее толковой дочки он выбрал куклу, чем-то похожую на Лану, с платиновыми длинными волосами, в сережках, блестящем вечернем платье и золотых туфельках. Звали куклу почему-то не Барби, а Джессика. Упакована она была в красивую ярко-розовую коробку с большим прозрачным пластиковым окошком. Чем не подарок?

Встречать его вышли в прихожую только Светлана в очаровательном домашнем брючном костюме и принаряженная Нина Михайловна. Девочки не было.

— А где твоя дочка? — удивился Малахов. Ему казалось, что дети в силу их природного любопытства всегда выбегают посмотреть на гостей.

— Долька! Поди сюда, дядя Виталий хочет познакомиться с тобой! — крикнула бабушка. И в ответ на ее зов откуда-то из недр огромной квартиры появилось смуглое и худенькое, похожее на чернокудрого эльфа, существо. Малахов был поражен. Почему-то, глядя на Лану, он представлял

себе ее дочь пухленькой, голубоглазой, белокожей и розовощекой, как фарфоровая статуэтка, всю в бантах, золотистых кудряшках и обязательно с милой детской картавостью, при которой малыши произносят «л» вместо «р». Но девочка ничуть не походила на тот образ, который он себе нарисовал. Тоненькая как былинка, вся какая-то нездешняя — но при этом с очень серьезным, совершенно не детским, начисто лишенным беззаботности и наивности, взглядом темно-карих глаз, похожих на крупные виноградины.

— Здравствуйте! — строго сказала она, четко выговаривая все звуки.

— Здравствуй... Долька! — улыбнулся он. — Какое оригинальное имя.

— Ну, не Лолитой же ее звать, — поморщилась бабушка.

— Лолитой? — изумился Малахов. Стоящее перед ним неземное создание не имело ничего общего с нимфеткой, вызывающей похотливые мысли у взрослых мужиков. — Почему Лолитой?

— Потому что у набоковской Лолиты тоже полное имя Долорес, — нехотя пояснила Лана.

Позже Виталий узнал, что именем своим Долька была обязана прабабке. Старшая Долорес была, в свою очередь, названа в честь пламенной революционерки Ибаррури. В тридцать шестом году, когда на их родине началась война, эту самую бабушку привезли, вместе с другими детьми испанских коммунистов, в Советский Союз. И хотя юной девушке перед самой Великой Отечественной удалось вернуться в Испанию, любовь к далекой снежной России сохранилась у нее на всю жизнь. Через сорок лет она, уже будучи главой большой семьи, настояла на том, чтобы ее старший внук, сын любимой дочери, был бы отправлен учиться не куда-нибудь, а непременно в Москву, в Университет имени Патриса Лумумбы.

Студентка Светлана Журавлева — «спортсменка, комсомолка, отличница и просто красавица» — познакомилась с Рамоном Мансилья летом восемьдесят пятого года, во время международного молодежного фестиваля. Между знойным брюнетом и нежной платиновой блондинкой вспыхнула бурная страсть, приведшая, с разрешения властей, к законному браку. Рамон покинул общежитие и переселился в премильное двухкомнатное гнездышко на Соколе, снятое родителями невесты.

Девятнадцатилетняя Лана стала привыкать к супружеской жизни, день и ночь грезя о том, как ее избранник, окончив университет, увезет ее «из этой проклятой страны» в сказочно прекрасную Испанию. Сразу же после свадьбы девушка забеременела и, хотя не слишком обрадовалась этому преждевременному событию, ребенка все-таки решила оставить. Лана надеялась, что будет мальчик, продолжатель рода — это должно было

понравиться испанской родне. Однако беременность была трудной, протекала тяжело, и за девять месяцев она уже успела много раз пожалеть, что поторопилась с наследником. К тому же родилась девочка, и это окончательно разочаровало молодую мать. Единственное, что оставалось, — назвать малышку именем испанской прабабки и сдать на воспитание Нине Михайловне. Новоиспеченные родители к моменту появления на свет Дольки были еще студентами, и у них не хватало ни времени, ни сил на пеленки и бессонные ночи.

Интернациональному ребенку не исполнилось еще и четырех месяцев, когда Лана, возвратившись на Сокол в неурочное время, застала своего красавца супруга в постели с двумя девицами сразу. Причем одной из девиц оказалась Ленка, считавшаяся ее лучшей подругой, но никогда не скрывавшая своей зависти к тому, что «Журавлевой удалось выскочить замуж за иностранца». Ленка приложила все усилия, чтобы немая сцена переросла в грандиозный скандал. Супруги развелись, и через полгода выпускник медицинского факультета Университета дружбы народов Рамон Мансилья отбыл на родину с новой женой. Лане же оставалось утешаться тем, что это была не Ленка и даже не третья участница их коллективных развлечений, а еще какая-то незнакомая ей девица.

— Значит, ты Долька? — Малахов присел перед ребенком на корточки. «Все-таки действительно странное имя для такой девочки. Вроде ласково, по-домашнему, а с каким-то оттенком пренебрежения. Как кличка», — подумал он и устыдился собственных мыслей. — А я дядя Виталий. Будем знакомы. Смотри, что я тебе принес.

Он вынул розовую коробку и протянул Дольке. Та внимательно посмотрела на куклу через прозрачное окошко и вдруг, не дотронувшись до нее и не сказав ни слова, развернулась и побежала прочь.

— Куда же ты? — растерянно крикнул он ей вслед.

— Внучка!

— Долорес, сейчас же вернись! Но Долька больше не появилась.

— Вы извините, — сказала Нина Михайловна, забирая у него из рук коробку. — Я ей потом сама отдам. Уж такая она уродилась... Нелюдимая. Нам даже психоневролог в детской поликлинике сказал, что она будет или гениальной, или сумасшедшей...

— Ну мама, что ты такое говоришь! — возмутилась Лана. — И вообще, хватит о ней. Что мы все в прихожей стоим, пойдемте в комнату.

Первое время Малахов просто боялся девочки, поскольку абсолютно не умел общаться с ней. Его смущал недетский взгляд, замкнутость, неумение (или нежелание?) смеяться и абсолютно взрослая речь, где и

лексика, и построение фраз были крайне нетипичны для шестилетнего человека. Впрочем, этот лед треснул уже очень скоро, после того как Лана, взяв на работе отгул, повела дочь записываться в школу.

— А почему так рано? — осторожно спросил Виталий утром. — Ведь ей только шесть, куда спешить? Она ведь не парень, в армию ей не идти... Может, отдашь на будущий год?

— Ну уж нет! — фыркнула его избранница. — Чтобы она еще целый год надоедала мне дома!

Поразмыслив, Малахов решил, что запись в школу — это праздник, и решил устроить сюрприз. Он освободился пораньше, купил торт, бутылку шампанского и побольше фруктов (Виталий уже знал, что Долька любит бананы) и поспешил в квартиру, которую уже потихоньку привыкал называть домом. Открыл дверь своим ключом и услышал шум в большой комнате, служившей одновременно столовой и гостиной. Нина Михайловна, прислонясь к стене, растерянно слушала дочь, взбешенная Лана ходила по комнате и громко что-то рассказывала. Долька, как зверек, забилась куда-то в угол.

— ...от стыда была готова сквозь землю провалиться! — возмущалась Светлана. — Ей говорят: «Посади каждого зайчика в его домик», а она заявляет: «Не хочу!» Ее спрашивают, почему, а эта принцесса отвечает: «Мне это неинтересно!» Представляешь?

— Господи, Долька, ну как же так? — ахала бабушка.

— Но это еще что! Потом ее попросили почитать стихи...

— Ну? — оживилась Нина Михайловна. — И что же ты прочитала? «Вот моя деревня» или «Крошка сын к отцу пришел»?

— Если бы! Их высочество изъявили желание прочитать что-нибудь из своего... Ахмадулина хренова!

— Ну, как же ты, внучка... Мы же с тобой специально разучили... И что? Не записали?

— Нет, ну записали, конечно... — Лана устало опустилась на стул. — Я сходила к директору, поговорила... Им ремонт в школе надо делать, компьютерный класс покупать... Влетит нам ее обучение в копеечку...

Тут Долька шевельнулась в своем углу, и мать прикрикнула на нее:

— Уйди с глаз моих долой! Видеть тебя не могу! Малахов, на протяжении всей этой сцены стоявший, никем не замеченный, в дверях, отступил назад. Девочка прошмыгнула мимо него, пронеслась по коридору и исчезла в своей комнате. И он, сам не отдавая себе отчета в том, что и зачем делает, пошел за ней.

Виталий был уверен, что она плачет, и очень удивился, увидев, что это

не так. Она просто сидела, свернувшись в клубок, в узкой щели между кроватью и шкафом. Он даже не сразу обнаружил ее в огромной комнате. Нарочито шумно, чтобы не напугать ребенка, он подошел и сел на пол рядом. Девочка подняла на него сухие глаза, похожие на черные виноградины.

— Долька... — он не знал, что сказать, но сказать что-то было просто необходимо. — Долька, а какие стихи ты читала в школе?

Он был уверен, что она не ответит на его вопрос. Но девочка вдруг проговорила тихо, почти шепотом:

— Про куклу.

— Про куклу? А ты считаешь их мне?

— А вы не будете смеяться?

— Нет, — заверил он. — Я не буду смеяться.

Она поднялась на ноги, встала очень прямо и, не отрывая взгляда от пола, прочла:

Печальны куклины глаза,
Без жизни в яркой краске.
Не тронет никогда слеза
Лица, что словно в маске.
В ней нет души, в ней нет тепла,
Мне не нужна подруга,
Которая всегда одна,
Всегда одна без друга.
Ей нужен друг, и, может быть,
Проснется что-то в кукле,
Она начнет хотя бы жить...
А может, и не будет.

— Не будет — что?

— Не будет жить.

— Надо же, какие стихи, — ошеломленно проговорил он. — Совсем взрослые... Неужели ты сама их сочинила?

Она только кивнула в ответ. И тут Малахов догадался:

— Это ты написала про свою куклу, да? Которую я тебе подарил?

Долька снова молча кивнула.

— А где она? — Виталий оглянулся.

Девочка показала на стеллаж у окна. Платинововолосая Барби-

Джессика действительно сидела на пустой верхней полке.

— Ты не играешь в нее? — догадался он. Долька покачала головой:

— Нет, не играю.

— А почему?

— Так.

— Может быть, ты вообще не любишь кукол?

— Я хочу Кена! — вдруг заявила девочка, поглядев на него снизу вверх.

— Кого? — не понял он.

— Кена. Это муж Барби. Кукла-мужчина.

— Ладно. Будет у тебя Кен, — пообещал он.

В тот же вечер он спросил у Ланы, сидевшей за туалетным столиком и расчесывавшей на ночь длинные платиновые волосы:

— Слушай, а почему у Дольки так мало игрушек? Я был сегодня у нее в комнате...

Его избранница недовольно повела плечами под черным полупрозрачным пеньюаром:

— Разве напасешься? Вечно все портится, ломается... Ответ его не удовлетворил, но он задал другой вопрос:

— И еще... Может, ей надо купить что-то из одежды? Давай я дам тебе денег...

Одевали девочку действительно неважно, он давно это заметил. Виталий видел у нее только одну-единственную более или менее приличную вещь — желтенький костюмчик «на выход». В нем Долька встречала гостей, в нем же ходила записываться в школу. Все остальное время на ней были какие-то линялые байковые платья, вроде тех, что девочки носили еще во времена совкового малаховского детства, «простые» колготки, заштопанные на пятках, жуткого цвета рейтузы, выцветшее пальтишко, явно с чужого плеча...

— Давай, — согласилась Лана. И на другой же день вернулась домой с охапкой фирменных пакетов. Однако в них оказались только косметика и одежда для нее самой.

— Что же ты Дольке-то ничего не купила? — удивился Виталий.

— Ну вот еще, деньги тратить! — отмахнулась его тогда еще будущая супруга. — Детям нет смысла покупать хорошие вещи, они все равно их сносить не успеют, очень быстро растут. И потом, я никогда не могу угадать ее размера. Куплю — а ей то мало, то велико...

«Ясно...» — сказал себе Малахов. И решил пойти другим путем. Однажды он распределил свои дела так, чтобы получилось несколько

свободных часов, и за завтраком, когда Лана уже ушла на работу, сказал новообретенной теще:

— Нина Михайловна, у меня сегодня есть немного времени — давайте вместе съездим в «Детский мир» и купим Дольке одежду на весну.

Девочка перестала мусолить свою кашу (ела она обычно очень плохо) и застыла с ложкой в руках.

— Ой, Виталик... — растерялась бабушка, впервые назвав его на «ты» и сокращенным именем. — Да как же... Что же ты не предупредил? У меня ни супа нет, ни ужина...

— Может, придумаете что-нибудь?

— Нет, дорогой, ну никак... В магазин надо за молоком и кефиром, и в овощной, и на рынок я планировала зайти... Что же делать-то? Может, давай завтра, а?

— Завтра я не могу, у меня встреча с поставщиком.

— Ну, значит, в другой раз.

Малахов перевел взгляд на Дольку — и впервые увидел, как она плачет. Огромные глаза-виноградины медленно набухали слезами. Сердце больно сжалось.

— Тогда, Нина Михайловна, может, мы с Долькой вдвоем съездим, а? — предложил он. — А вы нам список напишите, что нужно. Ну, куртку там, джинсы...

Он немного побаивался, что не сможет правильно выбрать вещи. Вдруг купит что-нибудь не то? Но толковые продавщицы легко помогли справиться с этой задачей. Они изучали список, понимающе кивали и тут же предлагали целый ворох одежды и обуви. Долька, онемевшая, с изумленно-счастливым лицом, безропотно позволяла поворачивать себя так и эдак, прикладывая к плечам свитера — «видите, рукава как раз!», вести в примерочную, переодевать и демонстрировать Виталию: «А ну-ка, давай покажем папе, какая ты красивая в этом комбинезончике! Вам нравится, как сидит? А то я могу принести на размер побольше!» Малахов только кивал и расплачивался. Ему все очень нравилось. В красивой модной одежде девочка не только выглядела, но и держалась совершенно по-другому. Настоящая маленькая женщина.

Покупок было так много, что им дважды пришлось спускаться к машине, чтобы уложить в багажник пакеты, коробки и свертки. Когда все пункты в списке оказались вычеркнуты, они оба уже просто валились с ног от усталости. Но Виталий все-таки повел девочку на первый этаж, где располагался отдел игрушек.

— А куда мы идем сейчас? — поинтересовалась она.

— Покупать тебе куклу. Ты же хотела этого... Мужа для Барби. — Мы идем покупать Кена! — она взвизгнула от восторга и запрыгала по лестнице.

«И что за глупости! Какая она ненормальная... — подумал он. — Самый что ни на есть обычный ребенок, что бы там ни говорили...»

Долька долго выбирала своего Кена и остановилась на том, что был в джинсах и кожаной куртке. Примерно так же был в тот день одет Малахов. А через несколько дней, увидев куклу у нее в руках, Виталий просто обалдел. Девочка раскрасила голову фломастерами, добавила в темные волосы немного рыжины, нарисовала ямочку на подбородке, чуть приподняла одну бровь — и кукла получилась на удивление похожей на него.

— Ух ты! Это я, да? Вот здорово! — восхитился он.

Долька кивнула, прижала куклу к себе и улыбнулась. Этот самый Кен-Виталий сделался ее любимой игрушкой, девочка почти никогда с ним не расставалась. А похожая на Лану платиновая блондинка Джессика так и сидела на верхней полке.

Очень быстро Малахов понял, что Светлана свою дочь не любит. Но первое время еще как-то пытался оправдать это. Ведь в жизни бывает всякое, она состоит не только из приятных вещей. Есть люди, у которых нет музыкального слуха или напрочь отсутствует умение решать математические задачи. Но они ведь не виноваты в этом, правда? А у Ланы случай еще более трудный — она от природы лишена чувства к своему ребенку. Но разве можно упрекать ее за это? Это ведь не ее вина, а скорее ее беда.

Материнская любовь считается самой чистой и естественной любовью на земле. Люди убеждены, что материнский инстинкт рождается чуть ли не раньше женщины, живет вместе с ней все детство и юность и расцветает после появления ребенка. Можно быть эгоистичной, распущенной и даже жестокой, но не обожать свою кровиночку невыносимо! Даже самая что ни на есть плохая женщина обязана любить свое дитя. И никому не ведомо, сколько молодых матерей мучаются совестью и считают себя чуть ли не чудовищами из-за того, что не испытывают горячей привязанности к собственному ребенку. Или от того, что любят одного своего отпрыска значительно сильнее, чем другого. Сколько таких несчастных женщин вынуждены скрывать свои истинные чувства и изо дня в день постоянно лгать — не только окружающим, но и себе!

Однако очень скоро Малахов вынужден был признать, что дело не в отсутствии элементарной привязанности. Лана не просто не питала к дочке

нежных чувств, она испытывала к ней острую неприязнь.

Несколько раз он пытался поговорить с супругой на эту тему и каждый раз слышал в ответ длинные тирады о бессонных ночах, постоянных болезнях и бесконечных вопросах «а почему?».

— Но ведь это нормально, — удивлялся он. — Все дети растут, болеют и задают вопросы. Почему тебя это так раздражает?

— Тебе легко говорить! Я ведь поднимала ее совсем одна... Думаешь, легко мне было и семью кормить, и ребенка растить? — возмущалась в ответ Лана. О том, что Долькой почти все время занималась бабушка, она как-то забывала.

— И потом, у нее ну совершенно несносный характер! — каждый раз добавляла супруга. — Она какая-то... *чужая*.

Долька и правда была словно из другого мира. Она напоминала нежное деревце, которое так и не смогло прижиться на чужеродной почве. Глядя на нее, Виталий иногда думал: может, причина кроется в южных генах? Трудно ей, полуиспаночке, приспособиться к нашей суровой жизни, к зиме, длящейся по полгода... Девочка действительно очень много болела, мгновенно простужалась, с середины осени до поздней весны не вылезала из ангин и ОРЗ. А ведь физическое здоровье — это еще полбеды. И по натуре своей Долька всегда сильно отличалась от своих сверстниц. Очень скрытная — «никогда не поймешь, что у нее на уме!» — возмущалась Лана, — немного диковатая, излишне впечатлительная, не по годам взрослая и рассудительная.

Очень скоро они поняли, что у них много общего. Ей нравились те же книги и те же мультфильмы, что и Малахову. Оба они любили, задрав голову, смотреть в небо, и никак не могли решить, что же им нравится больше — облака или звезды. Первое время он даже поднимал ее и сажал к себе на плечи — ей почему-то казалось, что так небо видно гораздо лучше... Она боялась грозы — как и он в детстве. Она ненавидела кипяченое молоко с пенками, обожала клубнику, вареную колбасу и сосиски, могла, не вылезая, просидеть чуть ли не целый день в воде и просто млела от аромата свежескошенного сена. У нее было почти такое же острое обоняние, как и у Виталия, но при этом она воспринимала весь мир через цветовую гамму. Девочка запросто могла сказать что-то вроде: «пахнет чем-то красным» или «дяденька такой желтенький в полосочку». И один только отчим понимал, что запах ей неприятен, а человек симпатичен.

А еще у нее были какие-то очень своеобразные игры. Она могла часами сидеть, не отрывая взгляда от картинки, и тихо шептать что-то себе под нос.

— Что ты делаешь, Долька?

— Играю.

— Во что? — удивлялся Малахов.

В ответ она показывала рисунок из детского журнала.

— Видишь замок? Вот в этой башне живет принцесса, ее заточила туда злая королева. У принцессы розовое платье и маленькая золотая корона. Она сидит у окна и рисует цветы. А королева сейчас вот тут, видишь большое окно? Там, за окном, ее спальня, вот тут тронный зал, а на этом этаже зал для танцев. Принцессе туда нельзя ходить, но когда во дворце бывает бал, она потихонечку выбирается из своей башни, переодевается судомойкой и прибегает смотреть на танцующих. А вот по этой дороге через сад скоро приедет принц и освободит принцессу...

Виталий слушал ее и поражался. Это же надо — придумать целую сказку на основе самой что ни на есть заурядной журнальной картинки!

У нее не было подружек, но девочка, похоже, этим совсем не тяготилась. Времяпровождение, которое дети именуют емким словом «гулять», Дольку совершенно не интересовало. Она предпочитала сидеть дома за книгой, альбомом для рисования или тетрадью — к тому времени, когда Малахов поселился с ними, девочка уже умела писать печатными буквами и сама заносила в блокнот свои стихи. А через несколько лет у нее появилась еще одна любовь — компьютер. Выдержав целый бой со Светланой, считавшей это совершенно ненужной тратой, Виталий все-таки подарил Дольке это величайшее после колеса изобретение человечества. С тех пор его «испанская дочь» целые сутки напролет проводила за монитором, играя в «стрелялки» или «стратегии», блуждая в лабиринтах Интернета, осваивая компьютерную графику или печатая. Конечно, столь долгое сидение у компьютера было очень вредно. Но Нины Михайловны, заботившейся о здоровье внучки, к тому времени уже не было на свете, Лану совершенно не волновало, чем занимается дочь, — лишь бы оставила ее в покое, а Малахов сам очень увлекался компьютером и вечерами с удовольствием играл вместе с Долькой.

Он очень быстро стал чувствовать и считать малышку своей дочкой. От слова «падчерица» его просто воротило. Какая Долька ему падчерица? Самая что ни на есть дочь. Тем более что других детей у них не было. Однажды — это было на втором году совместной жизни, когда Лана начала жаловаться, что устала от работы и хотела бы просто посидеть дома, — он предложил:

— Так давай заведем второго ребенка! Будет у Дольки брат или сестра.

Супруга так и отрезала в ответ:

— Нет уж! Хватит с меня и этой!

Впрочем, скоро умерла от инфаркта Нина Михайловна, и увольнение Ланы оказалось вполне естественным — надо же кому-то заниматься хозяйством.

Долька перенесла кончину бабушки на удивление легко. Только спросила:

— А ты веришь в то, что после смерти люди попадают на небеса?

Он пожал плечами.

— Даже не знаю, что тебе сказать... Но, наверное, это было бы неплохо. Не исчезнуть совсем, а жить где-нибудь на облаках... Или на звездах. Ты куда хотела бы — на облака или на звезды?

— Мне все равно, — очень серьезно отвечала она. — Хоть под землю, в ад — лишь бы с тобой.

— Ну что ты, Долькин! — растрогался и смутился Виталий. А она придвинулась поближе и ткнулась носом в его плечо.

Малахов понимал, что стал единственным человеком, к кому девочка была привязана по-настоящему. Ему она читала *все* свои стихи (с раннего возраста ее творчество четко делилось на публичное и интимное), показывала чудесные рисунки, обсуждала прочитанные книги, поверяла свои сокровенные мысли и переживания, только его обнимала и целовала, к нему забиралась на колени.

Как все женщины, в чьих жилах течет южная кровь, Долька довольно рано созрела. Виталий с удивлением наблюдал, что уже к двенадцати годам у его дочки стала расти грудь, оформилась талия, изменилась походка. И интересы тоже стали другими. И книги. Девочка зачитывалась Буниным, Цвейгом, Золя, Мопассаном, а однажды, когда ей было тринадцать, где-то раздобыла и проглотила за одну ночь «Лолиту» Набокова.

— Мне очень понравилось! — заявила она.

— Что ж там может понравиться? — изумился Виталий. С его точки зрения, вещь была премерзейшая, он ее даже дочитать до конца не сумел. Малахова вообще удивляло, почему это современная литература так тяготеет к описанию всевозможных извращенцев, психов и маньяков. Как будто о нормальных людях уже и сказать нечего.

— Все. Очень хорошо написано. Очень психологично. И жизненно. Я хотела бы обсудить эту книгу с тобой, — продолжала она, но Виталий только головой замотал:

— Нет уж, Долькин, уволь, это совершенно не моя вещь. Я все больше по Хемингуэю.

А вскоре за этим Лана устроила ему скандал из-за дочери. Первый за

всю историю семейной жизни. Раньше они, как и все супруги, конечно, ссорились, но чтобы *так*...

Виталий купил Дольке новую компьютерную игру, «Симе», симулятор жизни. Она давно хотела ее иметь, много раз говорила об этом и, разумеется, несказанно обрадовалась подарку. Увидев, как Малахов вынимает из кармана квадратную пластиковую коробочку с яркой этикеткой под прозрачной крышкой, девочка издала восторженный возглас, с разбегу повисла у него на шее и звонко расцеловала. Виталий, смеясь, закружил ее по комнате. Лана с неудовольствием наблюдала за ними.

— Долорес, перестань сейчас же! — строго сказала она вдруг. — Виталий, отпусти ее. Ты ужинать будешь?

Он осторожно опустил девочку на пол. Есть хотелось, но Долька глядела такими умоляющими глазами-виноградинами...

— Чуть позже, — решил он вопрос в ее пользу. — Только поставлю ей игрушку.

Эти самые «Симе» действительно оказались очень занятной игрой. Сидя вдвоем на одном стуле, они увлеченно строили дом для семьи, состоящей из папы Виталия и дочки Дольки, и не заметили, что в дверях давно стоит Светлана. Ее присутствие они заметили только тогда, когда она подошла к ним и решительным жестом выдернула из розетки шнур удлинителя. Монитор тут же потух. А Лана развернулась и молча ушла.

Долька испуганно посмотрела на Виталия. Он пожал плечами и отправился на поиски супруги. Лана сидела в спальне у туалетного столика и с каким-то остервенением подпиливала ногти.

— Ланка, ты чего? Что случилось?

— Ничего, — процедила она сквозь зубы. — Ровным счетом ничего не случилось. Ну подумай, что ужин, который я тебе приготовила, давно остыл. Тебе же наплевать на мои труды! Тебе вообще на меня наплевать, только и знаешь, что с ней шушукаться да тискаться!

— Господи, что ты такое говоришь?! — ахнул он.

— Говорю то, что вижу! Разве ты не замечаешь, что эта пигалица уже выросла? Она давно не ребенок, а все виснет на тебе! И ты ее на руках таскаешь, обнимаешь да на коленочки сажаешь! Не стыдно?

— Лана... — у него просто не было слов.

— Только и думаешь что о ней! — супруга уже перешла на крик. — Ей игрушечки, ей подарочки, с ней сидишь целыми вечерами... Когда ты со мной последний раз куда-то ходил? Когда мне что-то дарил?

— Да только на прошлой неделе, — попытался оправдаться Виталий. — Ты захотела новый мобильник...

— Это не считается! — перебила она. — Тоже мне подарок! Просто дал мне денег, и все! Я сама моталась по магазинам, сама выбирала... А ей как только что-то в голову взбредет, ты сразу бежишь все прихоти исполнять!

Ссора продолжалась до глубокой ночи. Лана просто вышла из себя — такой он ее еще никогда не видел. Она говорила, говорила и никак не могла остановиться. Малахову припомнили все — и его провинциальное происхождение, и его «деревенскую скупость», и его сдержанный темперамент в постели, и его кумира Рокфеллера, и даже то, что он родился у своей матери вне брака: Потом, вспоминая эту первую безобразную сцену, он удивлялся, как он мог тогда все это вытерпеть, почему сразу не развернулся и не ушел из этого дома. Прежде всего, конечно, из-за Дольки. Но, видимо, и потому, что тогда все еще любил супругу.

В ту ночь они впервые спали в разных комнатах. Спали, конечно, сильно сказано — Малахов, постеливший себе на диване в гостиной, так и не смог заснуть до утра. Было непривычно мягко, он ворочался и к утру пришел к выводу, что в чем-то Лана, пожалуй, и права. Наверное, он действительно уделяет ей мало внимания. А Долька на самом деле уже большая, и тетешкаться с ней, как с ребенком, не стоит. Все-таки он не родной отец, мало ли что скажут люди... Да еще «Лолита» эта чертова...

На другой же день, когда девочка попыталась затеять с ним возню, Виталий мягко отстранил ее.

— Успокойся, Долька. Сядь, пожалуйста.

— Я хочу к тебе на колени.

— Не стоит. Ты уже большая, и тебе неприлично сидеть на коленях.

Она посмотрела на него с такой тоской, что у Малахова заболело в груди.

— Раз я большая, ты больше не будешь любить меня? — вдруг совсем по-детски спросила девочка.

— Ну что ты глупости говоришь? — возмутился он. — Конечно, я всегда буду тебя любить. Просто общаться мы с тобой будем уже по-другому. По-взрослому.

Тогда он ужасно гордился этими своими словами, считал, что он молодец, раз нашел такой точный и грамотный педагогический ход. Долька вроде бы все поняла и два дня вела себя так, словно ничего не случилось. Но близко к нему уже не подходила. А на третий, когда Виталий пришел с работы, его никто не встретил.

— Эй, есть кто дома? — крикнул он. Ему не ответили, и Малахов слегка удивился. Лана часто уходила по вечерам, но вот куда делась

Долька?

Была поздняя осень, и на улице уже давно стемнело. По всей квартире тоже было темно, только в конце коридора виднелась яркая полоска света. Приблизившись, он понял, что свет горит в ванной. Дверь была полуоткрыта, и из-за нее явственно доносился шум льющейся воды. Не иначе ушли второпях, забыли и свет погасить, и даже кран закрыть. Черт знает что! Этак и соседей залить недолго... Виталий решительно вошел в ванную и так и застыл на пороге.

Воду не просто забыли выключить. Она давно уже перелилась через край ванны и стояла на полу почти по щиколотку. Но испугало его совсем не это, а то, что мешало воде уходить в трубы.

Долька, обнаженная, с мокрыми волосами, полусидела в ванне, откинувшись на стену. Глаза были закрыты, лицо бледно, тонкая рука безжизненно свисала через бортик. Онемевший от ужаса Виталий заметил чуть выше узкого запястья свежий алый порез. Долька, его Долькин, его испанская дочь, покончила с собой.

Малахов не помнил, что с ним было. Кажется, он кричал. Видимо, все-таки закрыл кран, но не обратил внимания на то, когда и как это сделал. И совершенно точно он бросился к девочке, разбрызгивая воду на полу, вынул ее из ванны, стал зачем-то заворачивать в полотенца, потащил в комнату...

— Долька! — орал он. — Господи, что ты наделала, Долька! Только уже на пороге спальни, прижимая девочку к себе, он почувствовал, что она дышит. Вне себя от радости, Виталий стал щупать пульс, прикладывая ухо к сердцу... Да, сомнений не оставалось, Долька была еще жива. Вдруг ее еще можно будет спасти? Не выпуская дочь из объятий, он схватил телефон и кое-как, роняя трубку, набрал 03.

В больнице ее продержали долго, до самой весны. Дело было не в физическом здоровье — потеря крови оказалась совсем небольшой, и сознание девочка потеряла исключительно от шока. Но вот психиатр, совсем молодой, лохматобородый, с вытаращенными и, как показалось Малахову, совершенно безумными глазами, никак не хотел выпускать ее из-под своего наблюдения.

— Понимаете, она очень интересный случай, — заявил он при первой встрече Виталию. — Обычно считается, что шизоидность и истероидная демонстративность — это вещи взаимоисключающие. А тут налицо синдромы и той и другой акцентуации. Да еще усугубленные преждевременно начавшимся пубертатом, депривацией материнской любви и гипертрофированным комплексом Электры...

— Пойдите-пойдите! — перебил Малахов. — Если хотите, чтобы я вас понял, говорите, пожалуйста, по-русски.

— Извините, — чуть смутился молодой врач.

— Так что же, с моей дочерью нечто серьезное? Она... сумасшедшая?

— Что? Ах нет, ну что вы! Если, конечно, не брать во внимание, что в наше время понятие психической нормы отсутствует в принципе... Скажем так — того, что обыватели обычно понимают под душевными болезнями, у нее нет. Просто... гм... особенность характера.

— Но вы говорили о шизофрении?

— Не о шизофрении, а о шизоидности, это разные вещи. Она, как вы выражаетесь, не сумасшедшая. Очень даже здравомыслящая барышня. Просто своеобразная, что ли... Она прекрасно представляет себе реальный мир, но он ей не нравится. Ей гораздо удобнее жить в собственном, вымышленном.

Словом, ничего о диагнозе Дольки Виталий тогда так и не понял. Но тем не менее продолжал регулярно приходить на консультацию к бородатому психиатру, внимательно прислушивался к его словам и старался выполнять все рекомендации. Лана же была в больнице всего один раз, объясняя это тем, что видеться с Долькой врачи все равно не разрешают. Виталия поражала ее реакция на поступок дочери. Ни горя, ни отчаяния, ни угрызений совести — только досада и раздражение.

— Как ты не понимаешь, она же сделала это назло! — говорила супруга. — Думаешь, она и вправду хотела умереть? Как бы не так! Просто спектакль устроила. Она отлично знала, что *так* ни за что не умрешь. И время специально подгадала, когда ты должен с работы прийти...

— Как ты можешь так говорить? — возмутился Виталий.

— Просто я знаю ее намного лучше, чем ты. Все-таки, не забывай, я ее родила... Она еще в пеленках лежала, а я уже знала, что с этой девицей мы все наплачемся.

Лана всегда вела себя так, словно ее дочь была невероятно проблемным ребенком. Но если до той жуткой истории у нее не было для этого ровным счетом никаких оснований, то впоследствии их стало более чем достаточно.

После больницы Долька еще какое-то время была вялой и тихой. Ничем не интересовалась, даже книг в руки не брала, только слушала целыми днями музыку, изредка рисовала да играла в компьютерные «шутеры». А потом вдруг словно сорвалась. Наотрез отказалась принимать прописанные врачом таблетки, начала дерзить, врать, прогуливать школу... Утром брала рюкзак и уходила неизвестно куда, возвращалась уже ночью,

пахнувшая пивом и табачным дымом. Никакие увещевания, разговоры и наказания не помогали. Когда она пришла совсем пьяная, Виталий не выдержал и накричал на нее:

— Долька, что с тобой стало? Что ты с собой делаешь? Не смей так себя вести!

В ответ она рассмеялась:

— А почему? Мне так нравится!

— Да потому что этим ты губишь себя и причиняешь боль нам!

— Ой, да перестань! Вам обоим на меня наплевать.

Они с Ланой пытались бороться. Сначала Виталий стал сам отвозить девочку в школу по утрам. Это на некоторое время помогло, Долька немного успокоилась и с грехом пополам закончила учебный год. Они даже съездили все вместе отдохнуть на Кипр, и там все было более или менее в порядке, если не обращать внимания на постоянные столкновения матери и дочери из-за любых пустяков. Но осенью все вернулось на круги своя. У Малахова начались проблемы в бизнесе, и он просто физически не мог следить за дочкой, а Лану Долька ни во что не ставила. Она могла пропасть на целые сутки, вернуться пьяной, оборванной... Курила прямо в комнате и не только сигареты, но, судя по дыму, и марихуану. Родители учиняли очередной обыск, находили отраву, порножурналы, обертки от презервативов.

— Какая гадость! — кричала Лана, а дочь только смеялась в ответ:

— Что же гадкого в контрацепции, маман? Или ты жаждешь превратиться в грандмаман? А что? Могу обеспечить!

Ей не давали денег, но она их воровала. Перестали держать дома наличные — стали исчезать вещи. Лана попыталась сменить замки на те, что нельзя открыть без ключей, и запереть дочь в квартире, но девочка вылезала из окна и спускалась по пожарной лестнице. Школу она бросила, даже не окончив девятого класса. К тому времени Долька уже состояла на учете в детской комнате милиции — вляпалась в какую-то историю.

Лана сделалась нервной, вспыльчивой, то и дело срывалась. Супруги без конца ссорились, орали друг на друга. Виталий по мере сил старался отправлять Лану то на курорт, то в санаторий — в решении проблем с дочерью от нее все равно не было никакого толку. Дольке, как ни странно, отъезды матери шли даже на пользу. Пока ее не было, она вела себя тише, но стоило той вернуться, как все повторялось вновь. И Лана начинала глотать таблетки и бегать по невропатологам.

Надо было бы, конечно, и Дольку сводить к врачу, хотя бы к психологу, но она наотрез отказывалась, вплоть до угроз снова попытаться наложить

на себя руки.

«Видимо, ей было очень тяжело в больнице», — думал Виталий. Несмотря на весь этот ад, который устраивала им дочь, он любил ее, жалел и изо всех сил пытался понять, что ею движет. Но получалось плохо...

Однажды рано утром, перед уходом на работу, он привычно заглянул в ее комнату. Девочка была дома, спала, одетая и даже в обуви, прямо на простыне. Рядом с постелью валялось что-то, завернутое в бумагу. Малахов наклонился и поднял. Это оказался шприц, не одноразовый даже, а старый, стеклянный. Грязный.

«Ну вот, приехали!» — пронеслось в голове.

Виталий машинально расправил листок в клетку и увидел, что он весь исписан дочкиным бисерным почерком:

За окнами воет ветер, Только нас с тобой он не подружит, Душа, как истерзанный листик, ноет, Этот мир без тебя мне не нужен. Словно в свечке ищу тепла я, Затушу — и снова разгорится. Мысль одна приходит: без тебя Жизнь моя никуда уж не годится. Я люблю, и только этим словом Я еще держусь на волоске. Жизнь моя, нужна тебе ли я? Может, лучше умереть в тоске?

Так вот оно что... Оказывается, Долька влюбилась. Видимо, безответно, раз она так страдает, так ненавидит весь мир. Что же, она всегда была очень эмоциональным, очень впечатлительным ребенком... Но наркотики — это уже последняя капля. Дальше терпеть нельзя.

Малахов вышел в коридор, сделал несколько телефонных звонков. Проверил состояние наличности в бумажнике. Спустился вниз, завел машину, подогнал к самому подъезду. А затем вернулся в комнату дочери, решительно схватил ее в охапку и поволок вниз. Он был уверен, что Долька будет вырываться и сопротивляться. Но она лишь обхватила его за шею и поудобнее устроилась у него на руках.

— Куда ты меня несешь? — сонно спросила она.

— Куда надо! — Виталий опустил ее на переднее сиденье, сел за руль и на всякий случай заблокировал двери.

Бунт начался только тогда, когда они уже подъехали к дверям больницы. Девчонка визжала, рвалась и брыкалась с удивительной для ее хрупкого тела силой. Малахов не выдержал и впервые за все время ударил ее по лицу.

— Прекрати! — заорал он. — Ты меня уже достала! Что мне, санитаров позвать?

От удара она мгновенно затихла, съежилась, держась за ушибленную щеку, и только смотрела на него огромными глазами-виноградинами.

— Не нужно санитаров, — сказала вдруг очень спокойно. — Я сама пойду.

На этот раз она провела в больнице меньше десяти дней. Позвонила и тусклым равнодушным голосом попросила забрать ее.

— Нет уж, родная, — отвечал Малахов. — Мы с мамой твоих фокусов вот как наелись! Домой ты вернешься только после того, как окончательно придешь в норму, слышишь?

Что стал бы делать на ее месте другой подросток? Наверное, плакать, умолять, бить на жалость, рассказывая, как ему тут плохо. Или шантажировать, чем-либо угрожать... Она же просто сказала очень серьезно:

— Я уже пришла в норму. Клянусь тебе.

И прозвучало это так, что он сразу ей поверил...

Врачи отпустили ее довольно легко. Несмотря на то что лечение было дорогостоящим, недостатка в пациентах эта клиника не испытывала. А обследование показало, что с девочкой все в порядке. Никаких отклонений в психике, никакой наркотической зависимости — видимо, еще не успела как следует «подсесть».

Долька сдержала свое обещание и вернулась домой другим человеком. В пятнадцать лет это странное существо в очередной раз переродилось. Пьянок, дурных компаний и ночного шатания неизвестно где больше не было. Вечерами она вновь сидела дома, слушала музыку, рисовала, вернулась к любимому компьютеру и, что особенно радовало Виталия, к книгам. Единственное, что осталось от прошлой жизни — Долька так и не сумела бросить курить. Но так как это была не трава, а обычные сигареты, родители только рукой махнули.

Первое время они с Ланой жили в постоянном напряжении, каждую минуту ожидая рецидива. Но тревоги были напрасны — Долька, похоже, окончательно справилась с собой. Методом ускоренного домашнего обучения окончила школу, прилично сдала экзамены и получила аттестат зрелости. С Виталием у нее постепенно восстановились не только дружеские, но даже вполне доверительные и сердечные отношения. Вот только с Ланой девочка держалась холодно и отчужденно, стараясь общаться с ней как можно меньше. Но это, по сравнению со всем пережитым, уже были такие мелочи...

Два с половиной года назад Долька заявила, что хочет поступить в институт, и Малахов горячо поддержал эту идею.

— В каком вузе ты хотела бы учиться?

— В творческом. Где действительно интересно, а не одна сплошная

зубрежка.

— В Строгановке, наверное? — предположил Виталий. С его точки зрения, рисовала Долька великолепно.

Дочь помотала головой:

— Нет, в ИЖЛТ. Институте журналистики и литературного творчества. Я узнавала по Интернету, там есть поэтический класс.

Малахов съездил с ней в институт и остался вполне доволен дочкиным выбором. Долька поступила на удивление легко, училась с огромным интересом и последнее время только и говорила о том, что любопытного им сказали на лекции, какое практическое задание дали на семинаре и какую книгу рекомендовали прочесть.

Институт благотворно повлиял на девочку. К радостному удивлению отчима, Долька стала гораздо общительнее. Бывшая дикарка теперь легко сходилась с людьми, просто и охотно общалась в компаниях, умела и удачно пошутить, и поспорить, отстаивая свою точку зрения. Виталий только диву давался, куда девалась былая застенчивость.

В последний год она пристрастилась к «готике» — модному направлению молодежной культуры. Отпустила и искусственно распрямила волосы, накладывала на лицо целый толстенный слой белил, очень ярко подводила глаза-виноградины, носила только черное и целыми днями слушала нечто невообразимое, с тяжелой музыкой и истошными голосами, называемое «блейк». Виталий не уставал повторять про себя, что при других обстоятельствах дочкино увлечение ему бы не понравилось. Теперь же он только радовался и готов был креститься обеими руками — слава богу, что так!

Перед восемнадцатилетием он спросил, что ей подарить — все-таки такая знаменательная дата... Ответ его ошеломил:

— Знаешь, я хотела бы жить отдельно от вас, — заявила Долька.

Малахов со Светланой долго обсуждали эту просьбу. С одной стороны, выпускать девочку из-под своего контроля было еще очень страшно. С другой — может, это и к лучшему? Она действительно взрослая, пусть начинает новую жизнь... И они решились. После долгих поисков ей сняли именно такую квартиру, как она хотела, — в одном из престижных небоскребов в Кунцеве, на последнем этаже, с огромным, во всю стену, окном. Долька пришла от нового жилья в восторг. Она обожала высоту — в этом вкусы отца и дочери не совпадали. Виталий, честно признаться, большой высоты побаивался, ему даже в кошмарах снились какие-нибудь обрывы или крутые обваливающиеся лестницы, по которым ему надо было лезть. А для нее не было большего удовольствия, чем забраться на крышу и

долго стоять у самого края, глядя вниз. Эту страсть Малахов заметил в ней еще в детстве — совсем маленькой его дочь часто ложилась на подоконник открытого окна и далеко высовывалась наружу. Отучить ее от этого рискованного развлечения удалось лишь после того, как он объяснил девочке, насколько это опасно. Она выслушала его с очень серьезным видом и спросила:

— А ты правда расстроишься, если я упаду и разобьюсь?

— Не просто расстроюсь, — заверил он. — Если это, не дай бог, случится, это будет самое большое горе в моей жизни.

— А сейчас? Сейчас я твое счастье?

— Сейчас ты мое счастье, — рассмеялся он и сгреб ее в охапку.

— Неужели ты меня так любишь?

— Люблю, Долькин. И если ты меня тоже любишь, ты дашь мне слово, что никогда в жизни больше не будешь высовываться в окно.

— Никогда-никогда не буду! Честное-пречестное!

Она сдержала свое слово, но любовь к высоте сохранилась, поэтому вопрос, где должна быть новая квартира, даже не стоял — только на последнем этаже и только в многоэтажном доме.

Долька была просто счастлива. Она сама обустроила квартиру, выбрала мебель, развесила по стенам свои рисунки с замками и сказочными чудовищами. Первое время Виталий часто навещал ее, подозрительно осматривался, нанял домработницу и даже тайком платил консьержкам, чтобы они «поглядывали, как тут чего».

Но тревоги были напрасны. Ничего страшного не обнаруживалось. Самодеятельные шпионки наперебой твердили, что девочка ведет себя вполне достойно. Ходят к ней, конечно, друзья и подруги, но все по виду очень приличные, никакого шума, гулянок, драк и прочих безобразий. Музыку вот только ужасную какую-то она слушает, но ведь они сейчас все, молодежь, такое слушают...

Виталий внимал этим рассказам, и от сердца потихонечку отлегалось. Похоже, все-таки Долькины *фокусы*, как называла это Светлана, ушли в прошлое вместе с подростковым возрастом. И это не могло не радовать — как и то, что со времен «переселения» они с Долькой сумели не отдалиться друг от друга. Конечно, встречались они теперь реже, но все равно ведь встречались! Малахов ездил в Кунцево, Долька любила бывать у него в «конторе» и даже подружилась с его секретаршей Полинкой — девушки были ровесницами. Вот только родной дом испанская дочь предпочитала обходить стороной и с Ланой все еще была холодна. Ну тут уж, как говорится, ничего не попишешь.

Глава 5 Настоящая русская баба и ее родовое поместье

Услышав, что Долька пойдет в гости к Коллуэю вместе с ними, Лана лишь пожала плечами. Ее вообще не слишком радовал предстоящий визит, но совсем не потому, что супруга плохо относилась к Джозефу. Для нее, как и для очень многих бывших советских людей, Соединенные Штаты представлялись чем-то подобным земному раю, а их граждане, какими бы они ни были, приравнивались к небожителям. Всю свою молодость Лана, подобно миллионам соотечественников и соотечественниц, только и мечтала о том, чтобы уехать за рубеж. После перестройки и второго, удачного в финансовом отношении замужества Светлана Малахова наконец согласилась с тем, что «здесь тоже можно жить хорошо», но к иностранцам все равно продолжала относиться с некоторым благоговением. Словом, дело было не в Коллуэе, а в его недавно обретенной подруге Наташе.

— Ты что, серьезно думаешь, что я пойду в гости к этой шлюхе? — возмутилась Лана, когда Виталий сказал ей о приглашении партнера. — И буду сидеть за одним столом с девкой по вызову?

— Можно подумать, что на твоей вожделенной Рублевке живут другие, — парировал недовольный Малахов. — Ты и правда считаешь, что своих жен и любовниц предприимчивые ребята берут исключительно из монастырских школ? Небезызвестная тебе Анжелика, жена Никиты, до свадьбы танцевала стриптиз, а Борька Егорин свою Алису, чьим домиком в Усове ты так восхищаешься, первый раз вообще в кабаке снял за двести баксов. И тем не менее, когда они приходят в твой салон, ты рада-радешенька...

Лана надула губы и некоторое время помолчала.

— Да мне и надеть-то особо нечего... — проговорила она после паузы. И это следовало понимать как согласие.

Решать подобные проблемы Виталию было не впервой. Он слазил в бумажник — привычки пользоваться кредитными картами Малахов еще не завел и предпочитал, к неудовольствию супруги, расплачиваться наличными. Лана «прокатилась» по бутикам и вернулась с охапкой фирменных пакетов. Для визита к Коллуэю было выбрано темно-синее платье для коктейля — закрытое, демонстративно-скромное, не иначе призванное подчеркнуть контраст между хозяйкой с ее темным прошлым и «порядочной женщиной», пришедшей в гости. Виталий только усмехнулся

про себя.

Формально Лана была права — совсем еще недавно Наташа действительно была самой настоящей «девушкой по вызову». Но разве это имело какое-то значение?

Они познакомились этой зимой, в феврале, в день рождения Виталия.

— Никаких вечеринок и гостей, — заявила тогда Лана. — Сорок лет не справляют — плохая примета.

Но Джозеф, обычно с таким вниманием относившийся к русским приметам и обрядам, на этот раз был категорически против. Идея празднования юбилея «а-ля рюсс» его очень увлекла.

— Нет, друг мой Вит, мы это дело обязательно отметим! Только ты и я. Но на широкой ноге. Я придумал — мы с тобой пойдем в русскую баню. А жену твою брать не будем. Хорошая она у тебя баба, но там нам ни к чему. Давай, любезный мой, отдельно: муха-муха, котлета-котлета. А с семьей ты загодя отметишь.

Малахов только улыбался этому сочетанию исковерканных поговорок. Ему было безразлично — в баню так в баню. Тем более что Джо самостоятельно выбрал заведение, все заказал и даже, что было для него совсем нетипично, оплатил.

В бане все было как обычно — отдельный зал, парная или сауна на выбор, бассейн, джакузи, комната отдыха, накрытый стол, бильярд, видео, караоке. И, разумеется, девочки, что же это за баня без девочек? Малахова уже давно было не удивить такими вещами. Попивая чай с лимоном (не только бабушка, покойная Вера Кузьминична, но и дед, обычно любивший принять на грудь, настаивали на том, что в бане надо пить только горячий чай, да и есть ничего нельзя — «иначе пар не по здоровью пойдет»), он вяло разглядывал ничем не прикрытые женские тела. Девчонок штук шесть, но все совершенно одинаковые, прямо как на подбор — да, юные, да, стройные, можно даже сказать, красивые, но ни на одной из них не хочется задержать взгляд. «Что ж вас, милые, в одном инкубаторе, что ли, разводят? — с раздражением подумал он. — Даже депиляция одинаковая. Хоть бы кто причесочку эротическую сделал на причинном месте...»

Может, лет двадцать назад от такого зрелища у него бы и разбежались глаза, как у ребенка в магазине игрушек. Но сейчас он просто не воспринимал этих стандартных красоток с выступающими ребрами и традиционным вторым размером груди как нечто сексуально-привлекательное. Наверное, это от сытости. Или от старости.

— Телятина, — презрительно бросил Виталий, кивком показав Джозефу на девушек. Телятина ему никогда не нравилась. В детстве он,

житель сельской местности, ни разу ее не пробовал. В их поселке резали только птицу, свиней да взрослых коров. Просто так съесть телянка, который может еще вырасти и стать племенным быком или дойной коровой, никому и в голову не приходило. Оттого, когда Виталька встречал в книгах упоминание о поданной на английский завтрак холодной телятине, он представлял себе это блюдо как нечто невообразимо вкусное... и был очень разочарован, отведав его первый раз. Мясо как мясо, ничего особенного. Свинина гораздо вкуснее. А уж специфический запах, которым обладала сырая телятина, и вовсе его отпугнул. За то время, пока ему приходилось самому иметь дело с заготовками и транспортировкой, у него выработалась стойкая неприязнь к этому виду его товара.

Джо, потный, покрасневшийся и очень комично смотревшийся в простыне, обернутой вокруг толстых чресел, и войлочной шапочке, отхлебнул пива и покачал в ответ головой:

— Э, нет, дружище, ты допустил ошибку! Посмотри туда!

Виталий глянул в ту сторону. В углу, удобно расположившись на широкой лавке, сидела полная светловолосая женщина и так же, как и Малахов, пила чай. Вздыхала, отирала тыльной стороной руки пот со лба и снова принималась вкусно, с удовольствием, прихлебывать.

Она сильно отличалась от остальных девушек, призванных скрасить досуг состоятельных джентльменов. И возрастом — ей явно было уже хорошо за тридцать, если не под сорок, — и пышными кустодиевскими формами. Белая, не тронутая искусственным загаром кожа, большая, уже несколько отвислая грудь, заметный живот, синеватые ниточки вен, кое-где просвечивающих на полных ногах, — все это составляло разительный контраст с отполированными массажистами и подкрашенными солярием телами остальных девушек. Она одна выглядела *голой* на фоне своих товарок.

У Виталия тут же появилась мысль, что он был бы совсем не прочь скрасить с ней свой досуг. Уже давно никакая женщина не вызывала в нем такого живого и горячего интереса. Ну разве что его «девушка из таверны», официантка в маленьком кафе... Но это были совсем разные чувства. Рядом с той его переполняли тепло и нежность. А здесь было просто острое физическое желание.

«Однако что это меня так стало разбирать на старости лет? — усмехнулся он про себя. — Одна, другая... Правду в народе говорят — седина в бороду...»

Толстуха мигом почувствовала, что на нее смотрят, улыбнулась, как показалось Малахову, чуть смущенно, поставила стакан, украдкой

поправила прядь растрепавшихся русых волос.

Будь его воля, он не стал бы спешить и еще долго не подзывал бы ее, наслаждаясь обменом взглядами, этой странной притягательной игрой, которая так сближает мужчин и женщин. Но рядом был Джозеф, для которого ничего подобного не существовало. Он не отводил глаз от пышной блондинки и только цокал языком:

— Хороша! Настоящая русская баба!

Он поманил ее, и женщина, повинувшись приглашению, тотчас поднялась с места и подошла к ним, не забыв прихватить с собой чай. Эта маленькая деталь почему-то умилила Виталия.

— Как тебя зовут? — спросил Коллуэй, одновременно хлопая рядом с собой ладонью по скамейке и тем самым приглашая женщину сесть.

— Наташей, — отвечала она, опускаясь рядом с ним. Американец пришел в восторг.

— Наташа! Самое русское имя — Наташа! Всех русских красавиц должны звать Наташа.

— Так и зовут, — усмехнулся Малахов. — В Турции, например.

Но заокеанский партнер, конечно, не понял шутки.

— При чем тут Турция? Я говорю про «Войну и мир». Наташа Ростова. Каждый, кто прочел эту книгу, немного влюблен в Наташу Ростову.

Виталий пожал плечами. Лично ему эта героиня Толстого никогда не нравилась. Он считал ее пустой, глупой и не в меру взбалмошной. К тому же он никак не предполагал, что воздействие русской литературы распространяется так далеко.

Женщина же слушала с улыбкой. Улыбалась она очень мило — не картинно, по-голливудски, дескать, у меня все о'кей и я всем довольна, а просто, естественно и как-то даже застенчиво. Не оставалось никаких сомнений, что слова Коллуэя ей очень приятны, хотя и слегка ее смутили.

— Ты иностранец, да? — догадалась она.

— Я из Америки.

— Надо же, а так хорошо говоришь по-русски... Как тебя зовут?

— Джо.

— Ну, это тоже настоящее американское имя! Так зовут всех ковбоев и шерифов в кино. Ты ковбой, Джо?

Коллуэй радостно расхохотался, расправил плечи и, как мог, втянул массивный живот:

— Я ковбой! Я ведь правда ковбой, да, Вит?

— Правда, Джо. Ты самый настоящий ковбой, только лошади и

«кольта» не хватает.

Техасец сиял, как неоновая вывеска.

— А знаешь, Наташа, что больше всего любят ковбои? — спросил он, кладя руку на ее голое плечо.

— Понятия не имею! — отвечала женщина, придвигаясь к нему поближе. — И что же они такое любят?

— Русских красавиц!

— Скажите на милость! Никогда бы не подумала!

В отличие от большинства ее коллег, прибывших из дружественных Украин и Молдавии, Наташа оказалась действительно русской. Более того, практически москвичкой, точнее, уроженкой Подмосковья. У нее были довольно крупные черты лица, типичный русский носик уточкой — узкий, аккуратный и расширенный на конце, густые прямые волосы и темно-рыжие веснушки. Разумеется, Коллуэй просто не мог оставить без внимания такой типаж.

— Давайте выпьем за знакомство! — предложил он, отодвигая свое пиво. — Как у вас говорят: пиво без водки — ветер на деньги.

Наташа задорно переглянулась с Малаховым: мол, чудной у тебя друг. Виталий невольно улыбнулся в ответ. Она все больше нравилась ему своей теплотой, естественностью, непосредственностью. И даже запахом — от нее пахло женщиной, а не дорогим парфюмом.

После тоста за знакомство Джо тут же предложил другой — за именинника.

— Ой, а кто именинник? — тут же оживилась Наташа.

— Вит! — американец указал на него. — У него сегодня... как это... jubilee...^[9]

— Юбилей, — неохотно перевел Малахов.

— Как жаль, что я не знала! — огорчилась женщина. — С днем рождения!

— Happy Birthday to you!^[10] — они пропели это хором, рассмеялись и снова чокнулись.

Малахов тоже опрокинул в себя рюмку и потянулся за закуской. Сегодня на бабушкино-дедушкиных заветах был поставлен жирный крест. А Наташа вдруг огорошила его неожиданным вопросом:

— Вит, а что бы ты хотел получить в подарок? Он чуть не поперхнулся ветчиной:

— Чего?

— Но ведь день рождения же! — она хлопнула светлыми

ресницами. — А именинникам всегда дарят подарки.

Первый раз в жизни проститутка собиралась подарить ему подарок. Обычно они всегда норовили их получить... Малахов даже растерялся.

— Я бы сказал — поцелуй, но боюсь, что Джо меня пристрелит из ревности, — отшутился он. — Он же у нас ковбой! Горячий техасский парень...

— Это точно! — расхохотался Коллуэй и обнял Наташу, прижимая ее к себе. Она прильнула к нему, потерлась веснушчатой щекой о жирное красное плечо, чуть слышно промурлыкала что-то.

Когда женщина покинула их, удалившись в парную, Джо произнес тоном, не терпящим возражений:

— Она поедет со мной. Виталий пожал плечами:

— Можно прямо здесь. Вон, в кабинете. Все так делают.

— Нет, Вит, ты понимаешь меня недостаточно, — возмущенно замахал руками американец, словно Малахов сморозил чудовищную глупость. — Я не хочу просто трахнуть ее. Я бы сделал ее my girlfriend!^[11] Подруга. Она такая замечательная. Настоящая русская баба, не подделка!

Малахов улыбнулся. Джозеф считал себя искусным ценителем русских баб. И говорил об этом, точно о сувенирах на Арбате.

— А она согласна?

— Да. Я ей понравился. Ты же видел, — он занервничал. — Ты думаешь, она меня это... разводит? Хочет меня заблудить?

— Ты имеешь в виду «ввести тебя в заблуждение»? Или вкладываешь в это слово какой-то другой смысл? — Виталию впервые за весь вечер стало легко и весело. В конце концов, что плохого в том, что Джо нашел себе подругу? Даже если и проститутку. Почему нет? Как хочется простоты в том, что просто. Все мы одиноки, и всем нужно понимание и тепло. А эти двое очень подходят друг другу...

— Конечно, ты ей понравился. Думаю, она не будет иметь ничего против.

Американец вновь засиял.

Наташа вернулась из парной и стояла на железной лесенке бассейна, пробуя голый ногой подсвеченную воду. Вокруг ее головы было обмотано в виде тюрбана махровое полотенце, закрученное каким-то немислимым, совершенно недоступным мужскому сознанию способом. Так она казалась еще более милой.

Виталию вдруг подумалось, что Лане, его супруге, никогда в жизни не пришло бы в голову вот так обмотать волосы полотенцем, да еще при людях. Фены, укладки, лаки, муссы, гели...

— Ты только пообещай мне одно. — Малахов положил ладонь на плечо партнера. — Не спеши жениться на ней, Джо. А еще лучше вообще никогда больше не женись.

Жениться Коллуэй пока не торопился, но в квартире на Тверской-Ямской Наташа, похоже, прижилась, если они даже решились устроить званый семейный обед. Этот визит немного беспокоил Малахова — он побаивался, что супруга с Наташей не найдут общего языка. А тут еще и Долька напросилась... Впрочем, может, оно и к лучшему. Вдруг сложности между матерью и дочерью сгладят напряжение между хозяйкой и гостьей — и наоборот. Как в математике: минус на минус дает плюс.

Из-за Дольки он тревожился еще и по другому поводу — все-таки ему не очень ловко было вести ее с собой в обычном для нее «готическом» имидже. Но девочка его не подвела. Она, к его радостному удивлению, привела себя в порядок — ни толстого слоя белой штукатурки на лице, ни прочей боевой раскраски не наблюдалось. Одета Долька была во все черное, но очень элегантно: кожаная короткая курточка, под ней изящная кофточка с глубоким, но не вызывающим вырезом, узкая, расклешенная книзу юбка и высокие сапоги. Виталий невольно залюбовался стройной фигуркой, издав себя к его машине, — найти место для парковки в нешироком Калашном переулке оказалось нелегко.

— Привет! — девушка распахнула заднюю дверь, запрыгнула на сиденье, с размаху обняла его, прижалась щекой. — Как я рада тебя видеть!

— Наконец-то! — Лана кинула взгляд на изящные часики. — Мы тебя уже пятнадцать минут ждем.

— Ну и ничего страшного, не под дождем ведь ждете! — парировала Долька. — Подумаешь, задержалась чуть-чуть...

— Девочки, девочки, не ссорьтесь! — тут же вступил Малахов. У него не было никакого желания опять весь вечер присутствовать при семейной разборке. — Тут до Маяковки рукой подать. Успеем сто раз. Сегодня ж суббота, пробок нет...

Джозеф снимал квартиру в доме, который был известен в столице по двум причинам: на первом этаже его был когда-то крупный магазин «Подарки», а на одном из верхних некоторое время жила Алла Пугачева, в том числе и в период своей шумевшей свадьбы. Ни магазина сувениров, ни певицы с молодым супругом тут давно уже не было, но москвичи продолжали воспринимать этот дом через призму тех примет, называя «домом, где «Подарки», или «домом Пугачевой».

— Похоже, нас тут ждут! — сказала, поводя носом, Долька, едва они вошли в подъезд и миновали дежурных. Действительно, уже на лестнице

стоял головокружительный аромат — смесь запаха жареного мяса, свежесдобитых пирогов и еще чего-то, что Виталий даже затруднился определить, но явно чего-то очень вкусного.

Дверь открыл радостный Коллуэй:

— Милости прошу к нашему палашу! — приветствовал он. Долька тихо фыркнула.

— К шалашу, Джозик, — привычно поправила улыбающаяся за его спиной Наташа. — Палаш — это оружие, а дом из веток — шалаш.

— Джо, ну вы с Ланой уже знакомы. — Малахов приступил к столь нелюбимой им церемонии представления. — Наташа, это моя супруга Светлана.

— Я вас именно такой и представляла! — радостно сообщила хозяйка. Лана лишь снисходительно кивнула в ответ — ни дать ни взять королева, снизошедшая до того, чтобы ответить на приветствие посудомойки.

— А это Долька, наша дочь, — продолжал Виталий.

— Ой, какая же ты хорошенькая! — восхитилась Наташа. — Ну просто конфетка! А в кого же она у вас такая черненькая получилась? Вроде ни в папу, ни в маму...

— Ни в мать, ни в отца — в прохожего молодца, — отвечал, улыбаясь, Малахов. Сколько раз уже в жизни он слышал этот вопрос...

Лана только поморщилась. Джозеф перевел взгляд с Дольки на нее и шутливо погрозил пальцем:

— Вы, Лана, должно быть, были в младшей школе большой шалуньей!

Та подняла брови:

— Почему вы так решили?

— Ну как же: у такой молодой женщины — и такая взрослая дочь! Получается, вы произвели ее на свет лет в десять, не позже.

С точки зрения Виталия, этот комплимент был сомнительным, чтобы не сказать — пошлым, но его супруга довольно рассмеялась.

— Ну, мойте руки — и к столу! — весело скомандовала Наташа. — А то пироги уже стынут.

Виталий еще не был в этом доме с тех пор, как тут поселилась Наташа, и теперь с любопытством оглядывался вокруг. Присутствие женщины теперь чувствовалось во всем. Ее заботливая рука добавила к этой современно отремонтированной и обставленной по западным каталогам квартире множество мелких штрихов, начиная от фиалок на подоконнике и заканчивая веселой занавеской для ванной в розовый и желтый цветочек. Лана, глядя на все это, морщила нос и бормотала что-то вроде «безвкусица» и «мещанство», а Малахову показалось, что так уютнее.

— Ой, а что это у вас такое? — удивилась Долька, показывая на памятный Виталию булыжник. Камень лежал на почетном месте — специально отведенном для него столике, и даже пластиковой крышкой был закрыт, словно витриной.

— Это часть мостовой Красной площади! — гордо отвечал Коллуэй. — Прошу вас, Долли, садитесь за стол. А то, — пожаловался он, сам торопливо усаживаясь, — мне Наташа с самого утра не разрешила взять ни одного пирога! Говорит — подожди гостей!

— И правильно, нечего аппетит перебивать! — Хозяйка появилась из кухни с запотевшим хрустальным графином в руках. — А то натрескаешься пирогов, а потом за столом ничего есть не будешь.

Она с трудом нашла на заставленном столе место для графина, положила освободившиеся руки на плечи Джозефу и звонко чмокнула его в уже начинающую лысеть макушку. Тот довольно хрюкнул, обернулся, обнял Наташу за талию, ткнулся лицом в ее пышную грудь.

Малахов с улыбкой наблюдал за ними. Слов нет, эти двое отлично подходили друг другу. Наташа в чем-то вела себя по отношению к тexasцу по-матерински — а в чем-то и сама была такой же по-детски естественной и непосредственной.

— Ну что же вы! Виталий, Лана, садитесь! — засуетилась тем временем хозяйка. — Вот сюда можно, рядом со мной. Салаты накладывайте. Вот здесь «Оливье», там — «Весенний», это — «Охотничий»... Долька, давай тарелку, я тебе грибочков положу! Джозик, ну а что ж ты селедку свою любимую? Вон, справа от тебя стоит!

— Надо выпить за встречу! — предложил хозяин. — Лана, что вы предпочитаете?

— Мне немного красного вина, пожалуйста... Спасибо, Джозеф, достаточно.

— А я вот не люблю вина... От шампанского у меня изжога, а ото всего остального голова болит, — поделилась хозяйка. — Я уж водки, с мальчиками вместе. Виталь, ты как — по водочке?

— Нет, ребята, я за рулем, — развел руками Малахов.

— Да перестань, Вит! Оставишь машину здесь, завтра заберешь, а сегодня мы вам такси вызовем.

— Нет, друзья, право, не стоит!

— Ну, как знаешь, — не стала уговаривать Наташа. — Тогда морс клюквенный, оно и для здоровья полезно... Мужики, а чего ж девушке-то ничего не налили? Долька, ты чего пьешь — вино или водку?

— Я тоже буду клюквенный морс, — заявила дочь, к великой радости

Малахова.

— Ну и умница! — Наташа осторожно наливала из полного до краев кувшина темно-красную жидкость. — Давайте, со свиданьем!

— За встречу! Дай бог, не в последний раз видимся! — Стопочки и стаканы со звоном соединились.

— Как вкусно! — восхитилась Долька, залпом выпив чуть ли не полный стакан. — Это что за морс, как называется? Я тоже буду себе такой покупать!

Джозеф хитро улыбнулся:

— Ничего у вас, Долли, не получится!

— Это почему?

— Потому что такой морс нигде не продается. Наташа его сама делает.

— Правда?

— Правда! Она у меня грандиозный кулинар, да, Наташа?

— Да ладно, тоже мне дел-то — морс сварить, — смущенно отмахнулась хозяйка, но Джозефу уж очень хотелось похвастаться ее поварским искусством:

— А еще она огурцы... *закрывает* — я правильно сказал? И рыбу сама солит. И варенье варит, и цыплята табака печет...

— Не пеку, а жарю, Джозик! Пекут пироги... Ой, батюшки, а про пироги-то мы и забыли! — Наташа быстро придвинула сервировочный столик на колесах, стянула укрывавшие блюда полотенца. На трех больших тарелках высокой горкой лежали румяные душистые пироги.

— Вот эти с картошкой, эти с мясом, эти с луком и яйцами... Я еще с капустой люблю, но Джозефу у нас капусту нельзя, он ее не переваривает. В прямом смысле... Я вот сюда поставлю, чтобы всем удобно было. А кому холодца положить? Холодец у меня вот этот раз так уж удался! Оно, конечно, нехорошо сейчас мясное, Великий пост идет, ну уж ладно... Да вы ешьте, ешьте, не стесняйтесь!

Приглашение было излишним — все и так уминали за обе щеки. Даже Долька, которая всю жизнь отличалась плохим аппетитом, уже тянулась за третьим пирогом, Лана, обычно очень строго следившая за своим питанием, наложила себе полную тарелку «Охотничьего» салата и не смогла удержаться от комплимента:

— Интересный какой салатик... Я нигде такого не пробовала.

— А это старинный монастырский рецепт, — отвечала с набитым ртом Наташа. Она тоже уплетала будь здоров, не отставая от своих гостей. — Если хотите, я вам потом запишу...

Малахов не отставал. Напряжение, державшее его в тисках с самого

утра, потихоньку начало отступать. Обед, вопреки его опасениям, протекал легко и весело. Не успели они подесть закуски, как уже было подано горячее.

— Как пахнет! — восхитился Виталий. — Это что же такое?

— Мясо по-французски... Передавайте сюда грязные тарелки, я вам сейчас другие дам.

— Наташа, вы с ума сошли! — вяло протестовала Лана. — Свиная, картошка, сыр, да еще столько масла... Это же смерть фигуре!

— Зато какая клевая смерть, — хихикала Долька. — От обжорства! М-м-м, вкуснятина!

— Это не масло, это майонез, — успокаивала Наташа.

— Тем более! — ахала Лана. — Разве можно такое есть?

— А вы и не ешьте, вы только кусочек попробуйте, — увещевал Коллуэй.

Наташа, не слушая возражений, уже наполняла для нее тарелку. Лана попробовала раз, другой и уже не могла остановиться.

«Я счастлив, — вдруг с удивлением признался себе Виталий. — Я в гостях у друзей, в уютном и приятном доме. Сажу за вкусным столом, а рядом — моя любимая семья. И мне ничего больше в жизни не надо!»

После горячего был еще десерт, потом чай с тортом, к которому уже никто не притронулся, даже Джо. Все в буквальном смысле слова отвалились от стола, кое-как расползлись по диванам и креслам, откинулись на спинки и, тяжело дыша, лениво слушали, как вернувшаяся с очередного перекура Долька рассуждает об оптимистах и пессимистах.

— Нам в институте говорили, что есть такая теория — если человек родится ночью, то он будет пессимистом, а если при солнечном свете — то оптимистом.

— Я родился шестого августа. — Джозеф, как всегда, примерил все на себя.

— А во сколько? Сколько времени было?

— Полдень.

— Ну, так оно и есть! Ты типичный оптимист, дружище, — хохотнул Малахов.

— А я в шесть вечера, — пожала плечами Лана.

— Значит, ты ближе к пессимистам, — поддержал игру Виталий. — Ты же декабрьская, а в декабре в это время уже всегда темно. И Долька у нас получается махровым пессимистом, да?

— Ну да, я в три часа ночи родилась. С тех пор ночь — мое любимое время... Вит, а ты во сколько?

— Понятия не имею, — пожал плечами Малахов. — А теперь и спросить не у кого...

— С нашей коровой та же история, — вздохнула Наташа. — Да моя мамка небось, и пока жива была, таких вещей не помнила. Мало ли у нее забот было...

— Почему ты сказала — корова? — не понял Коллуэй.

— Ну, это такое выражение, значит, у меня или у нас все то же самое, — объяснили ему.

— А-а, — закивал головой американец. — А я подумал, что вы вспоминаете деревню, где родились.

— Мы с Виталькой в разных деревнях родились. — Наташа лениво отщипнула виноградину, съела ее, сплюнула в ладошку косточки. — Ты ведь калужский, да?

Малахов кивнул, слегка польщенный тем, что она это помнит.

— А я с Волоколамской области... — задумчиво продолжала хозяйка. — Сто тринадцать верст от Москвы. Отец мой, Николай Петрович, лесничим был...

— Круто! — восхитилась Долька. — Настоящий лесник? Вы прямо так и жили — в глуши, в сторожке?

— Прямо так и жили, — кивнула Наташа. — В избушке посреди леса.

— Офигеть! — Долька смачно хрустнула грушей.

— Офигеть, — согласилась Наташа. — До ближайшей деревни минут сорок идти через лес. А в школу я в Матренино ходила, это и вовсе часа два... Зато места у нас там дивные! Лес, ручьи, птицы поют, зверь бегают... Красота!

Она потянулась было за новой виноградиной, да раздумала. Облокотилась на стол, подперла рукой щеку, взгляд затуманился.

Джо по-хозяйски обнял ее за плечи:

— Не вешай носом, Наташа!

— Не буду! — улыбнулась она, забыв поправить его ошибку. — Дом просто вспомнила, давно там не была, уж года два, наверное...

— Так давайте съездим! — оживился вдруг Коллуэй. — Все вместе! — Эта идея, похоже, так увлекла его, что он даже с дивана привстал.

— Я с таким набитым пузом не то что до Волоколамска — до Маяковки не доеду! — шутливо простонал Виталий, глядя себя по животу.

— Хорошо, мы поедем завтра! — бодро отвечал американец.

— Джозик, угомонись, — ласково погладила его подруга. Но Коллуэя уже было не унять.

— Я хочу видеть твое родовое поместье! — заявил он. Малахов

расхохотался, Наташа и Долька так и покатались со смеху, даже Лана позволила себе хихикнуть.

Лицо Джозефа сделалось совсем красным от обиды.

— Почему все вы смеетесь? — недовольно спросил он.

— Джозик, миленький, ну какое там родовое поместье, — отвечала ему, чуть успокоившись, Наташа. — Поместье - это когда усадьба большая и земли собственные кругом. А у нас так... Избушка на курьих ножках.

— Я хочу посмотреть избушку, — уперся Коллуэй.

— Ну, что ты так горячишься, — улыбнулся Виталий. — Хочешь — значит, съездите как-нибудь.

— Не съездите, а съездим, — упрямо возразил ему партнер. — Я хочу поехать со всеми вами. И не как-нибудь, а завтра.

— А почему бы и нет? — вдруг поддержала его Наташа. — Вон какая погода стоит — совсем уже весна! Шашлыков с собой возьмем, пикник устроим. Там и мангал есть, и все остальное... Можно даже с ночевкой.

— Решено — завтра едем! — радостно заключил Джо.

— Завтра я не могу, — вяло запротестовала Лана.

— Значит, послезавтра, — заявил техасец тоном, не терпящим возражений.

Если уж Джозефу приходила в голову какая-то идея, спорить с ним было бесполезно. Коллуэй был из тех людей, про которых Аркаша Лошманов, помощник Виталия, говорил: «Им проще отжаться, чем объяснить, что ты их не хочешь».

Малахов посмотрел на девушек. Лицо Наташи светилось от радостного предвкушения. Долькины глаза-виноградины улыбались. Лана еле заметно пожала плечами.

— Ну хорошо, — кивнул Виталий. — Уговорил. Джозеф радостно потер руки:

— Ну, а теперь партейку в шашки! Да, Вит?

Глава 6 Четыре дамы и пиковый туз острием вверх

С утра в понедельник все, как и положено, шло кувырком. Лана, накануне провалявшись с мигренью, — проспала, встала в дурном настроении и мучительно долго готовилась к поездке, что разозлило Малахова. Его вообще выводили из себя женские сборы, тянущиеся часами вне зависимости от того, что ждет впереди — двухнедельный вояж в другую страну или поход в булочную на соседней улице. В любом случае надо долго плескаться в ванной, затем еще дольше одеваться, потом причесываться и укладывать волосы, потом делать макияж и собирать сумочку... И в последний момент всегда выясняется, что одежда не годится, а в сумочке недостает самого необходимого. Так было и сегодня. Лана была недовольна абсолютно всем — плохо выглядела, волосы не лежали, джинсы сидели неудачно и в довершение всех бед пропали духи.

— Я точно помню, что, когда мы ходили к Джозефу, я положила их вот сюда, в карман сумочки, — сокрушалась супруга. — А сейчас их нет.

— О господи, Лана, но зачем тебе духи *сегодня*? Мы же едем в лес.

— Как ты не понимаешь! Я не могу выйти из дому, не приведя себя в порядок!

— Ну подушись какими-нибудь другими!

— Виталий, но ты же знаешь, что я не признаю никаких других духов, кроме «Прелюдии»! Меня бесит современная мода, когда с утра носят один запах, днем другой, а вечером третий! Это просто безвкусица! Стильная женщина должна выбрать себе духи один раз и пользоваться ими всю жизнь. Перемена аромата — это целое событие...

— Ну давай я позвоню Джо и скажу, что мы никуда не едем, — перебил, не выдержав, Малахов.

— Нет, отчего же, — тут же возразила Лана. — Я уже настроилась на пикник. Мы обязательно поедем, просто ты предупреди, что мы сделаем это чуть позже. А я пока слетаю в магазин за духами. Это не так уж далеко.

«Летала» она больше часа. Виталий уже успел проклясть все на свете.

Долька от поездки отказалась — у нее были какие-то свои дела. Поэтому отправились вчетвером и, как было решено, на одной машине, чтобы веселее ехать. За рулем был Малахов. Нанять нового водителя он так и не успел, да это, пожалуй, вышло и к лучшему. Пикник обещал затянуться. Не звать же водителя в свою компанию! И отпустить поездить

тоже нельзя, все-таки не в городе. Стало быть, пришлось бы держать человека в машине, голодного, пока они едят шашлыки и развлекаются. Или кинуть ему кусок с барского стола, что тоже как-то некрасиво... За все эти годы Виталий так и не научился правильно держать себя с прислугой.

Ему до сих пор было неловко заставлять кого-то делать что-то за себя, пусть даже и за плату. Что он, здоровый мужик, не в состоянии сам застелить постель или донести чемодан от аэропорта до стоянки? То ли дело Лана! Вот уж кто без всяких душевных сомнений гонял свою домработницу, водителя и прочую обслугу в любое время дня и ночи, не стесняясь предъявлять претензии и лишать вознаграждения, если качество сделанной работы ее не удовлетворяло. Она и в эту поездку хотела взять своего шофера, но Малахов не согласился. Решили, что едем вчетвером, — и точка.

По дороге на Тверскую-Ямскую пришлось еще заезжать в супермаркет за продуктами и прочим необходимым для пикника. Когда они наконец посадили в автомобиль сияющего Джозефа и Наташу с большой спортивной сумкой, уже перевалило за полдень. А когда выбрались из запруженного машинами города, было и вовсе четверть второго.

— Эдак мы только к ночи до места доберемся, — бурчал Виталий.

— По-моему, уже темнеет! — поддакнула Наташа.

— Это просто туча! — жизнерадостно возразил Джо.

— Вот только дождя нам не хватало! — Лана зябко повела обтянутыми курточкой плечами. — И так сегодня прохладно... Все-таки, наверное, стоило отложить эту поездку до лета.

— А ты бы еще дальше собиралась — и лето бы наступило!

— Так, опять начинается, да? Что ты вечно ко мне придираешься?

— Да ладно вам, ребята, перестаньте! — Наташа постаралась пресечь ссору. — Все будет нормально, спешить нам некуда...

— Все о'кей! — поддержал ее Коллуэй.

К счастью, чем дальше от города, тем свободнее становилась дорога. Вскоре черный «Лексус» уже мог позволить себе бежать больше сотни километров в час, а потом и еще быстрее. Проехали последний ориентир на Волоколамке, свернули с шоссе на боковую проселочную дорогу. Наташа показывала, куда ехать:

— Вот тут, после указателя, направо... По этому шоссе еще километров семь... Там развилка будет... Вон, вон туда! Здесь прямо, через мост... Дальше, дальше... Там за лесом деревня будет, Спиридоновка. За ней поле, а за полем сразу налево...

— Вот сюда, что ли? Я бы без тебя этого поворота вообще не

заметил... Господи, опять яма! Да уж, глухое местечко, ничего не скажешь! С проводником надо передвигаться, как в горах. Один бы я ни за что не нашел! — комментировал Виталий.

Она тихонько улыбалась ему в зеркало заднего вида. Весенний ветер, врывавшийся в открытое окно, трепал ее волосы и иногда кидал их в лицо Малахову. От волос пахло яблоками. Антоновкой.

С проселочной дороги свернули сначала на грунтовку, а оттуда и вовсе на колею, которая вела прямо через лес.

— Ну все, подъезжаем! — радостно сообщила Наташа.

— Слава богу! Из меня чуть всю душу не вытрясло на этих ухабах, — пожаловалась Лана.

Джозеф тянул шею:

— Где твой дом, sweetu?^[12]

— Сейчас появится... Вон туда смотри. Сейчас листвы еще почти нет, его хорошо будет видно.

Впереди показалась поляна, а на ней и впрямь настоящая «избушка на курьих ножках» — добротный бревенчатый сруб с маленькими окошками. Малахов заглушил мотор, и все поспешили вылезти из машины.

Разминая затекшее от долгого сидения тело, Виталий с удовольствием оглядывался вокруг. Вот где красота! Густой смешанный лес, удаленный от цивилизации и оттого чистый, сохранивший первозданную красоту. Громкий веселый гомон птиц, запах еще не просохшей земли, молодой травы и лопающихся почек. А воздух, воздух какой, хоть ложкой хлебай! Он вдохнул полной грудью, и на душе вдруг стало легко и радостно.

По отсутствию мелких бытовых мелочей можно было догадаться, что в доме никто не живет — и в то же время было ясно, что долгое время в нем обитали рачительные и рукодельные хозяева. Сбоку от крыльца еще висел проржавевший рукомойник, под ним сохранилась широкая подставка на козлах. Позади дома виднелось строение поменьше, видимо, баня; на поляне под деревом были врыты в землю большой деревянный стол и две лавки по бокам. Справа от крыльца оборудована целая площадка для отдыха — маленький столик, скамейка, место для костра, бочонок с песком — наверное, окурки бросать, когда костра нет, — и даже подобие кресла из причудливых корней. В этом кресле тут же устроилась Лана, закрыла глаза, подставила лицо ласковому апрельскому солнцу.

Наташа уже успела отпереть избу и бегала туда-сюда, таскала пакеты, распаковывала свою большую сумку, чем-то гремела в доме.

— Ой, молодцы, какой чудный шашлык купили! Джозик, солнце мое, сумеешь мангал собрать? Ура, электричество в порядке, сейчас чаю

вскипятим... Виталь, будь другом, принеси воды, а? Вон, в кухне под столом ведро стоит.

— Запросто, только скажи, откуда воду брать.

— А из ручья. Видишь, там, за деревьями?

— Вы что же, собираетесь пить воду из ручья? — пришла в ужас Лана.

— Не, для питья у меня в бутылках, — успокоила ее Наташа. — Но вообще-то я всю жизнь эту воду пила — и ничего.

По дороге за водой Виталий встретил неторопливого, видно, еще не пришедшего в себя спросонок, крупного ежа. Тот посмотрел на него, фыркнул и неспешно скрылся среди прелых листьев у корней старой березы. Берега ручья были еще размытыми, влажно-скользкими, а вода — обжигающе студеной. Изловчившись, Малахов зачерпнул ее полной горстью, потом еще, и пил, пока не занули зубы. Господи, хорошо-то как!

Погода разгулялась, туча, напугавшая их в Москве, прошла мимо. На пригретой солнцем поляне было так тепло, что есть решили прямо на улице. На столе, как по волшебству, появились цветная полиэтиленовая скатерка, банки с крепенькими солеными огурцами и домашними маринованными опятами, бутылка с домашней наливкой. Наташа быстро и ловко резала привезенный Малаховыми хлеб, снимала пленку с магазинной нарезки, расставляла пластиковую посуду, мыла блестящие, словно натертые воском, помидоры. Виталий набрал в сарае дров — готовых углей он не признавал принципиально — и развел в мангале огонь. Джо открывал банки и бутылки.

— Давайте быстренько перекусим, — распоряжалась Наташа. — Шашлык делать долго, когда он еще будет готов, а все уже голодные. Лана, идите за стол, успеете еще позагорать! Виталик, садись рядом с женошкой. А ты, Джозик, ко мне подсаживайся! Ой, да не сюда, горе мое, тут же кастрюля с картошкой стоит! Кому картошки положить, пока теплая? Я ее и в газету, и в полотенца завернула... Виталь, давай картошечки, а? С маслом, с укропчиком!.. Лана, я вам наливочки налью? Вишневая!

— Ну, давайте, попробую...

— Гулять так гулять! — радостно возопил Джозеф. — Ну, а мы с Витом по водочке!

— Виталию нельзя, ему еще обратно нас везти, — Лана прикрыла ладонью рюмку мужа.

— Что же, я один буду пить? — захлопал ресницами Джо. — Что я — голоалик?

— Кто-кто?

— Алкоголик, — догадалась, хохоча, Наташа. — Нет, солнце мое,

конечно, нет, никакой ты не алкоголик! — Она звонко чмокнула тexasца и предложила: — А давайте здесь заночуем! Тогда и Виталику можно будет выпить.

— Замерзнем, — засомневался Малахов. — Ночи еще холодные.

— А мы печку затопим! Печка у нас ого-го — от нее зимой жарко, как в бане. Кстати, и баньку можем истопить, у нас тут и банька есть...

— Но я ничего не взяла с собой, — покачала головой Лана.

— А у меня все есть. И щетки зубные, и полотенца, и молочко косметическое, и прокладки на каждый день. Даже трусы могу вам дать.

— Спасибо, я как-нибудь обойдусь.

— А чего вы? Они же в упаковке. Разве что велики вам будут...

Эта беседа, брезгливо-недоуменное лицо Ланы и искренняя улыбка Наташи очень развлекали Виталия. Он вдруг понял, что ему до страсти хочется остаться здесь до утра, расслабиться, выпить на свежем воздухе водки под шашлык... А потом дожидаться темноты, сидеть у костра, слушать, как трещат поленья, глядеть, как взмывают в высокое звездное небо летучие искры...

— А ладно, наливай и мне, Джозеф!

— Виталий, ты с ума сошел!

— Лана, но имею я право хоть иногда отдохнуть? Супруга наморщила нос и отвернулась:

— Поступай, как знаешь!

— И правильно! — поддакнула Наташа. — Пускай мужик сам решения принимает. Мужик — он на то и мужик. Правда ведь, Джозик?

Коллуэй, не переставая жевать, обнял ее одной рукой.

Пока перекусывали, дрова в мангале уже успели прогореть. Угли вышли отличные — крупные, жаркие. Малахов хотел было заняться шашлыком, но Джозеф с Наташей его не подпустили: «Нет-нет, это мы сами». Лана вернулась в свое кресло — пока солнце не ушло, расположилась поудобнее, оголила шею, как можно выше подтянула рукава джемпера. Виталий поглядел немного на эту идиллическую картину и отправился обозревать окрестности.

В глубь леса от поляны вела тропинка, не успевшая еще зарости травой. В чаще еще было сыровато и прохладно, кое-где, в самых тенистых местах сохранялись большие лужи талой воды, а пару раз за деревьями мелькнули даже белые кучки нерастаявшего снега. Но тропинка была уже совсем сухой, на деревьях полопались все почки, а на освещаемых солнцем участках буйно росла молодая трава и цвели, укрывая землю ярким пятнистым ковром, белые душистые цветочки, которые в его родном

поселке называли медуницами. Где-то у самых макушек деревьев шумел легкий ветерок, почти неслышимый из-за веселого птичьего гомона.

Вскоре тропинка раздвоилась: одна, что поуже, вела в левую сторону, другая, более широкая, уводила направо. Малахов остановился, раздумывая, куда пойти, потом, усмехнувшись, вынул из кармана монетку — «орел — налево, решка — направо» — и подкинул ее в воздух. Монета несколько раз перевернулась над головой и, чавкнув, упала на влажную землю вверх гербом. Виталий подобрал ее, обтер и послушно повернул на левую дорожку. Вскоре между деревьями показался просвет. Тропинка вывела его еще на одну поляну.

Он вышел из леса и даже остановился на миг, очарованный открывшимся перед ним видом. Эта поляна была намного больше первой, дальняя ее часть спускалась к ручью, расширившемуся до размеров небольшой речки. Лесной пейзаж был в этом месте особенно живописным, а посередине поляны, не нарушая красоты природы, а словно существуя в гармонии с ней, стоял дом.

Собственно, это здание еще нельзя было назвать домом в полном смысле этого слова — строительство явно было не закончено. Завершенным выглядел только забор — чудесная витая ограда с оригинальными воротами под аркой из нескольких полукруглых тонких полос черного металла. Но уже было видно, что дом задуман и спроектирован со знанием дела, так непохож он был уже сейчас на типовые загородные строения, все эти безвкусные «новорусские замки» и стилизации под швейцарское шале.

Малахов немного постоял на опушке. Дом так и манил к себе, хотелось подойти поближе и как следует его рассмотреть.

Он пересек поляну и приблизился к кованым воротам под аркой. Они оказались не заперты — возможно, хозяева решили, что в этой глуши им не стоит опасаться воров. Да и украсть, судя по всему, было пока нечего.

Дом явно был пуст, изнутри не доносилось ни звука, но Виталий, как бы ему ни хотелось, не стал проникать в чужие владения. Он лишь обошел участок снаружи, разглядывая его сквозь ажурный забор.

Вблизи здание выглядело еще интереснее — чего стоила одна только арка на входе, напоминающая старинный грот! Правда, вместо окон и дверей пока были просто свободные проемы. Но даже в этом состоянии полуфабриката дом был удивительно красив. Малахов так увлекся, что еле вспомнил о своих компаньонах. А те наверняка уже хватились его и беспокоятся. Пора было возвращаться назад.

Он успел как раз вовремя — шашлык был готов, и по всей поляне

распространялся его одуряющий аромат. Наташа вновь собирала на стол. Виталий стал было расспрашивать ее о недостроенном доме, но женщина только развела полными руками.

— Ничего не могу тебе сказать, Виталик! Это все уже после нас началось, когда батя умер и я отсюда уехала. Вроде какой-то художник, а может, и режиссер, землю купил. Затеял строительство, да, видно, денег не хватило — так и забросил.

— А что такое? — тут же заинтересовалась Лана. Похоже, она уже забыла о своих обидах.

Малахов рассказал ей об увиденном, и супруга тут же загорелась:

— Я тоже хочу пойти посмотреть на этот дом! Далеко это отсюда?

— Да рядом, минут пятнадцать ходьбы, а то и меньше. Хочешь, сейчас поедим да сходим?

— Да, хочу.

Шашлык получился сочным, мягким и невероятно вкусным.

— Ну ты и молодец, Джозеф, дружище! — восхитился Виталий.

— Это Наташа молодец. Я только это... на палки насаживал. А все остальное делала она.

— Надо говорить: насаживал на шампуры, Джозик!

— Неужели ты жарила, Наташа? Надо же! А еще говорят, что шашлык женских рук не признает...

— Да ладно тебе, Виталик, меня хвалить, было бы за что! Просто вы хорошее мясо купили, уже и замаринованное. Знаешь, как мой отец говорил: «Была бы коровка да курочка — так сготовит и дурочка».

— Слушай, и моя бабушка тоже так говорила...

После шашлыка и водки Джозеф изъявил желание прилечь. Наташа осталась с ним, а Малахов повел Лану на экскурсию к недостроенному дому. Он немного опасался, что, оставшись с ним наедине, супруга начнет выговаривать ему за все, что ей не нравится, но, к его удивлению, ничего подобного не произошло. Дорогой Лана лишь рассуждала о преимуществах загородного жилья перед городским (главным из которых было, что «сейчас все так живут») да щебетала о том, «какой милый этот твой Джозеф». Очевидно, и на нее действовала окружающая красота и благодать.

Когда она увидела дом, у нее даже дыхание перехватило.

— Потрясающе! — проговорила она, со всех ног устремляясь к недостроенному зданию. — Никогда не видела ничего подобного!

Даже не могу определить этот стиль. Это не классика и не модерн, и не... в общем, нечто среднее. Но и эклектикой не назовешь.

— Тебе тоже нравится? — Малахов был рад, что у них с супругой

вдруг нашлось что-то общее.

— Великолепно! Просто великолепно! А забор какой! А ворота! Виталик, ты видел эти ворота? А на арку внимание обратил? Это же просто произведение искусства! Настоящая радуга из металла!

— Радуга, Светик, черной не бывает. Это парадокс.

— Как видишь — бывает. И не зови меня Светиком, ты же знаешь, я этого не люблю.

Она решительно открыла створку ворот и прошла под черным металлическим сводом.

— Лана, ты что! Неудобно же...

— Да перестань! Тут же никого нет. А я просто умру, если не увижу, что там внутри.

Внутри, конечно, тоже почти ничего не было — разве что деление на комнаты. Огромный холл, судя по задумке архитектора, должен быть высотой во весь дом — сквозь недоделанную крышу виднелось небо. Лестница на второй этаж тоже отсутствовала.

— Да, пока тут один только каркас. — Лана постучала костяшками пальцев по стене. — Настоящий камень, между прочим, не кирпич какой-нибудь силикатный... Как жаль, что кто-то забросил такую красоту...

— Ну, может, не забросил, а просто заморозил строительство, — пожал плечами Виталий. — Возможно, временные перебои с деньгами.

— Тогда продавать надо. Тем, у кого деньги есть, — категорично заявила супруга. — А то кинули на произвол судьбы... Как это все еще цело, не понимаю! Не растащили ничего, бомжи тут не поселились...

— Ну, бомжи, я думаю, просто сюда не добрались — все-таки далековато. Да и ютиться в недостроенном доме без окон, без дверей — удовольствие ниже среднего. А растащить... Что тут растаскивать-то? Одни стены.

— Ну, не скажи... Сейчас такой народ — запросто могут и забор увезти, и ворота. «КамАЗ» подгонят...

С противоположной стороны дома находилась большая терраса, с которой открывался восхитительный вид на речку.

— А между прочим, земля тут не такая уж дорогая, — задумчиво проговорила Лана, облокотившись о тонкую колонну и обозревая окрестности. — Выкупить бы вокруг несколько гектаров... Действительно, целое поместье бы получилось! И дом достроить, сделать все на свой вкус...

Малахов промолчал. У него давно уже роились в голове те же самые мысли. Но он был не из тех людей, кто говорит «гоп!» перед прыжком, а не

после.

— Давай-ка возвращаться, дорогая, — сказал он после долгой паузы. — Смотри, солнце уже садится, скоро темнеть начнет.

Пока их не было, Наташа натаскала на площадку перед сторожкой сухих веток, запалила костер. Стемнело и впрямь скоро, но от этого вокруг костра стало еще уютнее. Поленья трещали, искры уносились в небо, лес таинственно шумел... Когда проснулся Джозеф, Наташа вытащила откуда-то старенькую гитару, сдула пыль и запела, тихонько перебирая струны:

Мой костер в тумане светит, Искры гаснут налету...

И оба бизнес-партнера с удовольствием подхватили:

Ночью нас никто не встретит, Мы простимся на мосту...

Коллуэй выказал себя настоящим знатоком и любителем русской песни. Пока женщина пела, он не отрываясь глядел ей в рот, а стоило той замолчать, тут же требовал продолжения: «Вдоль по улице!» или «Подмосковные вечера», *sweetly!*» Наташа смеялась: «Дай хоть дыхание-то перевести!» — и тут же затягивала то, что он просил. А когда она негромко и с придыханием исполнила «Мне нравится, что вы больны не мной...», Малахову вдруг показалось, что поет она для него одного. Он готов был просидеть вот так у костра всю ночь, но Лана, давно уже кутавшаяся в выданное ей лоскутное одеяло, в конце концов встала и пошла в дом:

— Ну хватит уже тут сидеть, холодно...

А потом затопили печку и пили чай с захваченными предусмотрительной Наташей лимоном, пряниками и малиновым вареньем. Малахову с Ланой и в голову не пришло бы привезти нечто подобное... И вот что странно — Виталий обычно не любил пряники, а сейчас с удовольствием съел целых три штуки (несмотря на то, что давно был сыт), и они показались ему необыкновенно вкусными. Наверное, это от лесного воздуха в нем проснулся такой аппетит? Или пряники были какие-то особенные, очень свежие? А может, дело было и не в пряниках, и не в воздухе? Просто ему было очень хорошо в этом бревенчатом домике, за маленьким столом, освещаемым тусклой лампочкой с плетеным из выцветшей проволоки абажуром. Быть может, это и есть счастье, когда за плечом отодвигается ситцевая занавеска, отделяющая кухню от горницы, мягкая женская рука ложится на плечо и ласковый голос спрашивает:

— Виталик, а тебе наливочки в чай добавить?

Спать было еще рано, и Наташа предложила перекинуться в карты, но компания ее не поддержала. Джозеф умел играть только в бридж, Лана из всех игр помнила только «подкидного дурака» и то не очень хорошо.

— Экие вы странные, право! — недоумевала хозяйка. — А я вообще

не понимаю, как можно жить без карт. Бывало, у нас с мамкой каждый вечер карты на столе. То играем, то гадаем...

— Ты умеешь гадать? — удивился Виталий.

— Ну да. Мамка научила. Она очень хорошо это делала, прямо как цыганка.

— Фу! — поморщился Малахов. — Терпеть не могу цыган! А мне погадать можешь?

— Да запросто!

Лана фыркнула, Джозеф, обнаруживший еще один новый талант в своей избраннице, заинтересованно придвинулся поближе к столу. Наташа перетасовала карты и протянула Виталию.

— Иди через ручку двери продень. Чтоб правду говорили. Здесь еще сохранилась ручка в виде скобы на прямоугольном металлическом основании с отверстиями для гвоздей. У Малаховых в избе тоже была такая ручка... Он продел, вернул гадалщице колоду, она велела снять ее левой рукой к себе и принялась открывать по три карты.

— Ой, смотри, сразу же крестовый король выпал!

— Это я, да?

— Не, ты пока червонный, молод еще... А крестовый значит, что гадание будет верным. Смотри, вот он ты. Ну-ка, сейчас мы все про тебя узнаем...

Червовый король лег в центр стола, Наташа принялась обкладывать его с четырех сторон другими картами.

— Посмотрим, что у тебя на сердце... Дорога, опять дорога... И куда это ты все едешь? Дом родной, хлопоты, разговоры о деньгах... И две дамы — бубновая и червонная.

— Сразу две? Это что ж за дамы такие?

— Ну, бубновая молоденькая, тревожишься ты о ней... Дочка, не иначе. И в голове у тебя все ее дела... А вот что за червонная — тебе лучше знать... Ой, смотри, любовь у тебя с ней скоро будет! Видишь — девятка.

— Так-так, — шутливо погрозила пальцем Лана. — Червовая дама, значит? С любовью? И не я?

— Да, похоже, не вы, — отвечала гадалщица. — Вы вот она, крестовая, при доме родном, с хлопотами домашними... Ой, Виталь, а тут и винновая дама у тебя за спиной! Да еще с крестом. Злодейка с какими-то кознями... Вон — встреча с ней скорая, неприятности через эту встречу, разговор тяжелый... Да, похоже, и не один.

— Да ты, дорогой муженек, оказывается, прямо донжуан! — смеялась Лана. — Одни дамы кругом!

— Ой, да не берите в голову! — Наташа отвечала без тени улыбки. Похоже, сама она, в отличие от всех остальных, искренне верила в то, что делает. — Когда четыре дамы выпадает, это значит, что всерьез-то и нет никого. А что на пороге у тебя? Ого! Опять дорога дальняя и какое-то приобретение. Крупное что-то купите, может, машину новую, может, еще что...

— Неужели? — заинтересовалась Лана. — Прямо так и выпало — приобретение?

— Ну вот сами смотрите — десятка бубновая с семеркой червей. Точно говорю — приобретение.

— Ох, хотелось бы верить...

— Наташа, я ничего не понимаю! — сокрушался Коллуэй. — Что ты говоришь Виту?

Но гадалщица лишь отмахивалась:

— погоди, солнце мое, я тебе потом все объясню... Ой, чегой-то мне тут все у тебя не нравится, Виталик... Козни, обман, предательство. Что-то нехорошее против тебя затевается... Ладно, давай посмотрим, что под сердцем лежит. Под сердцем всегда самая главная карта.

— Так что же может быть под сердцем, если все четыре дамы уже тут? — иронизировала Лана.

— А вот мы сейчас и поглядим! — Наташа вытаскила карту, которую с самого начала гадания положила закрытой под короля, перевернула ее и даже руками всплеснула:

— Ой, батюшки!

— Что, плохо? — Виталий и сам не понял, отчего вдруг так встревожился.

— Самая дурная карта, Виталик, — горестно покачала головой гадалщица. — Туз винновый, да еще острием вверх.

— Ну вверх еще ничего, — попытался отшутиться он. — Был бы вниз...

Но Наташа не поддержала шутку:

— Нет, Виталь, вниз — это еще не так страшно! Это значит просто удар, от удара еще оправиться можно. А когда вверх — это совсем худо...

— Смерть? — почему-то шепотом уточнил Малахов. Наташа молча кивнула и торопливо стала собирать карты.

— Ничего, сейчас я дальше разложу, — бормотала она. — Что было, что будет, чем сердце успокоится... Авось все еще выйдет ничего...

Она снова начала тасовать колоду, но карты вдруг вырвались из ее рук и рассыпались по столу и по полу.

— Ну вот — упали! — в голосе Наташи послышалось облегчение. — А значит — гадание насмарку. Пустое все, и ничего не сбудется.

— Ну и слава богу! — вздохнул Виталий. Лана поднялась из-за стола.

— Вот за это я и не люблю гаданий! — раздраженно проговорила она. — Выпадет какая-нибудь гадость, расстраивайся потом...

Малахов с удивлением взглянул на нее. Надо же, как близко к сердцу она это приняла...

На Джозефа было жалко смотреть.

— Sweety, я ничего не понял, — пожаловался он. — Что ты нагадала Виту? Все плохо или все хорошо?

— Все нормально, дружище! — улыбнулся Малахов. А Лана зевнула и сказала:

— Давайте, что ли, спать ложиться... Поздно уже.

Сначала в доме, очевидно, было одно-единственное помещение, но позже его разделили тонкой перегородкой на две комнатки. Малаховым досталась поменьше, с кроватью, живо напомнившей Виталию детство — точно такая же, как была у него когда-то: железная, с пружинной сеткой и шарами на спинках. Лана брезгливо осмотрела матрас, подушку и белье, расправила, как могла, ситцевую занавеску на окне и легла одетой, только джинсы сняла, осталась в колготках. На узкой кровати они вынужденно прижались друг к другу, и он подумал с усмешкой, что давно уже не был со своей супругой так близок. Виталий осторожно просунул руку под плечи жены, прижал ее к себе. Лана медленно провела тонким пальчиком по груди мужа.

— Виталь, мы его купим? — это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Кого? — шепотом спросил он.

— Господи, да дом, конечно!

— Я постараюсь все разузнать, — расплывчато пообещал он.

— Только обязательно! Прямо сразу, как приедем, — настаивала супруга. — Я его хочу!

— Мне он тоже понравился... Но я, честно признаться, не могу тебя понять. Тебе-то зачем дом в глуши? Одно дело я, медведь деревенский... Но ты-то у нас девушка до мозга костей городская! Неужели ты и правда хочешь поселиться здесь, за сто с лишком верст от Москвы, от твоего салона, от всех твоих кабаков, бутиков и тусовок?

— Зайка, ну как ты не понимаешь! — Она всегда называла мужа зайкой, когда хотела чего-то от него добиться. — Никто и не говорит о том, чтобы перебираться сюда насовсем. Но представь, как это гламурно —

иметь под Москвой собственную усадьбу, с таким потрясающим домом, с куском леса, с чудным видом на реку! Сюда можно будет приезжать на несколько дней отдохнуть от городской суеты, приглашать друзей на уик-энды, устраивать загородные приемы. Конечно, неплохо было бы иметь нечто подобное по Рублево-Успенскому направлению, но там практически вся земля уже раскуплена...

— И в крайнем случае ты согласна на Волоколамскую губернию, — Малахов игриво пощекотал жену за ушком, она возмущенно отстранилась:

— И нечего иронизировать. Кстати, к старости и впрямь можно будет здесь поселиться. Как Маргарита Лошманова, мама Аркаши.

— Маргарита живет в Немчиновке, там обжитой и охраняемый поселок, из окна мансарды видно Окружную дорогу. А тут глухой лес и четыре километра до ближайшего жилья. Ни тебе магазинов, ни помощи в случае чего...

— Все это решаемо, — отмахнулась супруга. — Забор выстроим, сигнализацию надежную поставим, охраны найдем побольше... А все необходимое из города доставлять будут, сейчас это не проблема. Вот только дорогу надо будет в порядок привести.

— Я смотрю, ты уже все решила! А ты хоть представляешь, сколько это будет стоить?

Ее рука ласково погладила его по груди и животу:

— Но ведь ты справишься с этой задачей, правда, зайка? Я же вижу — тебе хочется купить этот дом не меньше моего!

И она была права, права на все сто!

— Все-то ты у меня знаешь! — он рассмеялся и протянул руку, чтобы обнять супругу, но она повернулась к нему спиной и потянула на себя одеяло:

— Ладно, давай спать. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — усмехнулся он. Вот тебе и вся супружеская близость!

Однако уснуть им не удалось. За фанерной перегородкой вскоре послышались шум, возня, шепот Джозефа и хихиканье Наташи: «Да тише ты! Там же все слышно!» Однако техасец, судя по всему, не унимался. Кровать под ними заскрипела, раздались вздохи, сопение, Наташа тихонечко замурлыкала, потом застонала. Лана села на постели:

— Черт знает что! Они что, не могли этого сделать днем? Пока мы ходили смотреть дом?

— Тише, Лана, они тебя услышат.

— Ну и пусть! Почему-то их совсем не беспокоит, что я их слышу!

Парочку за стеной это действительно уже мало интересовало. Джозеф пыхтел все сильнее, Наташа стонала громче и в конце концов издала сдавленный крик — очевидно, вспомнила в последнюю минуту о Малаховых за стеной и прикусила руку или подушку. Виталию вдруг нестерпимо захотелось узнать, как она кричит, когда ей ничто не мешает. Лана никогда в жизни в такие моменты не кричала, не стонала и не мурлыкала в постели... С этими мыслями он и уснул.

Разбудило его яркое солнце, пробивавшееся сквозь тонкую занавеску — окно их спальни выходило на восток. На часах еще не было и восьми, но он чувствовал себя выспавшимся и как никогда отдохнувшим. Как можно осторожнее, чтобы не разбудить Лану, Малахов поднялся с кровати, оделся и тихо вышел. В соседней комнате спал, раскинувшись один на кровати, аккуратно укрытый одеялом Джозеф.

Виталий вышел на улицу. В тени от земли еще тянуло холодом, но на солнце было уже совсем тепло, прямо по-летнему. Он сбегал в туалет, потом сбросил джемпер и с удовольствием умылся застудившейся за ночь родниковой водой из ведра. Когда он уже вытирался стареньким полотенцем, за спиной послышались тихие шаги — Наташа, несмотря на ее полноту, ступала как-то удивительно легко. Малахов обернулся. На женщине были только кроссовки на босу ногу и футболка Джозефа, подчеркивавшая соблазнительные формы. В руках она держала охапку веток, покрытых пушистыми, как цыплята, почками.

— Где это ты была с утра пораньше? — улыбнулся Виталий, заглядывая в веснушчатое лицо.

— Да вот, — Наташа показала на свой букет, — веток ходила наломать. Позавчера ведь Вербное воскресенье было, Пасха скоро. Поставлю дома в вазочку, красиво... Тебе дать?

— Дать, — отвечал Виталий, подходя к ней поближе. — Только не вербу. А совсем другое...

Наташа засмеялась, закидывая назад голову и кокетливо открывая нежную белую шею.

— Ой, ну ты скажешь тоже! Ну пусти, дай пройти!

— Неа. Не пущу...

Ее тело было теплым, а кожа удивительно гладкой на ощупь. Виталий обнял ее и зарылся лицом в пахнувшие антоновскими яблоками волосы. Его удивило и обрадовало, насколько охотно Наташа подалась к нему. Что это — профессиональная привычка? Или что-то другое?

— Подожди, подожди, — шептала она, пытаясь остановить его нетерпеливые руки, уже задравшие футболку. — Давай уйдем куда-нибудь!

Увидят же! Лана увидит!

— Никто не увидит... — бормотал он. — Мы быстренько... Но тут Наташа вдруг резко вырвалась из его рук. Виталий обернулся. На крыльце, уставившись на них, стоял Джозеф. Обычно красноватое лицо техасца было сейчас бело-желтым, как древесина клена.

Зная своего американского партнера, Малахов скорее был склонен ожидать от него обид, криков и претензий. А потом такого же шумного быстрого примирения. Но Коллуэй только выругался на своем родном языке, сплюнул ему под ноги и исчез в доме.

Финал чудесной поездки был безнадежно испорчен. Пока не проснулась Лана, все разбрелись и не то что не разговаривали, но старались не попадаться друг другу на глаза. Наташа торопливо собрала вещи и робко заикнулась о завтраке, но мужчины и слышать не хотели о еде. Когда Лана наконец поднялась и привела себя в порядок, все уже было готово к отъезду.

— А вы чего такие кислые? — поинтересовалась она, усаживаясь в «Лексус».

— Да так, не выспались, — отвечал Виталий. Точно подтверждая его слова, Джо, как только сел в машину, сразу сделал вид, что задремал.

Глава 7 Черная радуга

Коллуэй так и промолчал всю обратную дорогу. Наташа тоже притихла и лишь односложно отвечала вполголоса, когда Малахов уточнял у нее, как проехать. Виталий был смущен и раздосадован. Черт его знает, как нехорошо вышло... Но кто же знал, что Джо так среагирует? Было бы из-за чего заводиться — из-за бывшей проститутки. Да и почему бывшей? Можно подумать, что после отъезда Джозефа Наташа сразу превратится в добродетельную матрону. Разумеется, нет, вернется к своей привычной профессии, тут и думать нечего... А сложности с американским партнером Малахову были совсем ни к чему. Не дай бог это отразится на бизнесе! В душе закипало и бурлило раздражение, объектом которого почему-то стала Наташа. И дернул же ее черт попасться под руку...

У подъезда дома на Тверской-Ямской техасец тотчас открыл глаза, буркнул: «Вуу», ^[13] вышел из машины и, не оглядываясь, пошел к подъезду. Наташа подхватила свою опустевшую сумку, торопливо попрощалась с Ланой, кинула встревоженный взгляд на Виталия и потрусилась следом.

— Чего это они? — лениво поинтересовалась супруга.

— Поссорились, — вяло ответил Малахов. На его счастье, Лана даже не стала спрашивать из-за чего. Ее интересовало совсем другое:

— Зайка, ты уж не забудь похлопотать о доме, ладно? Хочется побыстрее!

Похоже, она не сомневалась, что нынешние хозяева спят и видят передать свое владение в ее собственность, вопрос только в сроках. Эх, если бы все было так просто...

Приехали к себе на Басманную. Виталий принял душ, сменил джемпер и джинсы на офисный костюм с галстуком и отправился в контору. Уселся в любимое кресло и первым делом вызвал к себе Лошманова.

Аркаша быстро смекнул, что от него требуется. Системный администратор недавно завел у них на сервере подробную карту Москвы и Московской области, и найти необходимое место теперь не составляло никакого труда. Они увеличивали изображение до тех пор, пока местность не стала видна до мельчайших деталей. Недостроенного дома на карте, конечно, не было, но речка и бывшая сторожка лесника нашлись, что значительно упрощало дело.

— Нет проблем, — понимающе кивнул Лошманов. — Есть у меня одна коза, она в «АРКе» работает, ну, знаете, это одна из крупнейших в

Москве компаний, занимающихся недвижимостью...

— Знаю, конечно. И фирму, и Виктора Волошина, ее владельца... Только поскорей, Аркаша, хорошо? А то Лане так уж не терпится, — здесь Малахов несколько покривил душой. Ему и самому очень хотелось сделаться обладателем чудесного дома.

— Сэр, есть, сэр! — отвечал помощник, вытянувшись в струнку и приложив к голове ладонь. Рассмеялся и скрылся за дверью.

Видимо, коза из риелторской конторы свое дело знала — уже на следующий день молодой помощник был у Малахова в кабинете с подробным докладом.

— Ваш вождеденный участок с недостроенным домом принадлежит писателю Дмитрию Валентиновичу Россихину. Знаете такого?

— Нет, признаться, не слыхал.

— И я не знаю, но матушка моя, дама культурная, вспомнила. Этот самый Россихин во время оно числился в диссидентах. Написал что-то такое, что не только не напечатали, но и сочли идеологически вредным... Хотя, в общем-то, ничего особенного в его книгах и не было — так, повседневная жизнь интеллигенции на зарплату в сто двадцать рублей да обсуждения на кухне вечных вопросов «кто виноват?» и «что делать?». Но властям не понравилось. Гонения на него устроили, даже, кажется, посадили... Но он все равно продолжал писать, в стол. Когда перестройка с гласностью начались, Россихин был уже не первой молодости. Однако подсуетился, тиснул несколько своих вещей в толстые журналы, его заметили, стали издавать за границей. Ну и, естественно, гонорары, деньги повалили — тогда-то он и купил этот участок, начал потихоньку строительство. Вот только ажиотаж вокруг его имени быстро поутих. Бытописание простого советского инженера народу стало неинтересно. Сами знаете, что сейчас люди читают — или разоблачилровку какую покруче про сильных мира сего, чтобы все грязное белье наизнанку, или сперму в сахаре, или кровавые страсти-мордасти. Ну, в крайнем случае, что-нибудь этакое, слегка замороженное, вроде как и с претензией на интеллектуальность, но в то же время чтобы и мозги особо напрягать не надо... Малахов невольно рассмеялся. Ему как человеку, с детства привыкшему к чтению, понравилась такая характеристика современного книжного рынка.

— Так, значит, земная слава писателя прошла, деньги закончились, и строительство было заморожено?

— Истинно так.

— А он жив, этот Россихин?

— Жив, но его давно уже не видно и не слышно. Ничего не публикует, на людях не появляется...

— Но нам это только на руку. Думаю, в таком случае он будет просто счастлив, если мы предложим ему продать дом. Можешь достать его координаты?

— Обижаете, шеф! — Помощник выложил перед ним на стол распечатку электронного письма. — Все уже схвачено! Извольте получить — адрес, почтовый индекс, домашний телефон, мобильный телефон. И даже мобильный телефон супруги — на всякий случай.

— Отлично! Молодец ты у меня, Аркашка!

— Стараемся, шеф. Малахов взглянул на часы:

— Одиннадцать сорок уже... А в полдень у меня встреча. Значит, сделаем так: свяжись с этим самым Россихиным, обрисуй ему ситуацию, разведай, что он думает, и доложи мне. Ясно?

— Ну, а чего ж тут неясного? Чай, меня матушка не от дяди Васи сантехника родила, а от доктора экономических наук. Правда, тогда он еще только кандидатом был...

Малахов не сомневался, что у Аркаши все получится. И был неприятно удивлен, когда во второй половине дня его правая рука появился в дверях маленького кафе с озадаченным и расстроенным видом.

— Так и знал, что вы тут, шеф, — проговорил он, втискиваясь за столик напротив Виталия. — Дело приняло неожиданный оборот. Этот самый Россихин наотрез отказывается вести какие-либо переговоры относительно продажи дома. Нет, спасибо, я ничего не буду, я только на минутку заскочил, — последние слова уже относились к приблизившейся к столику «девушке из таверны».

— А что он говорит? — поинтересовался Виталий, помешивая кофе.

— Да ничего не говорит. Заявил, что не намерен вести беседу на эту тему, и бросил трубку.

— Похоже, старикан нам попался с характером... — Малахов задумался на некоторое время, привычно отщипнул с цветочного черенка несколько красных волосков. — Ладно, где там у тебя его координаты? Давай мне, я попробую сам.

Звонить Виталий решил из конторы — здесь, в стильной обстановке собственного кабинета, под портретом Рокфеллера, он чувствовал себя абсолютно уверенно. Малахов набрал номер и вскоре услышал голос, принадлежавший, вне всякого сомнения, пожилому мужчине:

— Дмитрий Валентинович?

— К вашим услугам.

Виталий представился, назвал свою должность. Ему всегда нравилось это говорить: президент, председатель совета директоров, полное название компании и далее по тексту. Подобная преамбула к разговору должна была произвести должное впечатление на собеседника, но этого не произошло. Писатель едва дослушал его и сказал с легкой усталостью в голосе:

— Да, я понял, кто вы. Мне недавно звонил ваш представитель, Аркадий, э-э-э...

— Андреевич.

— Да, точно, Аркадий Андреевич, никогда не помню отчеств... Так вот, я ясно и четко объяснил ему, что дом не продается. Да, сейчас стройка пока приостановлена, но к середине лета, я думаю, мы сможем к ней вернуться.

«Как бы не так!» — подумал Малахов. У него не было оснований не доверять Аркашиным сведениям, а согласно им средств на завершение строительства у писателя не было и не предвиделось.

— Я готов обсуждать с вами цену.

— Молодой человек, как бы вам объяснить... Дело-то совсем не в цене. Этот дом мне дорог, но дорог совсем не потому, что обошелся в сколько-то там тысяч рублей или долларов. Причина тут иная... Начнем хоть с того, что его проектировал мой задушевный друг, Володька Меньшиков, архитектор был от бога, царствие ему небесное... Специально для меня, поймите, проектировал, а уж он-то знал и чувствовал меня, как никто... Он душу в свой проект вложил, если, конечно, вам эти слова о чем-нибудь говорят... А вы заявляете — продай! Чтобы вы там евроремонт сделали и устраивали бы свои новорусские гульбища с «телками» и «шутихами»? Да ни за что на свете!

Эти слова и тон, точно у доброго учителя в школе для детей-даунов, были не менее оскорбительны, чем отказ. Однако Виталий не собирался сдаваться так легко.

— Уважаемый Дмитрий Валентинович, — проговорил он размеренно. — Я все-таки очень прошу вас подумать над моим предложением. И повторяю, что готов выслушать любые ваши условия и заплатить любую цену. В разумных пределах, конечно.

В трубке послышался вздох.

— Эх, молодой человек... Неужели вы еще до сих пор думаете, что все в этой жизни можно купить? За деньги, да еще в разумных пределах? Увы, мой дорогой, вы ошибаетесь. Никакое богатство не даст вам ни настоящей дружбы, ни искренней любви. Все, что будет подано в этом обличье, легко может оказаться лишь иллюзией...

Виталий сжимал в руках журчащую трубку и злился. В том числе и на себя. Какого черта он позволяет совершенно постороннему старику читать себе мораль?

— Вам сейчас, вероятно, около сорока, — продолжал писатель. — Вы кокетничаете сами перед собой и перед юными барышнями, называете себя старым, но в глубине души сами знаете, что это не так. Пока вы еще энергичны, полны сил, ваше тело служит вам без помех и перебоев... Но время пролетит быстро. Кинетесь к врачам, к пластическим хирургам, к целителям, к шарлатанам... Будете проходить дорогостоящие курсы лечения, делать операции за бешеные деньги. Но ничего из этого не вернет вам ни молодости, ни здоровья. Как не даст и самого главного, что важнее всего, даже важнее здоровья.

— И что же это такое — самое главное? — хмуро спросил Виталий. Он хотел, чтобы вопрос прозвучал иронично, но у него почему-то не получилось.

— Самое главное, дорогой мой, — это желание жить. Радоваться солнечному лучу, полевому цветку, воробью, чирикающему на ветке... Дар умения быть счастливым в детстве есть почти у всех, но лишь немногие могут сохранить его на всю жизнь. Большинство теряет эту чудесную способность уже в юности. Юность максималистична, ей свойственно все драматизировать, она тянется ко всему мрачному, черному — это, очевидно, обратная сторона того же явления, расплата за детскую радость бытия... А потом начинается сумасшедшая гонка. Жить уже некогда — надо успеть одно, другое, третье, достичь, приобрести, состояться, добиться... А потом вдруг в какой-то момент осознаешь, что гнался-то ты за миражем. Но пока гнался, жизнь прошла мимо... И ничего уже не воротишь. К старости жажда жизни, как это называл классик, возвращается вновь, когда понимаешь, что каждый день, каждый восход, каждый упавший лист, каждое дуновение ветерка может стать последним. И вот-вот в твою дверь постучится костлявая с косой... Только сейчас и начинаешь по-настоящему ценить то небольшое, что имеешь, и то многое, что когда-то по глупости растерял в этой своей нелепой погоне, которую принимал за существование, — друзей, любовь, свои привязанности... Себя самого, в конце концов. Вы никогда не задумывались над тем, почему старые люди так держатся за свои привычки?

Малахов не ответил. Он вообще с трудом дождался окончания этого старческого монолога.

— Может быть, вы все-таки запишете мои координаты? На случай, если вдруг передумаете? — спросил он.

— А мне показалось, что я объяснил все предельно ясно, — вздохнул писатель. — Нет, молодой человек, я не передумаю никогда. На этом давайте простимся полюбовно.

И в трубке раздались короткие гудки.

* * *

— Ну, как наша «Черная радуга»? — прямо с порога спросила Лана, в кои веки оказавшаяся дома раньше обычного.

— Ты о чем? — недовольно поинтересовался Виталий, хотя отлично понял, что она имеет в виду.

— Ну, о нашем будущем доме. Я решила так его называть — по аналогии с западными виллами. Ты же знаешь, они все имеют свои названия. Как и старинные русские усадьбы: «Кусково», «Абрамцево», «Архангельское»... Так что там выяснилось?

— Ничего не выяснилось, — буркнул он.

— Как это — ничего?

Рассказать Виталий не успел — в кармане затренькал мобильник. Звонил приятель, Борька Егорин:

— Старик, слышь, какая у меня новость? Дожала-таки меня моя благоверная! Дом покупаем загородный. Ленка говорит — сколько можно детям этим смогом дышать?...

— Что же, молодцы. Дом-то где, на Рублевке?

— Не, куда нам с суконным-то рылом в калашный ряд... Хватит того, что я Алиске ее гнездышко в Усове купил. А с Ленки и Волоколамской области хватит.

— Ну, хозяин-барин. А ты как — участок приобретаешь или сразу дом?

— Да уже готовый коттедж, чего со стройкой-то возиться! Только что договор подписал с «АРКом», риелторским агентством. Витька Волошин, его президент, мой старый приятель, да ты его знаешь...

— Знаю. Ладно, не забудь на новоселье позвать. Пока.

Малахов развалился на диване, потянул к себе первый попавшийся журнал — взгляд тут же зацепился за объявление о продаже загородных участков. Машинально включил телевизор — и попал на какую-то деловую

передачу, Аркаша называл такие «говорящие головы».

«В последнее время спрос на элитную недвижимость снова возрос, — бубнил лысеющий дядька в стильных очках и старомодно повязанном галстуке. — Кроме уже не раз упоминавшихся Рублево-Успенского и Ново-Рижского направлений, первенство сохраняется также за Минским, Волоколамским и Калу...»

Не дослушав, Виталий выключил телевизор. Что они все, сговорились, что ли, напоминать ему о его неудаче?

— Лана, пожрать мне сегодня дадут в этом доме? — крикнул он с раздражением.

Супруга тут же возникла перед ним:

— А может, нам с тобой сходить в ресторан, зайка? Раз уж выдался свободный вечер?

Ну, в ресторан так в ресторан. Почему бы и нет? Правда, Виталий сегодня предпочел бы что-нибудь тихое, но Лана, конечно же, приказала своему водителю везти их в одно из ее любимых модных заведений.

И, разумеется, спокойно поужинать вдвоем им не удалось, не успели Малаховы съесть закуски, как супруга тут же засияла и замахала кому-то рукой. Виталий недовольно оглянулся.

К их столику приближался, лучезарно улыбаясь, модный московский визажист — невысокий, крепенький, синеглазый, с очень длинными, собранными в хвост, черными с проседью волосами. Виталию много раз его представляли, но он все никак не мог запомнить, как зовут визажиста. Эжен? Эмиль? Этьен? Вообще-то Малахов недолюбливал мужчин нетрадиционной ориентации, но именно этому человеку скорее даже симпатизировал, невольно попадая под воздействие его невероятного обаяния.

Визажист расцеловался с Ланой, подсел, не дожидаясь приглашения, к их столику, и супруга тотчас защебетала:

— Ой, голубчик, тебя можно поздравить? Слышала, слышала, второе место на международном фестивале! И что же это была за прическа? Наверное, знаменитый «Солнечный бриз»?

— Нет, новая, «Черная радуга», — отвечал то ли Эжен, то ли Эмиль.

— Черная радуга? — хором переспросили супруги.

— Ну да, «Черная радуга», — подтвердил Этьен-Эмиль. — Мне тоже безумно нравится это название! Своей парадоксальностью, трансцендентностью, некой тайной... В нем заключен глубокий мистический смысл. Жаль, у меня фотографий с собой нет. Я покажу, тебе понравится. Волос черный, очень черный, натуральный, но тонкий,

асимметричная укладка вот так...

Но Лане, похоже, сейчас совсем не хотелось пускаться в профессиональные разговоры. Она довольно беспардонно перебила Этьена (или все-таки Эжена?):

— Да, очень красивое название. А где ты его взял?

— Ну как же, это очень известная легенда! — Эмиль-Этьен кивком поблагодарил официантку, поставившую перед ним дополнительный бокал. — Когда человек умирает, его душа будто бы сначала поднимается над телом и видит его и все происходящее вокруг словно бы со стороны. А потом она улетает куда-то и летит по длинному-длинному темному коридору, а впереди, где-то очень далеко, виднеется свет. Говорят, что свет этот идет от фонарика ангела-хранителя, который с его помощью провожает вверенную его заботам душу в мир иной... А коридор, если быть точным, скорее не коридор, а что-то вроде вакуумной воронки. Обычно в нее затягивает одного человека, но бывает, что и нескольких и даже многих сразу — например, при катастрофах. Те, кто остался в живых, не чувствуют силы этой тяги, но животные ощущают ее очень остро. Лошади, например. Или собаки, они всегда воют к покойнику... Вам вообще это интересно? А то я тут сижу, распинаюсь...

— Очень даже, — заверили Малаховы.

— Так вот, душа летит по этому коридору, точнее, воронке. Полет этот сначала крайне неприятен. Душа ведь только-только рассталась с телом, ей еще непривычно и очень страшно... Те, кто переживал клиническую смерть или даже просто глубокий обморок, рассказывают про этот ужас. А еще скорость полета страшно велика. Она даже выше скорости звука, а это ощутимая нагрузка даже для такой тонкой субстанции, как дух бестелесный...

Он перевел дыхание, выпил глоток вина и продолжал:

— После коридора душа попадает в прекрасную светлую долину. И здесь у нее ощущения совсем другие — нечто, близкое к блаженству. По описаниям, наслаждение там испытывают все органы чувств — там одновременно и тепло, и свет, и восхитительная музыка, и чудесные образы... Но самое главное, это, конечно, состояние души. Она переживает то, что в нашем брэнном мире мы именуем счастьем, к чему вечно стремимся и что так редко достигаем... Тем, кто попал в эту долину, открывается Первая Истина.

— Почему первая? — тут же задал вопрос Виталий. Он и сам не понимал, почему эта странная сказка так его увлекла.

— Потому что это пока только Земная Истина, — отвечал Эжен-

Этьен. — Касающаяся мира людей. Там получают ответы на все вопросы, мучившие человека при жизни. Ему становятся ясны все его ошибки и заблуждения, все то, чего он не мог понять, пока существовал здесь, по другую сторону воронки...

— Неплохо, — заметил Малахов. — Интересно было бы туда слетать и все узнать. Но потом, конечно, вернуться.

Визажист покачал головой:

— Это удастся лишь избранным. Обычно на пути в тот мир человека возвращают — или он сам возвращается, если его час еще не настал, — из воронки-коридора. В Долину Света попадают лишь единицы... Но я продолжу, с вашего позволения. Посреди долины раскинулась широкая река, о которой рассказано во многих мифах, и западных, и восточных. Чаще всего ее называют Рекой Забвения. Она отделяет мир живых от мира мертвых. На берегу лежит громадный камень в виде креста — именно на нем просидел три с лишним дня евангельский Лазарь, до тех пор, пока Христос не призвал его обратно в число живых.

— То есть пока душа не пересекла эту реку, человека все-таки еще можно спасти от смерти? — уточнила Лана. — А потом уже нет?

— Именно так, — кивнул рассказчик. — Способов множество — молитва, медицина, магия... И пока умирающий еще не вступил на мост, любой из них может подействовать. Мост — это последняя ступень в иной мир. Он высок, крут и очень узок. И ровно над его серединой, окунув концы в воды реки, раскинулась та самая черная радуга. Издали она темнее воронова крыла или южной ночи, у нее самый черный из всех оттенков, которые только могут быть. Но стоит душе оказаться под ней, радуга вдруг начинает сверкать и переливаться яркими, удивительными цветами, которых на земле даже и не бывает. И с того мига, как она засияла, пути назад для души больше нет.

Он замолчал и снова поднес к губам бокал.

— А что же там дальше? Что на том берегу? — нетерпеливо спросил Виталий.

Но рассказчик лишь пожал плечами:

— Этого никто не знает. Ведь оттуда никто никогда не возвращался. Известно только, что там душам открывается Главная Истина — уже не об их земных заботах, а о сущности всего мироздания.

На миг над столом повисла пауза.

— Да-а, красивая история... — протянула Лана.

— Ты тоже находишь? — спросил безымянный визажист. — Рад, что вы меня понимаете! Я, когда ее услышал, чуть с ума не сошел, днем и

ночью думал о долине, о реке, о черной радуге... И вот — воплотил в прическу.

Ночью Малахов, обычно не отличавшийся чрезмерной впечатлительностью, увидел во сне ту самую долину. Обнаружилось, что находится она не где-нибудь, а на поляне, где писатель Россихин начал строить свой дом. Виталий стоял на берегу неширокой речки, смотрел на мост и думал: «Э, нет, не дождетесь! Я туда не пойду, мне еще не пора...» Он повернулся и направился к дому, который вдруг оказался почти готовым, внутри была отделка, в комнатах стояла мебель, а в самой дальней даже горел камин и у огня, спиной к входу, сидела женщина. Виталий шел к ней издали, сквозь длинную анфиладу и приближался почему-то очень медленно, а она все сидела спиной к нему и не оборачивалась, и он никак не мог понять, кто же это. То женщина казалась ему «девушкой из таверны» — официанткой, то Ланой, то Наташей, то вдруг Долькой. И только когда он наконец подошел совсем близко и она повернулась, он понял, что перед ним — другая, не та, о ком он думал. Эту женщину он вроде бы не знал — и в то же время ее лицо показалось на удивление знакомым. Но вспомнить, кто она такая, он не успел. Пламя в камине вдруг вспыхнуло так ярко, что, казалось, заполнило собой все вокруг. Виталий испуганно шарахнулся в сторону и проснулся. За окном уже светало.

«Я должен приобрести этот дом! — сказал сам себе Малахов. — Во что бы то ни стало!»

Утро он начал с того, что снова вызвал к себе помощника.

— Аркадий, я очень хочу приобрести этот участок, — четко проговорил он. — Мне это необходимо.

Лошманов только плечами пожал:

— Геморройно... Честно говоря, я вообще не понимаю, на фиг он вам сдался, шеф. Добро бы речь шла о земле на Рублевке. А то какая-то развалюха у черта на рогах, в деревне Малые Бодуны...

Малахов поморщился:

— Ну ты же знаешь, как я отношусь к Рублевке. Этому недалекому зарубежью...

Аркадий хохотнул:

— Классно сказано, шеф! Покупаю! «Недалекое зарубежье»... Отличный каламбур, понимай, как хочешь. За рубежом, то есть за Кольцевой. Будто другое государство.

Но Виталий не был настроен веселиться.

— Аркаш, но ты слышал, что я тебе сказал? Добейся того, чтобы мне продали этот дом, любой ценой. Любой ценой, ты меня понял?

— Ну хорошо, я попробую, — нехотя согласился заместитель. Супруга, узнав об отказе писателя, была настроена более решительно.

— Ничего, это мы еще посмотрим! — говорила она, взволнованно прохаживаясь по комнате, была у нее такая привычка, когда что-то выводило ее из себя. — Уж если я чего захочу, я этого обязательно добьюсь! Не на ту напали! Ты Аркадия напряг? Очень хорошо. А я еще свою Таню Тосс подключу. Уж эта любого дожмет. Когда ей надо, она стену пробьет и выйдет с другой стороны.

И тут же помчалась звонить своему администратору.

«Черная радуга» сделалась для супругов Малаховых чем-то вроде навязчивой идеи. Они уже почти не могли говорить между собой ни о чем другом. Но дни шли, приближались майские праздники, а ситуация не менялась. Малахова это начало выводить из себя. Он сделался раздражительным, придирчивым, и вскоре это заметили не только его подчиненные, но и «девушка из таверны».

— У вас какие-то неприятности? — участливо спросила она, заменяя остывший кофе.

— Да есть такое дело, — неохотно признался он. — Очень хочется приобрести одну вещь, а не получается.

Официантка смахнула с его стола невидимые крошки.

— Знаете, я тут недавно одну мудрую книгу прочла, — доверительно сообщила она. — Там сказано: когда вам чего-то очень хочется, а этого у вас нет, то надо жить так, будто оно уже есть, — и тогда это появится.

— В каком смысле? — не понял Виталий.

— Ну вот, например, нет у человека денег, — охотно пояснила «девушка из таверны». — Так вместо того, чтобы отказывать себе во всем и экономить последние копейки, надо наоборот — начать жить на широкую ногу, тратить направо и налево... Ну, что вы улыбаетесь? Не верите? А мне вот помогло. У меня всего пятьсот рублей до зарплаты оставалось, а я пошла на распродажу и кофточку себе купила, а потом еще на такси домой поехала. И что вы думаете — на другой же день забежала подруга и отдала долг двести пятьдесят баксов, еще прошлой зимой брала, я уж и не думала, что она вернет, у нее такое сложное положение...

Малахову эта идея пришла по душе. Жить так, будто они уже стали владельцами «Черной радуги»? А почему бы и нет? И он стал обращать внимание на журналы о строительстве, интерьерах и ландшафтном дизайне, разыскал телефон старого знакомого Ланы Стаса Кириллова, владельца проектно-архитектурной фирмы «СТК-проджект^[14]», строил планы, звонил, консультировался. С выкупом окрестной земли могли

возникнуть сложности, но Лану это нисколько не смущало.

«Ерунда! — говорила она. — Пока суд да дело, сами обнесем забором территорию, сколько сочтем нужным. Так многие поступают».

Перед самыми праздниками он сумел съездить туда еще раз и, так как супруга была занята в тот день весенним шоппингом, позвонил Дольке и предложил составить ему компанию. Дочка была так рада, что примчалась к нему в офис задолго до назначенного срока и сорок минут просидела у Полинки, болтая и попивая кофе, пока отчим заканчивал свои дела. От увиденного Долька пришла в восторг.

— Классно, — восхитилась она. — Настоящая готика!

— Какая ж это готика? — удивился Малахов. — Готика — это же совсем другое. Соборы там всякие высоченные, окна узкие... А тут все совсем не так.

— Ой, Вит, ты все равно не поймешь, — отмахнулась девочка. — Готика — это все, что мрачно.

— Разве этот дом мрачный? Мне он, наоборот, кажется таким добротным, уютным...

— Да ладно, не заморачивайся. Клевый хаус. Ты его купишь, да?

— Очень надеюсь...

Джозеф больше не появлялся. Налаженные связи между их компаниями, к счастью, не прервались, но личных контактов больше не было. Американец не только не звонил, но и не брал трубку, когда Виталий набирал его номер. Очевидно, он разобиделся не на шутку. Малахов даже подумывал о том, не позвонить ли Наташе, но решил, что в сложившейся ситуации от этого будет еще хуже.

На майские они с Ланой вырвались на недельку «погреться» на Лазурный берег, в Сен-Троpez. Но даже там, под жарким южным солнцем, мысль о «Черной радуге» их не оставляла и очень скрасила им отпуск. Обычно супругам, когда они надолго оставались вдвоем, просто не о чем было говорить. Теперь же они с увлечением обсуждали будущее поместье, представляли себе отделку и планировку дома, лежа на пляже или сидя в кафе, рисовали схемы или чертили предполагаемые границы своих владений на распечатке карты и даже просыпались среди ночи, чтобы поделиться друг с другом пришедшей в голову мыслью.

На отдыхе у Виталия даже случилось маленькое приключение. На их счастье, русских в пятизвездочном отеле было немного, но на том же этаже, где жили Малаховы, остановились и две сестры из Санкт-Петербурга, обе восхитительно хорошенькие, голубоглазые, златокудрые, румяные и белокожие, точно немецкие фигурки из фарфора. Младшая, Катенька, была

еще не замужем, старшая, Анечка, имела мужа и четырехлетнего сынишку, но благоверный не смог освободиться от работы и отправил на отдых жену с сестрой и ребенком. Виталию очень понравились «фарфоровые сестрички» и, пока супруга не видела, он всю кокетничал с ними, особенно с младшей, но вышло все наоборот. Однажды Лана и Катенька, прихватив с собой мальчика, отправились пройтись по магазинам, а Анечка осталась в отеле. Малахов только-только прилег отдохнуть, как дверь его номера распахнулась и на пороге появилась Анечка в черном кружевном халатике на голое тело, очень эффектно оттенявшем ее белоснежную кожу. «Ну что же ты? — проворковала она, прижимаясь к Виталию и кладя ему руки на плечи. — Я тебя жду-жду, а ты не идешь и не идешь...» Словом, отпуск удался на славу.

А в первый же день, когда он вернулся в контору, прямо с утра раздался этот звонок.

— Виталий Павлович, — прочирикала Поинка, — вас тут спрашивает некая Россихина. Утверждает, что звонит по личному делу, которое вас очень интересует. Будете говорить?

— Да-да, конечно! — Малахов даже несколько растерялся от неожиданности.

— Виталий Павлович?

— Да, это я.

— Россихина Ирина Васильевна. Я звоню вам вот по какому поводу, — голос женщины, явно уже пожилой, звучал как-то тускло и на удивление бесстрастно — в нем не было вообще никаких эмоций. — Сегодня ночью моего мужа увезли в больницу, у него был приступ... Он просил передать вам, что согласен продать тот участок земли вместе с домом. Предложенная вашими людьми цена его устраивает.

— Что с ним? — поинтересовался Малахов, но собеседница не захотела отвечать на вопрос:

— Какая вам разница? Вы получили его согласие, вам мало? Приезжайте к нему, он готов подписать все ваши документы. Только просит сделать это как можно скорее...

— В какой он больнице?

— В Первой градской.

— Спасибо, я вам очень призна... — начал было Виталий, но она неожиданно его перебила:

— А я вам нет. Прощайте и будьте вы прокляты!

Эти слова, произнесенные абсолютно бесстрастным голосом (позже Виталий догадался, что женщина, видимо, находилась под воздействием

сильных успокаивающих средств), прозвучали как-то особенно страшно.

Малахов еще некоторое время сидел с пищущей трубкой в руках, потом набрал Полинку:

— Срочно Аркадия ко мне!

Он вкратце изложил своему помощнику суть только что состоявшегося разговора и на всякий случай осведомился:

— А ты, случаем, того... Не перегнул палку?

Лицо Лошманова было невинно, как у младенца на крестинах:

— Ну что вы, шеф, как можно? Все было в рамках приличий, никаких силовых воздействий. Так, несколько раз встречались, поговорили по душам...

— Почему же она так разозлилась на меня? Ведь мы не виноваты в его болезни! Правда ведь, не виноваты?

— Ну конечно, нет, шеф! — торопливо заверил его Аркадий. — Просто так совпало. Старый человек, дорожил он этой хибарой, жалко было расставаться... Но и деньги нужны. Понервничал, пока решался, — и вот результат. А жена, естественно, нас с вами обвиняет, кого же ей обвинять? Хотя, по большому счету, вы ей ничего плохого не сделали. Наоборот, можно сказать, даже облагодетельствовали. Теперь им есть на что остаток своих лет доживать, да еще и на похороны хватит. Так что — едем в Первую градскую? Надо же еще нотариусу позвонить.

— Да, как говорила бабушка, что бог ни делает, все к лучшему... — задумчиво пробормотал Малахов.

— ...только худшим из возможных способов, — закончил Аркадий и исчез за дверью.

Посещение больницы вызвало в душе Виталия крайне неприятное ощущение. Обветшалые здания, давно требующие ремонта, высоченные потолки, широкие коридоры, обязательные голубые пластиковые бахилы на ботинках, хотя сам персонал ходит по корпусам в той же обуви, что и по улице... Запах лекарств, дезинфекции и одновременно затхлости — как такое может сочетаться? Палата на четверых, странной формы кровать, больше напоминающая каталку, рядом капельница, на постели укрытый почти по самое горло седовласый мужчина. На вид ему было около восьмидесяти, хотя это могло быть и обманом зрения — иногда в болезни человек набирает... нет-нет, не вес. Набирает годы, которые он еще не прожил, они как будто наваливаются на него, проникают в его тело, искажая лицо, взгляд, руки, расписывая их старостью, точно темно-коричневой краской...

Писатель не задавал никаких лишних вопросов. Кивком ответил на

приветствие и хрипло попросил:

— Давайте, что там надо подписать...

Нотариус, миниатюрная крашенная блондинка лет тридцати, опустилась рядом с ним на обтянутый продраным кожзаменителем стул, неловко пристроила на колени портфельчик, стала доставать какие-то бумаги. Малахов молча смотрел в окно. И день-то, под стать его состоянию, был серый, пасмурный... Будто и не весна вовсе.

Наконец формальности были закончены, все документы подписаны. Виталий поблагодарил писателя, но тот не ответил, лежал, прикрыв глаза, — очевидно, общение с посетителями сильно его утомило. Лечащий врач, статный молодой кавказец с непроизносимым именем-отчеством, деликатно попросил их удалиться.

Аркаша поехал отвозить нотариуса, а Малахов, едва только выбрался с территории больницы, сразу же позвонил Лане. Такой бурной радости, которую выразила, узнав новость, его супруга, он от нее просто не ожидал.

— Ай да Танька, ай да молодец! — ликовала Лана. — Я знала, что у нее получится! Я же говорила — она любого дожмет!

— Постой, а что, это она? Твоя Татьяна?...

— Ой, зайка, да Татьяна, Аркадий — какая разница! Важно другое — «Черная радуга» теперь наша! Наконец-то! Значит, так, слушай меня внимательно. Поезжай сейчас прямо туда. А мы с Танькой берем проектировщиков из «СТК-проджект», видеооператора, кого там еще надо — и тоже подваливаем. Нам главное первым делом территорию свою забором обнести, остальное терпит...

— Лана, у меня вообще-то рабочий день. И водителя опять нет — я вчера очередного орла уволил. Ну не везет мне с ними, хоть плачь!

— Ой, Виталь, по-моему, тебе уже пора к этому привыкнуть. У тебя вечно с ними проблемы, вспомни хотя бы Сергея своего... Да ладно, можно подумать, тебя это остановит. Ты сколько раз уже сам туда ездил? Все, пока, и слушать ничего не хочу. Встретимся у «Черной радуги».

Глава 8 Умирать сегодня страшно, а когда-нибудь — ничего

Хорошо представляя себе, что такое женские сборы, Малахов не особенно торопился. Ехал небыстро, по дороге углядел симпатичный ресторанчик, зарулил туда, не спеша пообедал. И все-таки к сторожке прибыл, как и предполагал, первым. Ни Ланиного новенького «Вольво», ни каких-либо других машин на поляне еще не было.

Он вынул мобильный и набрал номер супруги. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети, — известил доброжелательный, но с нотками металла голос. — Попробуйте позвонить позднее». Очевидно, Лана сейчас как раз проезжала какую-нибудь зону, где сотовая связь была недоступна, в Подмоскowie такие вещи пока не редкость.

Виталий прошелся по поляне, присел было в кресло из корней, но вид сторожки и всего, что ее окружало, будил в душе слишком много воспоминаний, далеко не все из которых были приятными. К тому же у него вдруг сильно разболелась голова. От свежего воздуха, что ли? В *тот* приезд ничего подобного не было, ни вечером, ни утром, хотя выпили накануне немало... Небо над головой было пасмурным, но, слава богу, хоть дождя можно было не бояться. Он еще раз позвонил супруге. Опять то же. Черт знает что, ну сколько еще их ждать? Пойти пока пройтись, что ли? Малахов нехотя поднялся и направился в сторону леса.

По-хорошему, надо было отправиться к «Черной радуге». Заодно и разведать подъездные пути к новому участку, минуя сторожку, давно уже нужно было об этом подумать... Но почему-то Виталию сейчас совсем туда не хотелось. Странно устроен человек! Мечтаешь о чем-то, ждешь этого не дожدهшься, стремишься, добиваешься всеми силами... а получаешь — вроде и не рад. Никакого тебе морального удовлетворения, только усталость.

Он дошел до развилки, где когда-то подбрасывал монетку, и решительно свернул на другую тропинку, вправо. Посмотрим теперь, куда приведет она... Что было бы, упали тогда пятак «решкой»? Они с Ланой не купили бы этот участок... А возможно, и ссоры с Джозефом не было бы. Или она все равно бы случилась? Во всяком случае, когда-то модный, а ныне забытый писатель Дмитрий Россихин точно не лежал бы сейчас в больнице. И его супруга не сказала бы монотонным бесстрастным голосом:

«Будьте вы прокляты...»

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Виталий стал смотреть по сторонам. Ему всегда нравилось находиться на природе, в любое время года, а уж поздней весной — особенно.

Майский лес — особый мир, этот месяц не спутаешь ни с каким другим. Лес в это время словно бы живет своей жизнью, и ему никакого дела нет до визитеров. Это в другие месяцы он чутко прислушивается и присматривается — что это за человек бродит по моим тропинкам? С добром он явился или со злом? Если гость понравится хозяину, то летом он приветит его щедрыми дарами, а зимой очарует невероятной, ни с чем не сравнимой сказочной красотой. Но если пришедший к нему покажется неуютным, лес сделает все, чтобы дать ему это понять. Нахмурится, зашумит, станет неуютным, страшным и поскорее погонит прочь. Спрячет все свои грибы-ягоды — сколько ни ходи, ничего не найдешь. Или, того хуже, обманет, закрутит, собьет с дороги, и будет незваный гость плутать долгими часами по одному и тому же месту... Все это Малахову было хорошо знакомо. Он ведь вырос в сельской местности и умел чувствовать природу, несмотря на то что за последние годы очень сильно от нее отдалился. Все-таки эта способность каким-то чудом на уровне подсознания сохранялась в его душе. В тот раз, когда они приезжали компанией, и позже, когда он привозил сюда Дольку, лес еще просыпался, будто человек, который только-только открыл глаза и пока еще находится на грани сна и яви, зевает и потягивается... А сейчас этот человек уже окончательно проснулся и встал с кровати. Он бодр, полон сил, у него отличное настроение, он готовится к предстоящему дню, умывается, напевая что-то под нос, чистит зубы, причесывается, завтракает... И майский лес так же свеж и энергичен, все в нем так же спешит, торопится жить. Буйно растет молодая трава, громко и весело щебечут птицы, листья на деревьях яркие, сочные.

В детстве, когда Виталька Малахов повадился ходить в поселковую библиотеку при клубе, ему попалась прекрасно иллюстрированная книжка «Двенадцать месяцев». Он тогда считал себя уже слишком взрослым для сказок, но эту книгу полюбил буквально с первого взгляда. Особенно ему нравилась картинка, на которой все встретившиеся под Новый год двенадцать братьев сидели вокруг костра. Зимние месяцы там были изображены седобородыми стариками в шубах, осенние — зрелыми мужчинами, летние — молодыми людьми, а весенние — юношами, почти мальчиками. И у каждого из героев была какая-то деталь, свойственная только ему одному: у Апреля — букет подснежников, у Августа — корзина

со спелыми фруктами, у Октября — заткнутый за отворот шапки желто-красный кленовый лист... Виталий вдруг на удивление отчетливо вспомнил книгу и подумал, что умеет он рисовать, то сам с удовольствием создал бы подобную картину, только месяцы изобразил в виде женщин. И Май была бы среди них самой юной — примерно в Долькином возрасте, темно-русой, как официантка из маленького кафе, и непременно с крупными веснушками, как у Наташи.

Он представил себе девушку в зеленом платье, с венком из полевых цветов в длинных спутанных волосах. Как это там было, у Юрия Лозы? «Девочка-весна с длинными ногами...» Хрупкая мимолетная грань между юностью и молодостью. Уже грациозные, но еще не заученные движения. Она уже осознала свою женскую привлекательность, но еще не знает, как ею распорядиться. Она любит весь мир, но полна предчувствия встречи со своим *единственным*...

Где-то вдали робко закуковала кукушка. Как давно он этого не слышал!

— Кукушка-кукушка, сколько мне еще осталось жить? — спросил, улыбаясь сам себе, Виталий. Но птица тотчас же замолкла.

Внезапно тропинку преградило поваленное дерево — словно шлагбаум, закрывающий дорогу. Виталий решительно перешагнул через него и только потом вспомнил слова покойной бабушки, Веры Кузьминичны: «Никогда не перелезай через упавшее дерево, Витек, всегда стороной обходи. Дурная это примета». Но дело уже было сделано, и назад не воротить. Впрочем, в приметы Малахов никогда особо и не верил...

Узкая тропинка наконец привела к сельскому кладбищу — явно такого итога пути он не ожидал. Вид у погоста был неухоженный, скромные венки и искусственные цветы выцвели, еловые ветви на могилах сгнили, дешевые железные, а то и деревянные кресты покосились. «Ну правильно, — сказал сам себе Малахов, — тут тебе не Ваганьково. В окрестных деревнях небось осталось-то три с половиной старухи, молодежь вся в города подалась. Ни похоронить достойно, ни за могилами ухаживать...» Среди надгробий резко выделялось одно. Эта могила была обнесена оградой, обсажена многолетними цветами, и на ней даже было какое-то подобие памятника — небольшой камень с двумя овальными цветными фотографиями. Судя по надписи, здесь нашли свое последнее пристанище супруги Кочетковы. Антонина Ивановна скончалась в 1988 году, на шесть лет раньше мужа, Николая Петровича.

«Так это ж Наташины родители!» — догадался Малахов. У женщины на фотографии была такая же милая застенчивая улыбка, как и у ее дочери.

А лесничий на вид был строг, смотрел со снимка в упор и, казалось, следил взглядом за каждым движением Виталия. И хотя Малахову отлично был известен этот фотографический эффект — так всегда бывает, когда человек, которого снимают, смотрит прямо в объектив, — ему почему-то стало не по себе. Он отступил в сторону и внезапно увидел рядом с могилой Кочетковых довольно глубокую продолговатую яму, вырытую, судя по всему, несколько лет назад, но по каким-то причинам так и не заполненную. От этого зрелища стало совсем неприятно. Как будто в самом понятии «пустая могила» было что-то нелогичное, страшное, даже отвратительное. словно смерть притаилась где-то неподалеку и поджидала очередную жертву. Бр-р! Виталий подошел ближе и усилием воли заставил себя взглянуть вниз — так в детстве он сам у себя вырабатывал смелость, решаясь зайти поздним вечером в неосвещенный сарай. Яма была пуста, если не считать скопившейся на дне темной талой воды.

«А что ты ожидал там увидеть? — усмехнувшись, спросил он сам себя. — Костлявую с косою, как выразился наш уважаемый писатель?» Над самой головой качнулась ветка — с молодой березы шумно взлетела большая черная птица, похожая на грача. Или это был ворон? Небо вдруг затянуло, как перед дождем. Головная боль, немного поутихшая в лесу, разгорелась с новой силой. Пожалуй, пора было возвращаться к сторожке. Наверняка Лана со своей компанией уже приехала, даже странно, что она еще не обрывает ему телефон с вопросами: «Ну ты где? Мы уже сто лет около этой изнакурножки торчим, а тебя нет!»

Он поспешил назад, запоздало обошел поваленное дерево и вскоре вновь оказался на поляне. На площадке перед сторожкой, в том же самом кресле, где недавно сидел он, теперь устроилась худоцавая женщина средних лет и пристально смотрела на него удивительно глубокими и выразительными серыми глазами.

Сердце отчего-то на мгновенье остановилось, а потом принялось с бешеной скоростью отсчитывать секунды. Обычно такое с мужчиной случается, когда появляется вдруг *Она*. Нечто подобное произошло и с Малаховым в эту секунду, но вместо сладостного чувства узнавания он ощутил вдруг безумный, панический страх. Ему захотелось бежать, бежать со всех ног, чтобы оказаться как можно дальше от этой поляны, — и в то же время он отчего-то не мог сдвинуться с места. Все стоял и смотрел в ее чарующие серые глаза. Лицо женщины и весь ее облик казались удивительно знакомыми, он точно видел ее, вот только где?

Скорее всего, это и есть та самая Ланина помощница, как там ее, Таня Тосс? Но где сама Лана? Где проектировщики с архитекторами и

видеооператорами? Наверное, она приехала одна на собственной машине и разминулась с ними... Он оглянулся, но, кроме его собственного «Лексуса», на поляне больше не было ни одного автомобиля.

Женщина молчала и рассматривала его, он отвечал тем же. Лицо незнакомки было на удивление симметричным, он и не думал, что такое бывает. Обычно у всех людей половинки лица чем-нибудь да отличаются друг от друга — какой-нибудь родинкой, разным изгибом бровей, чуть иной линией контуров скул или подбородка... А у этой все было абсолютно одинаково — даже идущая надо лбом линия очень коротко стриженных тускло-сероватых волос была идеально ровной. Ни один самый маленький волосок не выбивался из прически. Одета она была в стильный светло-серый брючный костюм, сидевший на ней безупречно, как на манекенщице, черную, с коротким воротником, водолазку и черные же, явно очень дорогие, туфли. Спину она держала неестественно ровно, а на шее виднелось несколько морщинок. Эти морщинки поразили Виталия больше всего, так как лицо женщины было абсолютно гладким, хотя и не молодым. Словно на черно-белой фотографии, которая только выигрывает от отсутствия цветов, становясь более контрастной и цельной. Она игнорирует правду жизни. Горькую и подчас лишнюю правду.

«Боже правый, она вся как черно-белая фотография!» — подумал Малахов. Он начинал нервничать. Ситуация могла бы показаться пикантной — мужчина и женщина вдвоем, посреди цветущего майского леса, но отчего-то в этом было больше пугающего, чем притягательного. Ему вдруг показалось, что он перестал слышать все звуки, кроме собственного дыхания. Что-то неожиданно страшное было в наступившей тишине. «Мертвая тишина» — всплыло в памяти с детства знакомое выражение. Тишина была именно мертвой. Даже птицы вдруг замолчали.

— Вы, вероятно, Татьяна, помощница Светланы? — заговорил он, только чтобы не молчать.

В ответ она лишь молча подняла одну бровь.

— Таня Тосс? — уточнил Виталий. Он никак не мог понять, почему в присутствии этой женщины чувствует себя так странно.

Неожиданно он услышал ее низкий хриловатый голос.

— Таня Тосс, — задумчиво повторила она, словно пробуя эти слова на вкус. — Да, пожалуй, можешь звать меня именно так — Таня Тосс.

Она произнесла имя и фамилию, не разделяя их, в одно слово и получилось что-то похожее на «танатос». Танатос, танатос... Что-то из античной мифологии. Ах да, Эрос и Танатос. Любовь и Смерть.

Станный ответ удивил Малахова не меньше, чем неожиданное

обращение на «ты». По виду дама была совсем не из тех, кто фамиллярничает с незнакомыми людьми.

— Малахов, Виталий Павлович, — представился он. — А где же остальные, где моя супруга?

— Я знаю, кто ты, — слегка кивнула она, проигнорировав его вопрос. — А ты легко можешь догадаться, кто я, если чуть-чуть напряжешь мозги. Да не делай удивленное лицо! Ты уже все почувствовал, просто ты настолько труслив, что даже в мыслях своих боишься меня назвать. Ну! Будь же мужчиной, имей смелость признаться хотя бы самому себе. Ты догадался, кто я такая, еще тогда, в саду у казино.

Казино! Ну, конечно же! Удивленное лицо погибшего мальчика, револьвер на молодой траве, женщина в красном, переступающая через тело так, как он только что перешагнул через поваленное бревно. Сейчас она казалась старше и менее смуглой. Другими были одежда, волосы и даже цвет глаз — но все же это абсолютно точно была та самая женщина.

— Ты же последнее время часто думаешь обо мне, — продолжала собеседница. — Например, совсем недавно, на кладбище... И только что, когда услышал тишину. И когда вспомнил мое имя по-гречески...

Он был не в состоянии вымолвить ни слова.

— Ну! — поторопила она. — Ты сам скажешь, кто я такова? Или хочешь, чтобы я представилась?

— Вы... вы... — он не решался произнести это вслух.

— Я Смерть. Ну что же ты застыл как истукан? Признайся, ты же хотел меня увидеть. Вы все этого хотите, вам всем любопытно, какая я и что несу с собой... Вы боитесь меня — и одновременно вожделеете. В этом одна из самых главных, самых сокровенных человеческих тайн — тайна любви ко мне. Тайна Любви к Смерти. Вы постоянно заигрываете со мной, кокетничаете со мною, пробуете на вкус маленькими глотками, уверенные, что в любой момент можете выйти из игры. Я — любимая тема ваших разговоров, вашей философии, вашего искусства и литературы...

«Может, она ненормальная? — мелькнуло в голове у Виталия. — Но откуда она здесь взялась? Сбежала из какой-нибудь близлежащей психушки? В таком костюме, в таких туфлях? Нет, этого не может быть... И как она сюда попала? Неужели пришла пешком? Я ничего не понимаю!»

— Да и не поймешь! — с усмешкой прокомментировала она его мысли. — А потому мой тебе совет — не напрягай голову, она у тебя и так болит. Просто поверь мне на слово.

Нет, впечатления умалишенной эта дама точно не производила. Скорее всего, это был какой-то нелепый розыгрыш, непонятно кому и зачем

понадобившийся.

— Ну, можешь думать так, если тебе это удобнее, — она вздохнула, словно бы даже устало. — Но я бы посоветовала тебе побыстрее мне поверить. *Пока*, — она подчеркнула это слово интонацией, — у нас с тобой еще есть время поговорить. И, думаю, тебе этот разговор будет небезынтересен.

— О чем же можно разговаривать со смертью? — Он чувствовал, что против своей воли втягивается в эту нелепую игру. — Я всегда считал, что ей не до бесед с людьми. Пришла, взмахнула косой — и нет человека.

— Значит, ты всегда ошибался. — Она поудобнее устроилась в деревянном кресле, закинула ногу на ногу. — Или плохо читал свою любимую художественную литературу, там много про это написано... Перед тем как забрать кого-то, я обязательно встречаюсь и разговариваю с каждым. Таково мое правило. Все-таки смерть довольно значимый момент вашей судьбы. Это не чашка кофе в кафе и не торопливый перепих в номере отеля, пока супруга ходит по магазинам.

«Откуда она все знает? Боже всемогущий, откуда она все знает?»

Нельзя было поддаваться ей, нельзя было показать, насколько он растерян и испуган. Малахов взял себя в руки и заговорил, как ему показалось, даже насмешливо:

— А это вы уже что-то перемудрили, сударыня. Она снова вопросительно подняла бровь.

— Ну, про долгие разговоры с каждым из людей перед кончиной. Многие ведь умирают мгновенно. Идет себе человек по лестнице в собственном подъезде и знать не знает, что навстречу ему спускается киллер...

Дама понимающе кивнула:

— Ты еще не забыл о своем друге, да? Как его, Саша Семенов, кажется... Да, я встречалась и с ним. Разговаривала с ним, как и со всеми другими. Просто пока я говорю со своим клиентом, в вашем, людском, мире могут пройти секунды. А могут года или даже десятилетия. Кому как повезет.

— И где же ты находишь на это время? — он тоже перешел на «ты», решив не церемониться с этой женщиной, кто бы она ни была. — Нас ведь на земле шесть с лишком миллиардов. И каждую минуту, я думаю, умирают тысячи, если не миллионы. Как ты умудряешься поговорить с каждым?

— Знаешь, — она все время смотрела ему прямо в глаза, — этого ты все равно не сумеешь понять. Как и всякий человек, ты мыслишь

ограниченными, трехмерными категориями, так уж устроено ваше сознание. Время, пространство и прочие глупости — это все только ваша система измерений, которая была создана лишь для того, чтобы вы с вашим куцым людским умишком могли хоть как-то объяснить себе мироздание. Вы ведь как дети — ничего не понимаете, да и понять не можете, но при этом все хотите знать, все требуете объяснить. «А как?» «А почему?» «А зачем?»»

Он вдруг почувствовал сильнейшую усталость. Ноги стали точно ватными и отказывались его держать. С чего бы это? А вдруг это... *уже?*

— Не волнуйся, пока еще ничего не началось, — хрипло рассмеялась она. — Да сядь ты, в ногах правды нет! Что ты боишься хоть на миг от меня взгляд отвести?

— Я не боюсь... — он осторожно опустился на лавку.

— Да не ври мне! Боишься. Вы все боитесь. Всего — и жизни, и смерти. Живете с закрытыми глазами — и так же хотите умереть. Люди боятся смотреть на смерть, так же как боятся, например, смотреть на солнце. Только противосолнечные очки видимы, а противосмертные — нет, потому что их носит каждый. Придумали сами себе байку, что час их ухода неизвестен, чтобы тешить себя иллюзией, будто впереди у них еще уйма времени, и откладывать все на потом. Вы вечно отодвигаете то, для чего пришли в этот мир, на какое-то неизвестное далекое будущее. Занимаете себя суетой, мелкими дрязгами. А потом хлоп — и нет тебя. И вроде никому и ничего ты не должен, потому что «неожиданно нас покинул» и «ушел в расцвете лет». Старики честнее, они знают, этот фокус им не удастся, с каждым десятком лет все труднее себя обманывать. Каждому дано ровно столько времени, сколько нужно для его предназначения и для уплаты его долгов.

— Значит, умереть с закрытыми глазами у меня не получится? — попытался сыронизировать он.

— Не только у тебя. Я не убиваю из-за угла, это ваши выдумки. Потому и прихожу поговорить... Не всех же я забираю сразу. Кому-то могу показаться — и оставить в покое на долгие годы.

— А я? Как ты поступишь со мной? — Этот вопрос вырвался у него против воли. Он ведь не верил ей, не хотел верить, но...

Она снова засмеялась:

— Не хочется умирать сию минуту, да? А что так? Тебе место не нравится? А вроде бы оно очень удобное... Вдали от городской суеты, лес кругом, красота. Даже пустая могилка невдалеке есть, как специально приготовленная, сыроватая, правда... И дата самая что ни на есть

подходящая — пятница, тринадцатое.

И она улыбнулась такой улыбкой, что он по-настоящему испугался. Вот оно как бывает! Нет никаких туннелей-воронок, никакого света впереди от фонарика ангела-хранителя, никакой реки и никакой черной радуги. Просто приходит к тебе похожая на черно-белую фотографию женщина и говорит: «Пора! Пятница, тринадцатое».

— Ты заберешь меня прямо сейчас? — глухо спросил он. Она не торопилась с ответом, и он повысил голос: — Скажи мне! Ответь на мой вопрос!

Она снова поменяла позу и села прямо.

— Да отвечу, отвечу, не беспокойся! Только чуть позже. Когда ты согласишься мне окончательно.

И он понял, что верит ей. Никакой это не розыгрыш, не бредни умалишенной. Перед ним действительно Смерть.

— Я не думал, что ты будешь такой, — пробормотал он.

— Вот как? — хохотнула она в ответ. — А какой ты меня себе представлял? Но вообще ты прав — я очень разная. И в последний раз я к каждому прихожу именно в том образе, в каком он подсознательно желает меня видеть. Или о котором мечтает. Или которого боится... Мне нравится менять облик. Я могу быть и женщиной и мужчиной, молодой и старой, красивой и безобразной... Могу быть даже каким-нибудь страшным чудищем. Все зависит от моего настроения — и от фантазии моего клиента. Не исключено, что к нашему с тобой общему знакомому Россихину, когда придет его время, я именно так и явлюсь — в образе костлявой старухи с косой.

— Когда придет его время? — Малахов уцепился за эти слова. — Он не умрет?

Она пожала плечами:

— Все вы умрете рано или поздно...

— А писатель? Сколько ему осталось?

— Можно подумать, что тебя это волнует, — съязвила дама. — Сам сказал Аркадию, своему псу цепному, чтобы он добивался согласия продать дом любой ценой. Добился? Получил, что хотел? Ну, а теперь пришла пора расплачиваться. Не мне тебе рассказывать, что за все надо платить.

— Я должен буду заплатить своей смертью за то, чтобы этот старик остался жить? — глухо спросил Виталий.

Кажется, впервые за все время их разговора она удивилась. Недоуменно посмотрела на него, отвела взгляд, чуть отвернула голову и снова посмотрела, уже искоса:

— Что это ты вдруг выдумал? Нет, конечно, в этом смысле у вас разные пути. Хотя, ты знаешь, в этих твоих словах что-то есть...

Дама словно бы задумалась на некоторое время, затем вдруг улыбнулась, видимо, своим мыслям.

— А что? Мне нравится эта идея! Жизнь за жизнь! И выбор придется сделать тебе.

— Я тебя не понимаю... — нахмурился он.

— А что тут не понимать? Все крайне просто. Ты сам решишь, кого мне забрать с собой — тебя или кого-то другого.

— Другого? Кого?

— А что, у тебя нет подходящей кандидатуры? Да брось, никогда не поверю. Каждый из вас кому-то да желает смерти. И каждому кто-то желает. Все вы конкуренты на этой земле, все друг другу мешаете, постоянно боретесь — за пищу, за жилье, за любовь, за деньги, за власть, за успех... Нет такого человека, который ни разу в жизни не поддавался искушению позвать меня к ближнему своему. Хотя бы в мыслях. А иногда к самому-самому близкому. Я знаю. Я много повидала. Бывает, человек совершенно искренне уверен, что любит своих близких и не мыслит жизни без них, а нет-нет да и проскользнет подлая мыслишка: «А вот если бы...» Чаще всего я их, конечно, не слушаю. Но иногда могу и откликнуться на столь горячую просьбу — а почему бы и нет? Иногда мне нравится зацепиться за какую-нибудь вашу случайную фразу. А вы потом удивляетесь и сокрушаетесь: «Но я же не хотел! Я ведь просто так!»

— Я никому не желаю смерти, — торопливо возразил он.

— Правда? Ты так считаешь? Ну что же, тем интереснее. Я предлагаю тебе такую игру.

— Игру? — недоверчиво переспросил он. — Странно как-то звучит: игра со смертью. Словно название второсортного боевика.

— Ну назови это не игрой, а обменом, — охотно согласилась она. — И давай договоримся, что я не буду забирать тебя еще какое-то время — при условии, что ты предложишь мне достойную замену.

— Как я могу предложить тебе кого-то?

— Да легко! — Она наклонилась и подняла с земли коротенькую веточку, длиной не более карандаша. — Мы сделаем очень просто — ты возьмешь вот это и переломишь пополам. И тот, кого ты назовешь, просто исчезнет с лица земли.

— О боже! Кого я должен назвать?

— Да кого угодно! Любого человека, который тебе не нравится. Или не одного человека, а нескольких. Пару своих врагов. Всех конкурентов,

полный список. Или даже целый народ. А что? Например, цыгане, ты же их терпеть не можешь! Грязные, шумные, наглые, вороватые... Вот переломишь палочку — и устранишь всех разом, вместе с их цыганками и цыганятами! Ну что? Не хочешь попробовать?

Она протянула веточку Малахову, тот содрогнулся всем телом и отпрянул, будто это был не сухой сучок, а ядовитая змея. Дама расхохоталась, а потом вдруг вмиг стала серьезной.

— Ну ладно, пошутили, и хватит, — заявила она и будто в подтверждение своих слов отшвырнула палочку, которая упала на землю и тут же затерялась среди лесного мусора. — Конечно, абы на кого я тебя менять не буду... Пусть это будет один человек. Один, но вполне конкретный.

— Но кто? Кто это будет?

— А об этом мы поговорим в следующий раз. Я уже и так сказала тебе слишком много для первой встречи... А ты устал, и у тебя болит голова.

Он хотел было возразить, но она остановила его движением руки.

— Ты слышал? На сегодня хватит. Приезжай послезавтра утром, хоть сюда же. Мне тут понравилось. Тихо, спокойно. Тогда и продолжим.

Он и правда чувствовал, что очень устал. Голова кружилась и болела уже почти нестерпимо, тело ломило, руки и ноги были тяжелыми и отказывались повиноваться, а веки и вовсе налились свинцом. Его неудержимо клонило в сон, и он уже готов был отключиться, когда услышал:

— Да, и еще одно. Будь осторожнее в своих словах! Помни все, о чем мы с тобой говорили.

Открыв глаза, Малахов не сразу понял, что с ним произошло. Он сидел на скамейке перед сторожкой, вокруг не было ни души. В голове катался тяжелый шар, словно с бодуна. Тучи совсем сгустились, небо сделалось свинцово-серым, поднялся холодный ветер. Не иначе собирался дождь, а возможно, и гроза.

— О господи! — пробормотал Виталий, озираясь по сторонам. — Так мне это приснилось... Боже всемогущий, ну и сон...

Он энергично растер лицо ладонями, чтобы хоть как-то привести себя в чувство, затем вытащил мобильник и набрал номер супруги. На этот раз трубку взяли почти сразу же, после третьего звонка. Судя по звуковому фону — музыке и громким веселым голосам, — Лана находилась в каком-то очень оживленном месте.

— Ой, зайка, как хорошо, что ты позвонил! — защебетала она, стараясь перекричать окружающий шум. — А я тебя набираю, набираю и

никак не могу дозвониться, — ты то недоступен, то трубку не берешь... Не сердись на меня, пожалуйста, но тут такое дело — Алиска неожиданно позвала к себе на сейшн... Ты же понимаешь, я никак ей не могла отказать.

— Значит, тебя больше не ждать... — зачем-то уточнил Малахов. Как будто это и так не было ясно!

— Нет, давай отложим все до завтра, хорошо? Ты еще там, да?

— Да... Послушай, а эта твоя помощница, Татьяна Тосс... Она сейчас с тобой? — он и сам не знал, почему вдруг стал это выяснять.

— С чего это вдруг? — удивилась Лана. — Нет, конечно.

— Слушай, опиши мне, как она выглядит.

— Ну, ей около пятидесяти, среднего роста, стройная, даже худая... Волосы пепельные, прямые, примерно по плечи. Всегда очень прилично одета, со вкусом накрашена... А зачем это тебе?

— Да, понимаешь... — Виталий замялся. — Я вроде видел тут какую-то женщину... И подумал — вдруг это она?

— Ну что ты, этого никак не могло быть! Что бы ей делать там без меня? Да она и дороги-то не знает...

Глава 9 Условие обмена

Не успел Виталий выехать на Волоколамку, как разразилась сильнейшая гроза. Молнии сверкали прямо над головой, раскальвая свинцово-серое небо яркими трещинами, поминутно грохотал гром. Такого дождя в этом году еще не было — воистину «разверзлись хляби небесные». Вода лилась сплошной серой стеной, видимость была почти нулевая, никакие фары, никакие «дворники» не помогали. Обстановка на дороге сделалась опасной, машины ползли еле-еле. И если по направлению в город, куда ехал Малахов, автомобилей было еще не слишком много, то из Москвы тянулся сплошной поток. Ничего удивительного — пятница, вечер, люди стремятся за город. Понадеялись на русское «авось»: может, повезет и удастся проскочить до дождя...

Виталий был в напряжении. Он с детства не любил гроз — слишком уж много знал неприятных историй про молнии. А уж вести машину в такой ситуации — это вдвойне неприятно. Сейчас народ стал ездить черт знает как, не подчиняясь не только правилам дорожного движения, но и элементарной логике — причем, вопреки расхожему мнению, так поступают не только женщины, но и многие мужчины. Малахов уже несколько раз еле успевал уворачиваться от придурков, которым надоедало «тошнить», как выражаются водители, в общем потоке, и они вдруг решали вырулить на пустую (по их представлениям) встречную полосу, чтобы обогнать более терпеливых товарищей по несчастью. Конечно, подобные лихачества сходили с рук далеко не всегда. На протяжении пути Виталий уже трижды наблюдал последствия аварий — к счастью, без жертв и серьезных повреждений.

«А что, если этот странный, такой явственный, сон окажется вещим? — пронеслось вдруг в голове у Малахова. — Прямо сейчас кто-нибудь выскочит, как из-под земли, или не справится с управлением... Мы с ним столкнемся — и я разобьюсь насмерть...»

От этой мысли стало так жутко, что тело свело судорогой. Он еще больше снизил скорость и даже стал подумывать, не съехать ли ему на некоторое время на обочину и не постоять ли там, пока не придет в себя. Однако усилием воли он заставил себя собраться и в конце концов вернулся домой — очень медленно, но зато без приключений. Минувший день вымотал Виталия настолько, что у него едва хватило сил принять душ. Уже «на автопилоте», он добрался до своей спальни, упал на постель и

мгновенно уснул.

Утро субботы началось для него весьма непривычно — его разбудила супруга. В девять утра Лана не только оказалась на ногах, но даже выглядела бодрой и свежей.

— Зайка, подъем, подъем! — она потянула с него одеяло. — Вставай скорее, нам же ехать надо! «Черная радуга» заждалась.

В этот раз она собралась на удивление быстро. Ничего не потерялось и не забылось, все подходило и сидело как надо. Отправились целой толпой аж на трех машинах. Возглавлял процессию «Вольво» цвета «мурена», где сидели Малаховы, в двух других были представители проектно-строительной компании «СТК-проджект» и видеооператор, на присутствии которого так настаивала Лана. Загадочной Тани Тосс с ними не было.

— А зачем она нам там нужна? — пожалала плечами супруга. — Пусть занимается салоном, там же у меня сегодня много работы.

И Малахову нечего было на это ответить.

К удивлению Виталия, Максим, Ланин водитель, широкоплечий парень двухметрового роста, уже откуда-то знал маршрут. Изредка сверяясь с картой, он не только ухитрился ни разу не ошибиться в переплетении проселочных грунтовок, но даже подъехал прямо к «Черной радуге» — с другой стороны, минуя сторожку.

— Здесь дорога даже лучше, — объяснил он. — Все-таки грузовики приезжали, строительные материалы возили...

От вчерашней грозы не осталось даже воспоминаний. В небе сияло солнце, и даже земля кое-где уже успела просохнуть.

В мгновение ока Лана организовала всех на работу. В недостроенном доме и на поляне вокруг поднялась суэта. Оператор снимал здание и участок с разных сторон, проектировщики что-то измеряли, размечали, горячо обсуждали, сама Светлана умудрялась быть одновременно в нескольких местах, контролируя и направляя действия каждого.

— Зайка, ну что же ты стоишь! — возмутилась она, подбегая.

— А что я должен делать? — отвечал несколько ошарашенный Виталий.

— Проследи, чтобы они правильно разметили территорию! Ну, где мы будем делать забор. Это же самое главное — огородить наши владения! Остальное может и подождать!

И Малахову ничего не оставалось, как заняться этим вопросом. И через некоторое время проектировщики, при помощи проволоки, увеличили размеры принадлежащего им участка более чем в три раза.

— Чтобы завтра уже начали ставить забор, слышите? — командовала

Лана. — Пока можно что-то временное, не очень красивое, главное, чтобы было надежно.

Виталий чувствовал себя более чем странно. И дело было даже не в том, что он вообще не ощущал радости обладания «поместьем» «Черная радуга», не испытывал никакого удовольствия от участия в процессе строительства собственного дома, о котором столько мечтал. Мысли его то и дело уносились на другую поляну, к сторожке покойного лесника Кочеткова. Он с трудом подавлял в себе желание сходить туда и посмотреть, не сидит ли в причудливом кресле из древесных коряг странная женщина с завораживающим взглядом?

Обычно сны имеют привычку забываться. Утром, когда только-только откроешь глаза, еще можно припомнить довольно многое, но стоит встать с постели и погрузиться в привычную суету, как яркие образы и удивительные по своей силе ощущения (наяву почти никогда не испытываешь ничего подобного) начинают потихоньку выветриваться из памяти, и к вечеру, как правило, уже вообще не остается никаких воспоминаний.

Здесь все было иначе. Без особых усилий Малахов мог бы до мельчайших подробностей восстановить в сознании вчерашний сон, но не позволял себе этого делать. Всякое бывает в жизни, и яркие сны тоже. Не стоит придавать этому особого значения. И все же на поляну тянуло невыносимо, он едва удержался, чтобы не пойти туда. Помнится, женщина во сне сказала: «Приезжай послезавтра». Стало быть, в воскресенье, а сегодня суббота. Чужь собачья, конечно, он никуда не поедет, нечего тут завтра делать...

В Москву вернулись еще засветло. Лана высадила его из «Вольво» и тут же куда-то умчалась, не иначе делиться впечатлениями с подругами. Виталий поднялся было в квартиру, но сидеть дома совершенно не хотелось. Он набрал несколько номеров, предлагая встретиться, но безрезультатно — все друзья оказались заняты, Никиты не было в городе, Боря со своей Алисой собрались на какую-то нашумевшую театральную премьеру, и даже Долька, обычно всегда готовая примчаться куда угодно по первому зову отчима, как раз ехала на день рождения к институтской приятельнице. От скуки Малахов отправился в любимое маленькое кафе, но и там его ждало разочарование — «девушки из таверны» сегодня не было, вместо нее работала напарница, молоденькая узбечка или таджичка, довольно хорошенькая, но не вызывавшая в Виталии никаких эмоций. Он нехотя выпил кофе, отметил, как буйно разросся за время его отсутствия знакомый цветок с резными листьями и красными волосками, расплатился

и вышел на улицу.

Теплый майский вечер был в самом разгаре, Малахов даже пожалел, что приехал сюда на «Лексусе» — сейчас самое бы время прогуляться пешком, полюбоваться весенними сумерками, поглазеть на прохожих... Он нехотя направился к машине, которую оставил чуть поодаль, но тут почувствовал рядом с собой отвратительный запах и услышал за плечом гнусавый голос: «Миленький, подай рублик-другой на хлебушек...»

Он обернулся. К нему приближалось отталкивающего вида существо, которое разве что с огромной натяжкой можно было назвать женщиной — грязное, растрепанное, пахнущее перегаром и давно невымытым телом, с испитым лицом в синяках, одетое в какие-то невообразимые лохмотья. Виталий брезгливо посторонился и буркнул:

— Проваливай!

Обычно нищие понимали такого рода ответ с первого раза и тут же исчезали. Но эта оказалась не только недогадливой, но еще и настойчивой. А может, просто была слишком пьяна, чтобы соображать. Она пошатывалась и, похоже, с трудом держалась на ногах.

— Ну подай, — ныла бомжиха. — Что тебе стоит... Ты ведь богатый... Дай мне немножко денежек, я хлебушка себе куплю, кушать очень хочется...

— Сказал, отвали! — он повысил голос и отвернулся, чтобы хоть как-то скрыться от мерзкой вони. Как всякий много работающий человек, Виталий не терпел бездельников и попрошаек. Понятно, была бы еще старуха немощная. А то ведь, несмотря на запущенный вид, вполне здоровая и сильная тетка.

Однако нищенка не унималась. Она не только не оставила его в покое, но даже наоборот — следовала за ним по пятам и канючила:

— Ну да-а-ай... Ты же не хочешь, чтобы я с голоду померла... Малахов не выдержал и, с трудом борясь с подкатившей к горлу тошнотой, заорал:

— Да наплевать мне! Сдохнешь — только воздух будет чище! Должно быть, выглядел он в этот момент действительно очень грозно, потому что пьяная испуганно шарахнулась от него и забормотала: «Ну че ты, ну че ты...» Она подалась назад, оступилась, видимо, запнувшись обо что-то, неловко взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, упала навзничь и ударилась головой об угол каменной ступени. Бомжиха даже вскрикнуть не успела, просто дернулась несколько раз и затихла, уставив невидящий и моментально остекленевший взгляд в синее вечернее небо. Все произошло почти мгновенно, и он даже не сразу понял, что она мертва.

В первый момент Малахов онемел от ужаса. Он был уверен, что сейчас переулочек наполнится криками, возбужденными голосами, к месту происшествия тут же стечется народ, примчится, воя сиреной, милиция. Свидетели дружно укажут на него, будут, перебывая друг друга, рассказывать, что произошло, стражи порядка запихнут его в свою машину и отвезут в отделение... Но ничего подобного не случилось. Народу в переулочке было не так уж много, и никто из проходящих мимо даже не заметил падения какой-то пьянчужки. Прохожие были слишком заняты своей жизнью, чтобы обратить внимание на внезапное прекращение чужой. И Виталий понял, что сейчас легко и беспрепятственно сможет дойти до «Лексуса», сесть в него и уехать. И никто, ни одна живая душа никогда в жизни не вспомнит, что именно он стал невольным виновником гибели человека.

Он торопливо шагнул в сторону... и вдруг увидел ее. Снова, как и несколько недель назад, в саду у казино, она стояла над телом и смотрела вниз. На лице ее было то же самое выражение, что и тогда, но теперь Виталий понял, что оно означает. Это была удовлетворенность мастера своей работой. Работой мелкой, рутинной, малоинтересной, но которую изредка приходится выполнять даже лучшим специалистам. Не всегда повар-виртуоз готовит кулинарные шедевры — иногда он жарит и самую обыкновенную яичницу. Одаренный писатель иногда строчит на бегу коротенькие записки для родных «не волнуйся, буду поздно», а талантливому художнику может понадобиться быстро покрасить батарею отопления в своей квартире. И тогда они не вкладывают в этот труд всю душу. Просто закончат работу, кинут быстрый оценивающий взгляд, убедятся, что все сделано хорошо, и отправятся творить дальше.

Дама посмотрела на труп, потом подняла голову, встретилась глазами со взглядом Виталия и усмехнулась:

— А я ведь предупреждала тебя: будь осторожен в своих словах! Я ж тебе сказала, что иногда люблю зацепиться за одну случайную фразу. Иногда я исполняю подобные просьбы, будто бы оброненные невзначай. Ты пожелал ей смерти — и ее тут же не стало.

Только сейчас он разглядел, что одета дама в этот раз была ярко и броско, даже безвкусно. На плечах полушубок из натурального меха — это в мае-то месяце! — на голове блондинистый парик, в ушах огромные тяжелые серьги, на пальцах — множество золотых колец с крупными камнями. Дама была очень сильно накрашена, почти размалевана, но, несмотря на это, казалась намного моложе, чем в казино. И совсем не худощавой, даже наоборот, скорее полной.

«Наверное, именно так и представляла себе Смерть эта несчастная нищенка, — пронеслось в голове у Виталия. — Получается, для нее кончина была благом?»

Дама удовлетворенно кивнула:

— Молодец, догадался. Я смотрю, ты начинаешь соображать... Ну что, надеюсь, *теперь* ты мне поверил? И наконец-то перестанешь уговаривать себя, что я — только необычный сон?

Он хотел ответить, но *она* жестом остановила его:

— Помолчи! Сейчас не время и не место. Обсудим все завтра, как договорились.

Он был уверен, что не сможет заснуть в эту ночь, но снова мгновенно отключился, едва коснулся головой подушки. Вырубился, как говорила в таких случаях Долька. А около одиннадцати утра уже подъезжал к сторожке.

В глубине души он еще надеялся, что не встретит никого на поляне, но в то же время отчетливо осознавал, что надежды эти напрасны. И нисколько не удивился, увидев ее сидящей все на том же месте, в странном кресле. Скорее он изумился бы, если бы дамы там не оказалось. Но *она* была — а значит, им предстоял новый разговор.

— Ну, здравствуй, — строго сказала *она*. Сегодня у *нее* опять был новый имидж. Большие очки в толстой старомодной оправе, рыжеватые, точно подкрашенные хной, волосы собраны на макушке в небольшой пучок. Невзрачный темно-бордовый вязаный жакет, бежевая блузка с воротником-стойкой, коричневая юбка-миди и коричневые же туфли на плоской подошве. Настоящая училка — разве что указки и классного журнала с двойками не хватает.

Виталий вышел из автомобиля и молча направился к своему «старому месту» на лавке у стены. Приветствовать собственную смерть и уж тем более желать ей здоровья ему показалось абсурдным. Женщина скривилась:

— Какой ты все-таки некультурный! Разве не знаешь, что не отвечать, когда с тобой здороваются, невежливо? И садиться без приглашения дамы — тоже дурной тон... Впрочем, откуда тебе это знать? Ты же как был, так и остался деревенским мальчишкой. Носишь галстуки за тысячу долларов, а не знаешь элементарных правил этикета. Собственную жену называешь супругой.

— А что в этом особенного? — не понял Малахов.

— То, что это не принято. Слова «супруг» или «супруга» можно употреблять только по отношению к кому-то другому: ваш — ваша или его — ее. А *моя* всегда только жена. Ладно уж, можешь сесть.

Виталий опустил на скамью, чувствуя себя просто по-идиотски. Он ожидал от этой встречи всего, чего угодно, — но уж никак не того, что Смерть будет учить его хорошим манерам.

— Ну что? — улыбнулась *она*. — Так и продолжаешь убеждать себя, что я сумасшедшая, сбежавшая из местного дурдома?

Он покачал головой:

— Тогда бы у тебя не было никаких сведений обо мне. А ты в курсе моего прошлого, моих воспоминаний, поступков, о которых никто не знал, моих мыслей... И потом, все то, что я испытываю, находясь рядом с тобой...

Он не договорил, прислушиваясь к своим ощущениям. В этот раз не было ни ступора, ни панического ужаса. Даже наоборот — он чувствовал себя довольно комфортно. Настолько, насколько может быть комфортно человеку, которому суждено вот-вот умереть.

Дама довольно улыбнулась и кивнула:

— Вижу, что ты не просто так потратил время между нашими встречами. Размышлял и кое до чего додумался сам... Что же, молодец. Не сомневаюсь, что у тебя накопилось множество вопросов — можешь задавать.

Так оно и было. Малахову не терпелось выяснить массу вещей, но начал он с самого главного:

— Когда я умру? Сегодня, сейчас? *Она* посмотрела на него поверх очков.

— За сегодня и завтра можешь не беспокоиться. Я тебе обещаю, что это произойдет после следующей нашей встречи, которая будет... Ну, скажем, опять послезавтра. Во вторник.

Значит, на все про все у него осталось двое суток. Виталий застонал и спрятал лицо в ладонях.

— Ну почему?! Почему так рано? Мне же всего сорок лет...

— Всего? — переспросила *она* с усмешкой. — Ты же сам совсем недавно говорил: *целых* сорок. Мол, это уже солидный возраст, почти старость, все уже позади...

Но ему было не до ее иронии.

— За что? Чем я это заслужил? Что я сделал?

— Можно подумать, ты праведник! — снова усмехнулась *она*. — Поразмышляй-ка на досуге — есть ли на свете грехи, которых ты не совершил? Хотя бы за последний месяц? Слышал когда-нибудь о смертных грехах? Ну да ладно, я тебе не исповедник, и мне нет до этого никакого дела. И вообще, если бы я забирала вас в зависимости от того, кто как себя

вел... Это уже каким-то детским садом пахнет, ты не находишь? Вот ты плохой мальчик, отправляйся в чулан. А ты хорошая девочка, на тебе конфетку.

— Тогда чем же ты руководишься в своем выборе? Почему одни уходят с тобой рано: в юности или даже в детстве... Да что там — сразу после рождения! А другие остаются жить до глубокой старости, когда и им существование не в радость, и сами они становятся в тягость окружающим? Кто это решает? Бог?

— Бог?... — повторила *она* задумчиво. — Знаешь, меня вообще всегда изумляли ваши людские представления о Боге и о Дьяволе. На самом деле все выглядит совсем иначе... Не сомневаюсь, что Сатану, каким вы его рисуете в ваших сказках, вы специально выдумали для того, чтобы оправдать свои же подлые стороны души. Да и Бог для вас — только способ решить проблемы. В церковь вы ходите, как в супермаркет, когда что-то понадобится — пошли мне, Боженька, прибыль побольше, должность новую или мужа чужого, а я тебе за это свечку поставлю...

— Но кто же тогда решает, жить нам или умирать? Неужели ты?

— Думаю, тебе знакомо такое понятие, как судьба... Каждому из вас предопределен некий путь, то, что вы называете «на роду написано». И обычно в течение земной жизни человек более или менее четко следует этому пути. От рождения и до встречи со мной.

— И что, эту программу никак нельзя изменить?

— В том-то и дело, что можно, иначе это было бы слишком скучно. На программу, как ты выразился, влияет очень и очень многое. Случай. Сам человек. Другие люди, которые его окружают. Всевозможные обстоятельства. Ну, в том числе и я. В конечном счете именно я принимаю решение, когда тот или иной человек покинет этот мир.

— И от чего же зависит это твое решение?

— Да каждый раз по-своему. Иногда просто от какой-то одной случайной фразы. Ведь каждый случай особенный. Не думаю, что для тебя будет новостью услышать, что все люди разные. При всей схожести, при многих общих чертах, все вы — особенные. И любой, кто стремится себя осознавать, готов бороться за эту свою особенность, отстаивать свое неповторимое «Я». Мир не случайно устроен так, что каждый человек — это центр вселенной. Во всяком случае, пока он живет на земле. Оттого-то я и хожу к вам, и разговариваю...

— И решаешь за нас, жить нам или умереть? — Он сам не знал, зачем спрашивает *ее* так подробно. Да, конечно, хотелось узнать как можно больше... Но он уже не сомневался в том, что все усилия будут бесполезны.

Его участь уже была определена.

— Ну, случается, даже вы берете на себя смелость решить, продолжится чья-то жизнь или оборвется. Один сам лезет в петлю, другой бьет соседа дубиной по голове, а третий приказывает сбрасывать бомбы на город. Но и тут не так просто... Кто-то умрет, а кто-то нет. Потому что его время еще не пришло.

— Зато мое пришло, — проговорил Малахов удрученно. — Мне предстоит провести два дня в ожидании, а потом...

— Ну, и что в этом страшного? Скажи мне, что плохого в смерти?

— Она... Ты... Со смертью все прекращается. Это необратимость. Это конец.

— А с рождением кончается внутриутробное существование ребенка. Еще раньше, когда его душа поселяется в тело матери, кончается ее существование подле Бога. И когда душа покидает землю, она тоже не исчезает, а просто переходит в другой мир. Мир, где все совсем иначе. Где все спокойно и размеренно. Так почему меня надо бояться?

Малахов промолчал. Ему вдруг пришло в голову, что он никогда не задумывался, почему люди страшатся смерти. Просто всегда воспринимал это как должное. Дама продолжала:

— Меньший страх — это страх потери близких. Многие опасаются, что их родитель, возлюбленный, супруг или ребенок умрут. Иногда для этого есть основания — болезнь, например, или опасное занятие, но часто этот страх возникает и просто так, безо всяких на то причин. Но вот что интересно! Когда тот или иной человек боится смерти другого, то он беспокоится совсем не о том, каково будет тому, кто умрет. Потому что природа ужаса перед чужой гибелью — это страх не за другого, а за себя. Ребенок боится смерти матери, потому что не знает, как выжить без нее, а мать страшится гибели ребенка из-за того, что ее пугают связанные с этим переживания, горе, отчаяние и одиночество... Пока человек рядом с вами, вы от него получаете что-то хорошее, неважно, денежное ли содержание или радость общения с ним. А когда он уходит, вы это теряете. Вот вы и обижаетесь. Он или она умер — ах, как *мне* теперь плохо.

И снова Виталий не нашелся что сказать. Он не был согласен с подобными утверждениями — и в то же время не мог привести ни одного аргумента против. А дама между тем говорила и говорила:

— Но, конечно, есть и другой, куда более сильный страх смерти — страх за самого себя. Вы боитесь собственной кончины и потому привыкли связывать со мной все самое негативное...

— Ну, не будешь же ты уверять меня, что умирать легко и приятно, —

перебил, не выдержав, Виталий.

— Не буду, — согласилась *она*. — Переход в иной мир действительно не относится к сфере доступных вам удовольствий. Неважно, рождение это или смерть — ощущения не слишком комфортные. Но боитесь вы в конечном счете совсем не этого, а неизвестности. Она пугает вас везде, где бы вы ни были. Не исключено, что в том мире, где живут ваши души до рождения, ходит Жизнь — ну совсем как я, только, может быть, чуть помоложе, — и тоже каким-нибудь орудием, ну, допустим, вилами, гонит тамошних обитателей в этот мир. Мол, нечего тут прохлаждаться, пора вам жить. Идите рождайтесь. А те от нее врассыпную...

Малахов криво усмехнулся:

— Знаешь, хотелось бы верить, но... Я такой же, как и все. Тоже боюсь боли и страданий. Но сильнее всего — и в этом ты права — меня действительно пугает неизвестность.

— Успокойся. Со временем ты все узнаешь и поймешь, что не так уж это и страшно. То, что происходит перед встречей со мной, ты уже прочувствовал на себе, так?

— Разве со мной происходило что-то особенное?

— Конечно, какой же ты ненаблюдательный! Возьми хоть эти твои необъяснимые смены настроения. Они свойственны очень многим. Людей начинает кидать из крайности в крайность. То вдруг жизнь беспричинно становится не мила, то, наоборот, ни с того ни с сего просыпается безудержная радость бытия, хочется творить, петь, любить весь мир вообще и каждую попавшуюся под руку женщину в частности. Многих также тянет вспоминать все пережитое, помнишь, как у тебя это было недавно? На кухне?

— Откуда ты все это знаешь?

— Оттуда, что уже некоторое время наблюдаю за тобой.

— Начиная с казино, да?

— Даже раньше.

— Скажи, — не удержался от вопроса Виталий. — Почему я тебя тогда не испугался? Позавчера, когда увидел тебя здесь, сначала испытал просто-таки панический ужас. А тогда не было ничего похожего.

— Неужели не ясно? — удивилась дама. — Мне казалось, ты и сам можешь это сообразить.

— Потому что в казино ты пришла не ко мне?

— Ну конечно! Тогда я просто показалась тебе, чтобы подготовить к будущей встрече. Я считаю, что когда человека собираются убить, он имеет право знать об этом заранее.

Если бы сейчас с чистейшего, без единого облачка майского неба вдруг обрушился снегопад, Малахов изумился бы гораздо меньше. Он сидел как громом пораженный и не верил своим ушам.

— Меня... собираются убить?

Она кивнула так невозмутимо, точно речь шла о самых обыденных вещах.

— Ну а отчего, по-твоему, чаще всего умирают молодые бизнесмены? Ты здоров как бык, по натуре своей очень осторожен, экстремальными видами спорта не увлекаешься. Войн, эпидемий, природных катаклизмов вокруг тебя тоже не наблюдается. Значит, остается два варианта — несчастный случай или убийство. А все вариации уже внутри.

Малахов отказывался осознать смысл сказанного. Ему казалось, что он уже смирился с тем, что умрет через два дня. Но что это будет убийство...

— Кто? — спросил он, и голос почему-то прозвучал хрипло, точно при простуде. — Кто это задумал? Кто-то из конкурентов?

Она скривилась:

— Ты еще скажи — мафия. Нет, дорогой, тут все гораздо интереснее... Отдать тебя мне хочет кое-кто, находящийся рядом с тобой. Из близкого окружения, как у вас это называется.

Час от часу не легче. Он еще готов был бы поверить, что его собираются «убрать» из-за бизнеса, как это случилось в свое время с Сашкой Семеновым. Хотя тоже маловероятно, но все-таки... А тут — кто-то из близких. Да чушь собачья!

— Этого не может быть! — сказал он вслух. Дама подняла одну бровь:

— У тебя есть основания мне не верить? Или у меня есть основания тебя обманывать?

— Нет, но... Ты скажешь мне, кто это? *Она* молча покачала головой.

— Ну почему? Почему же?

Дама чуть слышно вздохнула — или ему это показалось?

— Видишь ли, я принципиально не вмешиваюсь в ваши, людские, отношения. У вас друг с другом свои дела, а у меня с каждым из вас — свои. Быть может, ты и догадаешься, кто тот человек, который решил, что ему станет лучше, если ты перестанешь жить. Но скорее всего, ты так об этом и не узнаешь. Ты будешь ломать голову, перебирать кандидатуры, но этот человек так и останется для тебя вне подозрений. Это последний, на кого ты подумаешь. Тебе он всегда будет казаться невинным, как младенец. Малахов все никак не мог прийти в себя.

— И... что же теперь? *Она* улыбнулась:

— Помнишь наш прошлый договор? Об обмене?

— Да, помню, — кивнул он. — Ты сказала, что можешь забрать кого-то вместо меня...

— Именно так. От тебя потребуется только решить, кто же из вас уйдет со мной — ты или тот, кто задумал твое убийство.

— Вот оно что... — Виталий был в полном недоумении. — Постой, но ведь ты сама говоришь, что я могу так и не узнать, кто это... И что же, я должен буду отправить на смерть... неизвестно кого? Да еще из моего близкого круга общения?

— А так ли уж ты хочешь знать, кто это? — Дама снова поглядела на него поверх очков. — Признайся себе честно — готов ли ты взять на душу такой груз? Открыть, что близкий тебе человек, которым ты дорожишь и который якобы души в тебе не чаёт, тайно готовит твое убийство?

— Да, — быстро и уверенно заявил Малахов. — Горькая правда всегда лучше сладкой лжи. Лучше я буду знать, что мой сотрудник или даже друг меня ненавидит, чем продолжать доверять ему.

— Ну-ну, — отвечала дама с усмешкой. — Тебе решать. Хочешь знать, кто это, — ищи. Сам ищи, я тебе тут не помощник. Моя роль в этой истории совсем другая. Послезавтра я снова буду ждать тебя на этом месте. Ты приедешь и скажешь о своем решении. А теперь садись в свою машину и поезжай. У тебя еще много дел.

Что верно, то верно — дел у человека, который должен будет послезавтра умереть, всегда немало. Необходимо все закончить, успеть, подготовить, продумать... Хотя надо ли? Может, ну его к чертовой матери? Какая ему разница, что будет потом? А сейчас, в оставшиеся дни, даже часы, он может позволить себе все что угодно, любой поступок, любое безрассудство. Оглядываться и ограничивать себя уже не нужно — все равно вот-вот умирать...

Не успел он доехать до ближайшей деревни, как зазвонил мобильный.

— Зайка, а ты где? — пропел веселый голос Ланы. — Я встала, смотрю, а тебя нет.

— Да так, отъехал по делам. Часа через два буду, — отвечал Малахов.

— Ой, тогда меня уже не будет. Я скоро улетаю перышки чистить. Ты, надеюсь, не забыл, что мы с тобой сегодня приглашены на день рождения к Карине?

Ну конечно, это вылетело у него из головы. До того ли ему было сейчас?

— Лана, у меня нет никакого настроения... — начал было он, но супруга (то есть жена) не дала продолжить:

— Виталя, но ты с ума сошел! Это же Карина! Моя подруга и, между

прочим, тетка твоего любимого заместителя Аркадия. Они все страшно обидятся, если ты не приедешь! А уж я как обижусь!

Обижаться Лана умела, и Малахов знал это. Менее всего ему хотелось тратить драгоценное оставшееся время на семейную ссору. Приходилось выбирать из двух зол — и день рождения явно был меньшим.

— Хорошо, уговорила, — сказал он со вздохом.

— Ну и чудненько! Значит, встречаемся дома в пять. Максим нас туда отвезет.

Он отшвырнул телефон на соседнее сиденье и посмотрел на часы. Оказывается, еще не было и половины двенадцатого. А значит, выходило, что Малахов провел на поляне перед сторожкой всего несколько минут. Как странно — ему казалось, что их разговор тянулся много дольше...

Дорога за окнами уже стала привычной. Виталий вел свой «Лексус» почти машинально и все прокручивал в голове недавно услышанное. Ему было странно, что он почти ничего не ощущал — ни страха, ни паники, ни отчаяния, ни боли. Зато голова была очень ясной. Вероятно, это был такой своеобразный шок — словно кто-то специально отключил его чувства и оставил работать мысли. Малахов перестроился в правый ряд и приступил к размышлениям.

Итак, кто-то из его близкого окружения замыслил его убийство. И ему, Виталию, обязательно надо выяснить, кто же это таков... Будем рассуждать логически и начнем с самого начала. Что это вообще такое — близкое окружение? Семья, друзья, работа... Вот вроде бы и все. Ну, семья исключается сразу. Друзья... Оказывается, не так-то и много у него друзей. Скорее это приятели, партнеры по бизнесу и прочие, как выражается Лана, фигуры из их круга. Борька Егорин, Никита, ну еще два-три человека... И тех уже можно назвать близкими только с натяжкой. Но с чего бы вдруг Борьке или тому же Никите его убивать? Ну, может, они ему завидуют, не исключено, что в глубине души недолюбливают, но затевать убийство — какой смысл? Они ведь ровным счетом ничего не выиграют от его смерти... А первый вопрос любого преступления — это всегда: «Кому выгодно?»

Значит, остается работа. Конкуренты (но *она* сказала, что они тут ни при чем!), подчиненные — весь штат его фирмы, начиная с секретарши Полинки и заканчивая Аркадием. Теоретически — чисто теоретически! — помощник мог бы ненавидеть своего босса и желать ему смерти... В этом ракурсе Аркадий выглядел бы подходящей кандидатурой, если бы не одно «но». Малахов ведь так и не успел сделать его своим компаньоном! А значит, Лошманову нет никакой корысти его убивать. Более того, внезапная кончина владельца компании может доставить ему массу проблем.

Неизвестно, как еще Аркашка сработается с новым хозяином... А не исключено, что и сработаться вообще не придется. Новый владелец фирмы обычно всегда стремится окружить себя своими людьми. Все то же самое относится и к Коле Тихомирову. Он человек очень мягкий, доброжелательный... Представить его в роли заказчика было просто невозможно.

Да, ни в бизнесе, ни где-либо еще подходящих кандидатур не находилось. Что же еще может считаться «близким окружением»? Женщины? Но у него давно никого нет, кроме Ланы. Не принимать же в расчет абсурдную версию, что муж фарфоровой куколки Анечки оказался патологическим ревнивцем, разузнал о приключениях своей женушки на Лазурном берегу и теперь жаждет крови соперника... Какие еще варианты? Соседи? Кто-то из живущих через стену в их доме на Басманной положил глаз на малаховские двухэтажные хоромы? Бред. Стоп, а если? — мысль пришла внезапно и так потрясла, что Виталий не заметил перемены сигнала светофора и едва успел затормозить перед наземным переходом. А если весь сыр-бор разгорелся из-за «Черной радуги»? Вдруг писатель, или его супруга, или их дети решили отомстить ему за то, что он лишил их родового гнезда? Нет, тоже чушь, папахивает какими-то старинными романами. Они с Ланой ведь не украли у Россихиных участок, а купили, деньги на счет переведены, Малахов лично это проконтролировал...

Он доехал до Москвы, так и не придя ни к какому мало-мальски приемлемому умозаключению. Возвращаться сейчас домой и проводить воскресный день наедине со всеми этими размышлениями не было никакого желания. Недолго думая, Виталий отправился на Покровку и вскоре уже сидел за столиком любимого кафе. Здесь, в привычной обстановке, рядом с дорогим сердцу им же самим ощипанным цветком, среди знакомых уютных ароматов, его посетили совсем другие мысли.

«Что я еще не сделал такого, что срочно нужно завершить? Может, составить завещание? Впрочем, нет необходимости. По закону и так все перейдет Лане и Дольке, включая банковские вклады. Лана, наверное, продаст фирму... Сама она с ней, конечно, не справится. Разве только сделает управляющей эту свою таинственную Таню Тосс... Значит, с супругой и с дочкой после моей смерти будет все в порядке, они не пропадут и будут обеспечены надолго. А про всех остальных нужно хорошенько подумать. Вспомнить всех, перед кем я виноват в чем-то и кому что-то должен, и постараться как-то решить эти вопросы за оставшиеся сутки. Вернуть все долги, вплоть до чужих книг и компакт-дисков...»

За спиной послышались легкие шаги. «Девушка из таверны» принесла кофе, даже не дожидаясь его заказа.

— Добрый день. Ваш кофе, пожалуйста, — она улыбнулась, взглянула на него, и тотчас ее лицо приняло тревожное выражение. — Что-то случилось? Что с вами?

— А что со мной? Что-то не так? — переспросил Малахов.

— Да. У вас такое лицо... Даже не знаю, как сказать. Словно произошло что-то очень страшное.

— Я выгляжу испуганным?

— Нет. Совсем нет. Вы выглядите... — она на секунду запнулась, потом подобрала слово, — обреченным.

Он с удивлением взглянул на нее. В ее глазах было столько искреннего волнения и участия, что ему вдруг неудержимо захотелось все-все ей рассказать. Но это было бы по меньшей мере нелепо.

— Ну что вы! Вам просто показалось! У меня все в порядке.

— Ну что же, хорошо, коли так... — она покачала головой и отошла. А он, даже не притронувшись к чашке, поспешил в туалет и внимательно изучил в зеркале свою физиономию. Неужели по его виду так заметно, что творится внутри? Но зеркало ничего такого не показало. Какие бы сомнения и терзания ни раздирали его душу, внешне это никак не отразилось. Виталий увидел в серебристом стекле обыкновенного стильного мужчину с озадаченным — но не более того! — выражением лица. Никаких тебе новых седых волос, невесть откуда взявшихся морщинок, изменившегося выражения глаз. На миг ему даже пришло в голову, что его отражение живет какой-то своей, отдельной от него, жизнью...

Официантка больше не подходила к нему, но несколько раз, поглядев в ее сторону, он встречался с ее взглядом. «А ведь я вижу ее последний раз в жизни! — вдруг осознал Малахов. — Завтра ее не будет, не ее смена... А послезавтра, возможно, уже не будет меня». И он решительно поднялся со своего места, подошел к ней и спросил то, что все время хотел узнать:

— Скажите, а как вас зовут?

Она ответила тотчас, будто давным-давно ожидала этого вопроса:

— Любовью.

— А я Виталий, — отвечал он, почему-то чувствуя себя слегка неловко.

— Я знаю, — кивнула «девушка из таверны». — Вы Виталий Павлович.

Он очень удивился:

— Неужели вы всех клиентов помните по именам?

— Постоянных всегда стараюсь запомнить, — отвечала она. — Но с вами это совсем легко — вы у нас особенный.

— Вот как? Почему?

— Очень немногие из наших посетителей могут себе позволить менять кофе из-за того, что он остыл, — рассмеялась она. — Остальным такое не по карману.

Надо же! Ему бы это и в голову не пришло. Он тоже невольно улыбнулся ей в ответ и вдруг подумал, что больше всего на свете хочет сейчас быть с ней, болтать о пустяках, слушать ее мелодичный голос и хрустальный смех, вдыхать исходящий от нее легкий запах старомодных духов...

— Девушка! — позвала пожилая дама за столиком у стены. — Можно вас на минутку?

— Да, сейчас, — откликнулась официантка и перевела взгляд на Малахова: — Вы что-то еще хотели, Виталий Павлович?

— Да, — кивнул он. — Расплатиться и попрощаться. Вот деньги за кофе. Прощайте, Люба.

— До свидания, Виталий Павлович, — с мягким упреком поправила она. — Я не люблю слова «прощай». Говорить его — плохая примета.

День прошел в суматохе, вечер заканчивался еще хуже. Сидя за накрытым праздничным столом, Малахов с неудовольствием думал о том, что даже последние оставшиеся часы своей жизни вынужден делать не то, что хочется, а то, что *надо*. Да и надо-то не ему, а Лане. У него, Виталия, вообще нет никакого желания находиться в этом особняке, среди этих людей, пришедших сюда продемонстрировать свой достаток, как модель на подиуме демонстрирует чужой наряд. Одежда и аксессуары, прически и косметологические ухищрения, слова и манеры, мужья и любовницы — все это служило одной цели: похвалиться перед остальными и не только показать, что ты не хуже других, но и вызвать зависть, по этикету принимающую форму восхищения. Виталий никогда особенно не любил светских тусовок, но сегодня ему здесь было уже совсем тошно. Не хотелось ни есть, ни пить, ни слушать все эти разговоры...

— ...да-да, запомни: доктор Лодкин, Александр Борисович, клиника на Третьяковке, я потом скажу тебе название и точный адрес... Кудесник, говорю тебе, просто кудесник! Ты помнишь, какой у Маргариты был нос? А теперь? Это же произведение искусства, а не нос! А видела бы ты, какую грудь он сделал Анжелике, ну, ты ее знаешь, жена Никиты...

— ...в милицейской форме. Останавливают средь бела дня, на

оживленных магистральных, хорошие автомобили, просто-напросто выкидывают оттуда на дорогу и уезжают. Представляете, какая наглость! Ну и, конечно, найти их никто не может, это уж у нас как водится...

— ...еще и вторую бутылку! А я сижу и считаю — семьсот на подарок, две бутылки вина по двести тридцать, да еще хавчика долларов на четыреста... Это ж получается, что он за один вечер больше полутора тонн на меня потратил! И тут я поняла — это любовь!..

Почти напротив Малахова сидел Аркадий, племянник виновницы торжества, и Виталий украдкой наблюдал за своим заместителем. Неужели это все-таки он? Других кандидатур просто не было. Но Лошманов, даже если и вынашивал в душе коварный замысел, ничем себя не выдал, был, как всегда, весел, обаятелен и галантен с дамами. Ни разу Малахову не удалось поймать на себе какой-нибудь брошенный им подозрительный взгляд.

— Кариночка, а где вы заказали такую чудесную рыбку? — спросил над ухом, перекрывая общий шум, резкий женский голос. — Восхитительно вкусно, никак оторваться не могу!

— А тут у нас неподалеку ресторан «Рашн стайл», — отвечала хозяйка. — Они очень прилично готовят, я всегда там все заказываю...

Название ресторана почему-то показалось Виталию знакомым. Ну конечно же, это тот самый кабак, где они были с Джозефом. Потом прямо оттуда поехали в казино, где он первый раз уви... Стоп. Джозеф. Джо Коллуэй, его американский партнер.

От неожиданной догадки Малахов даже похолодел, хотя в людном помещении было очень тепло. Вот человек, у которого есть истинная причина его ненавидеть... Конечно, причина странная, с точки зрения здравого смысла, даже нелепая — но о каком здравом смысле может идти речь, когда в дело вступает ревность?

Эта мысль так потрясла Виталия, что он, не обращая ни на кого внимания, поднялся из-за стола и вышел из шумного зала на балкон. Подставил лицо прохладному весеннему ветру и попытался сосредоточиться.

После той досадной сцены у крыльца Джозеф больше с ним не общался. Не звонил и не брал трубку, хотя раньше, находясь в России, и нескольких дней не мог провести без своего «русского друга Вита». Это могло означать только одно — техасец очень обижен. Человек он взбалмошный, впечатлительный и не в меру эмоциональный. Да, такому вполне может прийти в голову смертельно отомстить своему обидчику... Тем более что Малахов понятия не имеет, чем у них там все закончилось с

Наташей. И теперь Джо страдает и, как это иногда делают дети, решил обвинять во всех своих неприятностях одного конкретного человека... Дети, дети... Что-то она такое говорила о детях... Что-то вроде того, что его предполагаемый убийца чем-то напоминает младенца. Ну конечно же, значит, она имела в виду именно американца!

После этого открытия оставаться на празднике уже не было никаких сил. Виталий торопливо извинился перед именинницей, сославшись на неотложные дела, потом нашел Лану.

— Ой, зайка, а я совсем не хочу так рано уходить! — огорчилась супруга.

— И не надо. Макс отвезет меня и вернется сюда.

«Ну и что теперь делать? — думал Виталий весь обратный путь. — Она была права — я догадался, кто хочет моей смерти, но это ровным счетом ничего мне не дало. Ехать к Джо, искать его, пытаться как-то объясниться, может быть, даже просить прощения... И что?»

Он взглянул на часы — еще не так уж поздно, вполне удобно позвонить. Вынул мобильник, набрал номер Коллуэя и слушал длинные гудки до тех пор, пока связь не прервалась и на дисплее не появилось сообщение «нет ответа». Малахов позвонил еще раз и еще, а на четвертый услышал, что абонент недоступен. Теперь уже не оставалось сомнений, что Коллуэй слышит звонок. И... он выключил телефон.

«Значит, остается одно — наш с ней договор», — сказал сам себе Малахов. Но думать на эту тему сейчас уже просто не было сил. Завтра ему предстоял очень нелегкий день.

* * *

Утро снова застало Виталия в дороге. Он поднялся чуть свет и снова ехал за город, только уже совсем в другом направлении.

На Калужском шоссе он не был уже лет семь, если не больше, и теперь не уставал поражаться отличному состоянию дороги. Ну, прямо как на Западе, и когда его успели привести в такой приличный вид?

В десять утра, когда в «Мит-сити» еще только начинался рабочий день, он уже выехал за пределы Московской области. Малахов позвонил секретарю, предупредил, чтобы его сегодня не ждали.

— Ой, Виталий Павлович, ну а как же... — начала было Поинка, но он не дал ей договорить.

— Все вопросы к Аркадию, он во всем разберется.

Странно, но ему даже думать не хотелось о работе. Хотя совсем недавно казалось, что ничего на свете нет интереснее и важнее его бизнеса.

Родное Товарково, как ни странно, мало изменилось. Только магазинов стало больше, на улицах появились редкие машины — все больше «Газели» и старые отечественные автомобили с калужскими номерами, — да люди стали одеваться поприличнее. Вон, пацан лет шестнадцати даже по сотовому звонит... А так все по-прежнему. Пятиэтажки заметно обветшали, бараки никто и не думал сносить. Во дворах все так же сушится белье, бегают детвора, старушки сидят на лавочках, греются на майском солнышке.

Провожаемый заинтересованными взглядами, он проехал через весь поселок и вскоре оказался на знакомой улице. Родной дом был обнесен новым сплошным высоким забором — теперь и не увидишь, что там внутри. Впрочем, ему и смотреть особо не хотелось. Дом давно продан, живут там совершенно чужие люди, наверняка сделали все по-своему...

Он остановился около соседского участка, где жили Лукьяновы. Но тут Виталия ждало разочарование. Совсем молоденькая девчонка в коротком халатике, державшая на руках толстого розовощекого непоседливого карапуза, сообщила, что тетя Маня померла в девяносто шестом году, а они с мужем получили ее дом в наследство. Она назвалась какой-то родственницей тети Мани, но Виталий так и не сумел вспомнить, кто она такая. Впрочем, ничего удивительного, ведь девчонка явно родилась уже после его отъезда...

Больше видеть никого «из прошлого» ему не хотелось. Разве что поговорить бы со своей первой учительницей и старенькой библиотекаршей — но ни той, ни другой уже давно не было в живых. «Ничего, скоро встретимся! — усмехнулся про себя Малахов. — Не исключено, что уже завтра...» Он совсем не боялся этого — ему было все равно. С тех пор, как он вычислил своего предполагаемого убийцу (а возможно, даже и раньше, сразу после вчерашнего разговора), Виталий словно впал в какую-то апатию. Ощущения, чувства, эмоции — все это было в нем точно заморожено. Он будто превратился в холодную и бесстрастную мыслящую машину. «Я уже умер, — подумал Виталий. — И какая разница, что будет дальше. Что я, что Джозеф — не все ли равно...»

Он поехал на кладбище и не без труда отыскал могилы своих родных. Они выглядели не лучшим образом — участок зарос травой, ограда слегка

покосилась и облупилась, памятники засидели птицы. Хорошо было бы привести все в порядок... Поразмыслив, Малахов вернулся к своей машине и поехал в Калугу, где закупил все необходимое, а потом несколько часов посвятил уборке — выровнял ограду, тщательно выполол все сорняки, посадил новые многолетние цветы, вымыл памятники. Затем достал краску и принялся аккуратно красить ограду, осторожно водя кистью и стараясь не ронять черных капель... Нет, не на одежду, черт с ней, с одеждой! Он поймал себя на том, что бережет молодые листья и свежую траву, точно ему вдруг сделалось жалко все живое. «Пожалуй, еще немного — и я стал бы буддистом, — с горькой усмешкой подумал он. — Вот только этого «немного» у меня уже не будет...»

Закончил работу, положил привезенные из Москвы цветы — бабке с дедом сирень, а матери тюльпаны, она очень любила тюльпаны. Постоял, посмотрел на могилки. Пробормотал себе под нос: «Ну простите, если что не так...» — и побрел прочь.

— Витя! — вдруг окликнул его женский голос. — Витька, Малахов, неужели это ты?

Как давно никто не называл его Витей...

Он поднял голову. К нему стремительно приближалась незнакомая толстая женщина, на вид лет пятидесяти, в дешевом джинсовом платье, крашенная под блондинку, с давно отросшими темными корнями волос. Он удивленно взглянул на нее.

— Не узнаешь? — Она подошла совсем близко, и что-то такое родное почудилось в ее синих глазах...

— Господи, Галка! — ахнул он. — Галка Антипова?

— Что, так постарела, да? — огорчилась женщина. И у него не достало мужества ей возражать. К счастью, это оказалась и не нужно. Галка заговорила, не замолкая, о том, какой он стал красивый, но она его все равно сразу узнала, что зашла на кладбище прибраться на могилах родителей, так как на Пасху не успела, а потом все праздники в огороде провозилась, а сегодня понедельник, у них в магазине выходной, вот она и выбралась, смотрит — а тут он...

— Ну как ты, что, рассказывай! — теребила она. — В Москве живешь? Женился?

— Да, у меня все хорошо, — механически отвечал он. — Своя фирма, жена, дочь... А ты как? Замужем?

— Да уж восемь лет, как развелась, — вздохнула Галка. — Одна детей ращу. Девчонке семнадцать, школу заканчивает, парню вот недавно четырнадцать исполнилось... Может, пойдем ко мне, а? — вдруг

проговорила она почти умоляюще. — Посидим, чаю попьем?

Малахов взглянул на часы. По-хорошему, уже давно пора было ехать, в городе его ждало столько дел...

— Ладно, — сказал он. — Пошли, только ненадолго. И давай по дороге в магазин зайдем, я куплю чего-нибудь к чаю. Есть тут у вас более или менее приличный продуктовый?

В магазине он набил под завязку два пакета, стараясь взять еды получше — колбасы, соленой рыбы, конфет, соков.

— Куда столько? — ахала Галка.

— А я голодный! — отвечал он. — С утра ничего не ел.

— Так у меня борщ есть. И котлеты... Господи, ну а лимонад-то ты зачем берешь?

— Детям. Они ведь любят?

— Ну любят, конечно, да кто же им покупает...

Жила бывшая одноклассница все там же, в одной из пятиэтажек. Сколько он в свое время провел долгих часов в этом дворе, заглядывая в окна на третьем этаже — вон те два, налево от подъезда... Тогда побывать в ее квартире ему так и не удалось. Теперь же он с тоской оглядывал давно требовавшую ремонта «однушку», где в комнате просто негде было повернуться из-за письменного стола и трех кроватей. Детей дома не было, оно и понятно — кому охота сидеть дома в такую погоду? Мальчик забежал один раз попить воды, обалдел от обилия увиденных яств, съел на ходу пару бутербродов, распихал по карманам конфеты и снова умчался. Девочку Виталий так и не увидел.

Они просидели на кухне несколько часов, болтали, вспоминали школу. Бывшая одноклассница рассказывала о себе, Малахов предпочитал отмалчиваться. Наконец, когда было уже совсем поздно, он поднялся с качающейся табуретки и проговорил:

— Галка, у меня к тебе напоследок будет просьба. Она заинтересованно распахнула синие глаза.

— Я тут редко бываю... Ухаживать за родительскими могилами совершенно некогда. А ты ходишь на кладбище. Не могла бы ты и за моими тоже последить? Ну, убираться там, цветы сажать и так далее? Вот тебе на первое время.

Она подсчитала деньги и ахнула:

— Но здесь же... Куда ж так много, Витенька?

— Ну, это на год вперед, а там работы столько... Может, ограду понадобится сменить или что-то такое... И еще, Галь. Вот тебе моя визитка. Тут все телефоны — домашний, рабочий и мобильный, но ты

лучше звони в офис. Если вдруг меня не будет, спроси Аркадия Андреевича. Запомни — Аркадий Андреевич. Он тебе во всем поможет. Не стесняйся — если какие проблемы, мало ли что понадобится, деньги кончатся, детям на учебу...

Она молча слушала и только кивала растерянно, словно лишившись дара речи. А когда Малахов уже уходил, вдруг прижалась к нему щекой, всхлипнула и проговорила сквозь слезы:

— Господи, Витька, какая ж я была дура...

Домой он приехал уже затемно и снова уснул как убитый. Никогда в жизни он так хорошо не спал, как теперь — перед смертью.

Глава 10 Наемный убийца и его дочь

Надежда

В то утро он снова встал рано. Вымыл голову, тщательнее обычного побрился. Надел любимый костюм, самый лучший галстук и новые туфли. И снова ровно в одиннадцать въехал на поляну перед сторожкой.

Дама, как всегда, сидела в облюбованном ею кресле, но в первый момент он ее даже не узнал. На этот раз перед Виталием предстала довольно молодая женщина, на вид не старше двадцати пяти лет, одетая так, точно собралась на дискотеку в молодежный ночной клуб. Обтягивающая кофточка ярко-сиреневого цвета с глубоким вырезом на шнуровке подчеркивала красивую грудь, короткая юбка почти полностью открывала стройные длинные ноги, обутые в босоножки на огромной платформе из прозрачного пластика. На плечи спадал поток длинных и пышных волос — сегодня они были темно-рыжими. В таком виде *она* выглядела очень привлекательно и настроена была как-то совершенно иначе — не то игриво, не то иронично.

— Нет, ну вы посмотрите на него, какой хороший мальчик! — начала *она*, не успев он опуститься на лавку. — Уши и шею вымыл, костюмчик с галстучком надел, ботиночки почистил — любо-дорого посмотреть! А как он эти дни вел-то себя хорошо, ну просто слов нет! И книжечки зачитанные всем вернул, и к родителям на могилку съездил, и Галке Антиповой денежек отсыпал!.. Я-то грешным делом подумывала, что ты пустишься во все тяжкие, как у вас это принято. Чего себя в узде-то держать, коли помирать завтра? А ты даже официанточку свою не трахнул, хотя давно на нее облизываешься! Да и она совсем не против...

Малахов едва слушал эту ничего не значащую болтовню. Он с тревогой ожидал главного вопроса — ответ на который он так и не сумел найти в своей душе за эти два дня. Но *она* явно не спешила поднимать эту тему и продолжала его подначивать:

— Ну что, мальчик-паинька, какой награды ты ожидаешь за свое примерное поведение? Неужели надеешься, что я сейчас расчувствуюсь, уроню слезу и скажу: «Ладно уж, так и быть, прощаю тебя!»

Он пожал плечами. Конечно же, у него и в мыслях такого не было. Просто Виталий чувствовал, что должен был все это сделать, пока жив...

— Нет! — перебила *она* его мысли. — Здесь ты, дорогой, снова сам перед собой лукавишь. Вы, люди, вообще мастера сами себя обманывать,

но уж тебе в этом деле просто нет равных! Ты ухитряешься не замечать самых очевидных вещей. Вроде бы я об этом не думаю — значит, этого как бы и нет.

— О чем ты говоришь? — не понял он.

— Да у тебя все в жизни так... — отмахнулась *она*. — Но сейчас я говорю именно о последних двух днях. Знаешь, почему ты как ошпаренный побежал дела свои в порядок приводить, чужие компактны возвращать и могилки родственников убирать? Из-за того, что ты такой совестливый и у тебя чувство долга не в меру развито? Да черта с два! Ты просто хотел убежать сам от себя. Загрузиться, как это сейчас у вас говорят, по полной, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями, с осознанием того, что я тебе в прошлый раз сказала... Что — скажешь, не так?

Малахову оставалось только промолчать. Она была права.

— Помнишь, какое я тебе дала задание, а? — дама лукаво взглянула на него. — Помнишь, конечно. Только вместо того, чтобы сделать выбор, о котором я говорила, ты думал о чем угодно другом... Ломал голову, перебирал кандидатуры, даже на одной из них остановился...

— Я угадал? Я прав? — быстро спросил он. В ответ *она* только едва пожала плечами.

— По-моему, я уже сказала тебе, что это *ваши* дела. И меня они никак не касаются...

— А мы тебя вообще никак не касаемся! — вдруг разозлился он. — Мы живем, радуемся, страдаем, сомневаемся, пытаемся постичь истину... Работаем, влюбляемся, рожаем и растим детей... А ты приходишь — и хладнокровно все обрубаешь, точно палач топором.

— Ну — опять двадцать пять! — вздохнула *она*. — Сколько мы с тобой прошлый раз говорили о том, что это не конец, а просто переход в иное состояние — все впустую... Впрочем, меня это несколько не удивляет. Вам почему-то свойственно до последнего упорствовать в своих заблуждениях. Видно, вас так специально устроили, не знаю уж зачем. А что касается палача... Знаешь, мы с ним оба просто выполняем свою работу. Как, впрочем, и ты свою.

В какой-то степени мы коллеги... Тебе ведь не приходит в голову жалеть телят или поросят, чьим мясом ты торгуешь? А у них ведь тоже мамы есть, и они тоже горюют, когда их детишек пускают на котлеты... Ну да ладно, не будем ссориться. Я так поняла, что ответить на мой вопрос ты сегодня не готов?

Малахов только кивнул в ответ. Действительно, все эти долгие часы, разделившие их встречи, он только и говорил себе, что должен принять

решение. Но никуда дальше его рассуждения не продвигались. Заявление: «Забери с собой меня вместо моего убийцы», — было бы нелепо и совершенно неоправданно. Но и произнести, пусть даже мысленно: «Хочу, чтобы Джозеф умер, а я остался жить», — Виталий тоже не мог. Просто не мог, и все.

Дама кокетливо отбросила волосы назад и ехидно проговорила:

— Какой же ты все-таки нерешительный. Робкий, трусливый, безвольный... — она окинула его словно бы оценивающим взглядом. — И за что тебя женщины любят, не понимаю...

— Что ты плетешь... — отмахнулся он.

При чем тут женщины? Он думает о Джозефе, о своем убийце, а *она* — женщины... И вообще, о каких женщинах идет речь? Кто это его любит? Супруга, то есть жена? Но вроде бы он не замечал за Ланой даже в лучшие их времена бурного проявления горячих чувств. Безусловно, она, конечно, любила Виталия, но, как бы это выразиться, по-своему... Тогда на кого дама намекает? Не на фарфоровую же статуэтку Анечку из Санкт-Петербурга!

— Ты ничего не путаешь? — уточнил он.

— Я никогда ничего не путаю. — Ему показалось, или *она* и впрямь подмигнула?

— Тогда, значит, просто несешь какую-то ерунду... Кто это меня любит? И вообще, с чего вдруг меня любить? Что во мне такого особенного?

— Да в тебе-то ничего особенного, — проговорила *она*, задумчиво покачивая босоножкой на высоченной платформе. — Тут, видимо, дело не в тебе, а в женщинах. Они вообще странные существа... Им только дай волю — обязательно будут кого-нибудь любить. У вас, мужиков, полно других дел: война, бизнес, самоутверждение, изобретения... Для вас любовь — это лишь один из эпизодов, деталь в общем механизме жизни, часто и не очень-то важная деталь. А женщина без любви не существует, она ею переполнена. И если не найдет, на кого ее излить, — на ребенка ли, на мужчину ли, — то будет чувствовать себя моральным уродом... До самой встречи со мной, когда бы я к ней ни пришла.

«Видел бы ее сейчас кто-нибудь... — пронеслось в голове у Малахова. — Подумал бы: вот сидит шикарная девчонка и рассуждает о любви. Ему бы и в голову не пришло, что это — Смерть. Смерть, разглагольствующая о любви. Абсурд».

— Ну почему же? — *Она*, похоже, даже слегка обиделась на его мысли. — Не так уж я далека от любви, как ты думаешь. Даже наоборот.

Мы с ней близки, точно сестры, которые хоть и ссорятся, но существовать друг без друга не могут. Этакие заклятые подруги. Она мне интересна, потому что любовь — самая яркая из ваших страстей. Может быть, и не самая сильная; страх, ненависть, отчаяние... Но с ними мне все ясно, а любовь... Тут совсем другое. Она для меня любопытна. И мы часто сталкиваемся с ней. Бывает, она приводит человека ко мне, бывает, отнимает его у меня. И я могу уступить.

— Как это? — не понял Виталий.

— Как приводит? Да очень просто! Мало ли случаев, да еще у молодых, когда мозгов в голове немного. Ах, он меня не любит, ах, он меня бросил, ах, он нашел другую. И раз бритвой по венам. Или в окно. Или горсть таблеток в рот...

Он слегка поморщился, раздосадованный тем, что *она* его не понимает. Обычно всегда заглядывает в его мысли — не успел он подумать, а *она* уже тут как тут. А сейчас отвечает не на тот вопрос. Или это специально?

— То, что можно, как в книгах пишут, умереть от любви, для меня не новость. Правда, я всегда считал это глупостью, а уж сейчас... Я говорю совсем о другом. Как может любовь спасать от смерти? Разве это не поэтический оборот?

Она рассмеялась, снова тряхнула густыми темно-рыжими волосами.

— Да нет, мой милый, это как раз и самая что ни на есть реальность... Вот возьми для примера хоть своего знакомца писателя. Если бы не его жена, я бы сразу его забрала, когда у него приступ был. А она не дала. Соседку-врача среди ночи разбудила, «Скорую» вызвала, всех на ноги подняла... И я ей уступила. *Пока*.

— А, вот, значит, как...

Новость о том, что писатель Дмитрий Россихин пока оставался жив, пожалуй, Малахова даже обрадовала. Но все-таки в данный момент его гораздо больше занимала собственная судьба.

— Ладно, так уж и быть, — проговорила дама после небольшой паузы. — Я не буду сегодня требовать от тебя, чтобы ты принял решение сию минуту. И более того — я даже скажу тебе, кто должен тебя убить.

Виталий так и подскочил на жесткой лавке:

— Ты назовешь мне имя этого человека? Того, из-за кого мы с тобой встретились? Того, на чью жизнь я мог бы обменять свою?

Она усмехнулась:

— Нет, милый, это было бы слишком просто. *Этого* имени я тебе не назову.

— Тогда, прости, я тебя не понимаю...

— А что же тут непонятного? Уж не думаешь ли ты, что тот, кто задумал тебя убрать, намерен сделать это лично, своими руками?

— А-а, ясно. Он нанял киллера, да?

— Не киллера. На киллера этот парень явно не тянет... Это не профессиональный убийца.

— А кто он, этот парень? — с жадностью выпрашивал Малахов. — Я его знаю?

— Знаешь. И, думаю, скоро вспомнишь. Его зовут Сергей Псарев.

— Псарев... Псарев... — он сосредоточился, пытаясь вызвать в памяти образ, но ничего не получалось. — Нет, что-то не припо...

— Он работал у тебя водителем в прошлом году, — перебила дама. — Высокий, сутулый, с седыми висками...

— Да, вспомнил. Такой мрачный, никогда не шутил, не улыбался. И еще от него вечно пахло дешевым табаком. Работал-то он неплохо... Но был какой-то странный, точно погруженный в себя. И постоянно то опаздывал, то отпрашивался...

— И ты его уволил. Помнишь этот момент?

Да, Виталий помнил, хотя это был и не самый приятный эпизод в его жизни. Тогда по вине водителя у него вышли неприятности. Тот, видите ли, позвонил в последний момент перед тем, как надо было выезжать на важную встречу, и в очередной раз сказал, что не сможет быть в этот день на работе. Малахов опоздал, встреча прошла неудачно, выгодный контракт сорвался. Раздосадованный Виталий тут же позвонил Васильичу, своему директору по персоналу, и наорал на него за то, что он берет в штат неизвестно кого. Больше Сергей на работе не появлялся.

— И что? Прошло уже много времени, больше полугода. Неужели этот Сергей до сих пор зол на меня? Да чушь собачья!

— Ты так думаешь? — она слегка прищурилась. — А хочешь знать, почему он был таким, как ты выразился, странным? И как сложилась его дальнейшая судьба?

Малахов промолчал. На самом деле он, конечно, не хотел этого знать, поскольку не сомневался, что ничего хорошего сейчас не услышит. Но не заявлять же об этом вслух?

— У твоего бывшего водителя Сергея есть дочь Наденька, — продолжала дама. — Девочка тяжело больна. Можно сказать, больна смертельно, — она чуть усмехнулась. — Спасти ее может только дорогостоящая операция. Твой водитель опаздывал и отпрашивался как раз в те дни, когда Наде становилось плохо...

— Я этого не знал! Клянусь, не знал! — воскликнул Малахов. — Он

ни разу не сказал об этом!

— После того, как ты его уволил, семья Сергея осталась без средств, — *она* словно не слышала его слов. — Жена его не работает, сидит с дочкой, дедушек-бабушек у них нет. Конечно, Сергей постоянно пытается снова устроиться на работу. Но в тех местах, куда он приходит, обязательно звонят на предыдущее место службы — и твой директор по кадрам каждый раз не ленится сообщать, что уволил бывшего сотрудника за прогулы и опоздания.

— Вот оно что... — тихо проговорил Виталий, но дама снова не обратила на него внимания.

— Тот, кто задумал тебя убрать, — продолжала *она*, — рассчитал все очень точно. Бывший водитель обижен на тебя — ведь ты испортил ему жизнь. Теперь появилась возможность отомстить... А той суммы, которая предложена за твое устранение, как раз хватит на Надину операцию. Ну, а если еще принять в расчет, что Сергей спортсмен, мастер спорта по стрельбе, в армии был снайпером, и разобраться с тобой ему ничего не стоит, то он — ну просто-таки идеальная кандидатура на роль твоего убийцы.

— Когда он убьет меня? — хмуро спросил Виталий после долгого молчания.

Она слегка улыбнулась в ответ:

— Он еще не решил, убивать тебя или нет.

— То есть моя смерть зависит от него?

— Только в некоторой степени. Не забывай, что последнее слово все-таки остается за мной. Всегда.

— Я это помню...

— Ну, вот и молодец.

— Послушай, а зачем тебе это все? — вдруг спросил он. — Зачем ты рассказала мне сейчас о Сергее? Зачем вообще встречаешься, разговариваешь со мной? Зачем это тебе нужно?

Она рассмеялась в ответ — низко, гортанно, кокетливо:

— Надеюсь, ты довольно скоро это поймешь... А сейчас тебе пора. Скоро будет дождь.

— Дождь? — удивился он. — Небо ведь абсолютно чистое!

— А ты посмотри вон туда, — *она* указала красивым длинным пальцем с дизайнерским маникюром куда-то ему за спину.

Он обернулся и поглядел в ту сторону. Действительно, где-то вдали уже начали скапливаться облака.

Когда же Виталий вновь повернулся, в кресле перед ним никого не

было. Дама исчезла.

Часа через два с половиной он уже был у себя в офисе. Шел по огромному залу, разделенному на секции пластиковыми перегородками, и поражался тому, насколько чужим он вдруг стал чувствовать себя здесь. Конечно, за несколько дней в конторе ничего не изменилось. Так же кипела работа, звонили телефоны и суетились сотрудники. Но теперь он, Малахов, был уже совершенно другим. За какие-то несколько недель такие вечные мужские ценности, как «дело», «бизнес», «успех», совершенно потеряли для него свою значимость, более того, стали просто неинтересны. Увидев его, секретарша Поинка встрепенулась, дернулась было из-за стола, хотела что-то сказать, но он остановил ее движением руки.

— Я уже сказал: пусть все вопросы решает Аркадий. Или Николай. Меня сейчас не трогать. Вообще. Нет меня, я вроде как в отпуске. Поняла?

Секретарша испуганно закивала хорошенькой головкой.

— Ну и умница. Тогда вызови ко мне Васильича.

Малахов вошел в свой кабинет и уселся в любимое кресло под портретом Рокфеллера. Тело рефлекторно приняло обычную, столь знакомую ему позу, но привычного ощущения комфорта за этим не последовало.

— Виталь, я с тобой поговорить хотел, — заглянул в кабинет Коля Тихомиров. Но Малахов только головой покачал:

— Извини, не сейчас. Я занят.

— Звали, Виталий Палыч? — Одного взгляда на директора по персоналу было достаточно, чтобы понять — это бывший офицер. И выправка, и походка, и интонации, и стрижка, и даже почему-то усы с проседью — все в нем было военным.

Малахов кивком указал ему на стул.

— Ты помнишь Сергея Псарева? — спросил он без всяких предисловий.

Мужественное лицо Васильича отразило напряженную умственную работу.

— Псарев... Сергей... Менеджер?

— Водитель.

— Водитель... Ваш? Да, конечно, помню. Месяца четыре он проработал... Мы его в ноябре уволили за прогулы.

Виталий посмотрел на своего заместителя в упор:

— Скажи, ты знал о том, что у него смертельно больна дочь? Директор по персоналу ответил удивленным взглядом:

— Да, конечно. Девочки говорили, они у меня все про всех знают.

— А почему ты мне об этом ничего не сказал?

Взгляд Васильича из удивленного сделался недоуменным.

— Дык зачем это *вам* было надо? На то мы, ваши заместители, и существуем, чтобы руководства не касались проблемы подчиненных.

Малахов мог бы многое сказать в ответ, но не стал этого делать. Последние дни он все сильнее чувствовал, насколько остро стал ценить каждый оставшийся миг жизни. Ему было просто жаль тратить драгоценные минуты на такую чепуху, как бестолковые споры, бессмысленные объяснения и прочий бисер перед свиньями. Он лишь спросил:

— У тебя остались его координаты? Телефон, адрес? Васильич весь подобрался:

— Найдем!

— Только поскорее, ладно? У меня совсем времени нет. Директор по персоналу понимающе кивнул, но на самом деле, ему, конечно, и в голову не могло прийти, *что* имеет в виду его начальник...

— Да, кстати, Виталий Павлович, новые водители, — Васильич раскрыл принесенную с собой папку. — У меня вот тут резюме...

— Не нужно, — отмахнулся его шеф. — Можешь идти, только про координаты Псарева не забудь.

Координаты действительно быстро нашлись в компьютерной базе данных, но в телефонный номер вкралась ошибка — девочки пропустили одну цифру. И Виталий опять вспомнил свою мудрую бабушку Веру Кузьминичну — все, что Господь ни делает, к лучшему. Теперь ему не оставалось ничего другого, как отправиться на поиски 10-й улицы Текстильщиков. До этого Малахов и знать не знал, что в его любимом городе есть улица с таким дурацким названием...

Центр, как обычно в будни, был забит, и у Виталия нашлось немало времени на то, чтобы обдумать происходящее. И так, Сергей Псарев, водитель и снайпер, нанят для убийства своего бывшего шефа. Подтверждает этот факт догадку, что заказчиком является Джозеф Коллуэй, или опровергает? Пожалуй, подтверждает. Время работы Сергея на Малахова как раз совпало со временем предыдущего визита американца. Сергей неоднократно их возил, Виталий это отлично помнит. А Джо постоянно бывал у них в конторе и запросто мог услышать какой-нибудь разговор...

Он долго кружил на своем «Лексусе» по безликой рабочей окраине среди одинаковых хрущовских пятиэтажек, пока не отыскал наконец нужный дом. Свободно вошел в подъезд — в центре незапирающихся

парадных уже давным-давно не осталось, все они много лет как обзавелись кодовыми замками, домофонами и прочими охранными системами, а здесь дверь просто была распахнута, и только из стены торчали обрывки проводов. Внутри было грязно, пахло кошками, мочой и кислой капустой, прямо на ступеньках валялись окурки, пустые бутылки и даже использованный шприц — не иначе, вечером тут «отрывались» подростки. Брезгливо переступая через следы тусовки, Виталий поднялся на пятый этаж и не без труда вычислил нужную квартиру — номеров на дверях почти не было, у многих звонки были вырваны «с мясом». Звонок около квартиры Псаревых был цел, но, видимо, не работал, — во всяком случае, при нажатии на пуговку он не издал ни звука. Малахов осторожно постучал костяшками пальцев в обитую облезлым дерматином дверь.

— Кто там? — спросил тихий и какой-то тусклый женский голос.

— Як Сергею, — отвечал он.

Дверь приоткрылась, и на пороге показалась еще молодая худощавая женщина в вылинявшем халате. При взгляде на нее Виталий подумал, что она могла бы быть привлекательной, если бы привела себя в порядок, наложила макияж, приделась, сделала бы прическу... Волосы у нее, по всей видимости, были очень красивые, густые и длинные. Но сейчас они были небрежно склоты дешевой заколкой, на лице не было никакой косметики, и выглядело оно усталым и замученным.

Женщина окинула его удивленным взглядом, стыдливо прикрыла воротом халата открывшуюся стройную шею и переспросила:

— Простите, вы к кому?

— К Сергею Михайловичу. Он дома?

— Нет, вышел в аптеку, но должен вот-вот вернуться. Заходите.

Она посторонилась, пропуская его в полумрак квартиры. В нос ударил стойкий запах лекарств. У Псаревых была такая же однокомнатная квартирка, как у Галки Антиповой, даже планировка и расположение точь-в-точь — крошечная прихожая, совмещенный санузел, прямо комната, налево кухонька, площадью от силы метров в шесть. Сколько он, Малахов, не бывал уже в таких квартирах — лет десять, как минимум...

Он снял ботинки — идти в дом, где тяжело болен ребенок, в уличной обуви показалось кощунственным. Хозяйка придвинула ему старые тапочки и пригласила:

— Проходите в кухню.

— Мама! — позвал из комнаты детский голос.

— Я сейчас, — женщина кивнула Виталию и скрылась за дверью. Чистенькая кухня была обставлена пластиковой мебелью со стертым

цветочным рисунком. Виталий еще помнил то время, когда такие гарнитуры казались советским людям пределом мечтаний, их покупали по записи, ждали месяцами, ходили в очереди отмечаться...

На подоконнике стоял цветок, точно такой же, как в любимом кафе Виталия — с резными листьями на толстых черенках, покрытых красноватым «пушком», и с неизвестным названием. Малахов улыбнулся растению, точно старому другу.

В прихожей послышался какой-то шум, потом дверь отворилась, и в кухню вошел Сергей. Виталий даже не сразу узнал своего бывшего водителя. Сейчас он уже не казался таким здоровым, как раньше. Парень еще больше ссутулился, как-то обмяк, плечи опустились, проседь, раньше бывшая только на висках, теперь тронула всю голову, а глаза как-то потухли, точно за это время Сергей стал хуже видеть.

— Вы?! — он даже не сказал это, а словно бы выдохнул.

— Ну да, я.

Сергей протиснулся в кухню, не глядя, бросил на холодильник небольшой зеленый пакет с фирменной символикой аптеки.

— Вы все знаете, — проговорил он. Это было утверждение, а не вопрос. Во всем его поведении, в словах, в интонации читалась какая-то обреченность.

Виталий не стал распространяться на эту тему.

— Сергей, я приехал извиниться перед тобой. С тобой обошлись крайне несправедливо, и это моя вина. Меня оправдывает то, что я ничего не знал о болезни Нади. Мне сообщили об этом только сегодня, и то совершенно случайно.

Бывший водитель молчал, уставившись на покрывавший пол старый линолеум. Его лицо ничего не выражало.

— Как здоровье девочки? — поинтересовался Малахов.

— Сейчас чуть лучше, — хмуро отвечал Сергей. — Мне удалось немного подработать, мы покупаем лекарства, — он кивнул на холодильник, где лежал аптечный пакет.

— Нужна операция, да?

— Необходима. Врачи говорят, что сейчас, пока Надюшка еще маленькая, ее можно спасти, потом может быть поздно...

— Это трудно организовать? Наверное, придется везти девочку куда-то за границу? Или ждать очереди здесь?

— Да нет, — пожал широкими плечами Сергей. — Такие операции делают и у нас, в Филатовской больнице. Надюха там уже давно наблюдается. И к операции все готово, ее могут провести хоть завтра, как

только будут деньги. Я договорился, что ког... — он замолк на полуслове и кинул быстрый взгляд на Виталия.

«Ну, конечно, — сказал сам себе Малахов. — Он уже все решил. У него уже все готово. Он убьет меня, получит деньги и спасет свою дочь».

Как ни странно, эта мысль не то что не шокировала его, более того, она показалась ему совершенно естественной. Он давно уже признался себе, что вполне мог бы поступить так же, если бы речь шла о его собственной дочери, о Дольке. Конечно, он сначала сделал бы все, чтобы найти какой-то другой выход... Но кто сказал, что Сергей их не искал? И не отчаялся?

— Сколько стоит операция?

— Тридцать три с половиной тысячи евро, — быстро ответил тот. Видимо, эта цифра постоянно присутствовала в его сознании.

Тридцать три с половиной тысячи... Это даже не трехсотая часть месячного оборота «Мит-сити». Да что там обороты! Ланина шубка из серебристого песка стоила намного дороже. Дороже, чем жизнь маленькой девочки.

Малахов не успел ничего сказать — в кухне появилась жена Сергея. Виталий заметил, что она переделалась. Теперь на женщине были недорогие джинсы и футболка.

— Это моя жена Ольга, Леля, — представил Сергей. — А это Виталий Павлович, мой... э-э...

— Мы работали вместе с Сергеем, — объяснил Малахов.

— Хотите чаю?

— Да, пожалуйста...

Хозяева явно чувствовали себя в его обществе несколько неудобно, но сам он, как ни странно, никакой неловкости не ощущал. Сидел за одним столом со своим будущим убийцей, смотрел на цветок и не испытывал ни напряжения, ни дискомфорта. Как же все перевернулось в жизни с тех пор, как он встретил в казино женщину в красном платье...

Леля разлила чай. Перед Виталием поставили явно лучшую в доме чашку, Сергей пил из большой алюминиевой кружки, точно такой же, как была когда-то в детстве у Малахова.

— Это у меня с армии осталось, — сказал Сергей, уловив его взгляд. — Я к ней привык...

— А где ваша дочь? — поинтересовался Виталий. — Она лежит, не сможет выйти к нам?

— Я сейчас спрошу, — пообещала Леля, скрылась за дверью и вскоре вернулась в сопровождении бледной худенькой девочки лет девяти с очень

светлыми волосами и огромными, выразительными глазами. Малахова всегда поражали глаза детей, которым выпало на долю страдание. Такие дети всегда выглядят старше и смотрят так, будто знают нечто такое, что недоступно более никому... Ни взрослым, ни другим детям.

— А можно я покажу вам свои рисунки? — вдруг спросила Надя, поздоровавшись.

— Она у нас теперь редко общается с кем-то, — сказала, словно извиняясь, Леля.

— Конечно, покажи! — улыбнулся Малахов.

Девочка на минуту исчезла и вскоре появилась с альбомной папкой в руках. Виталий с интересом стал рассматривать рисунки, сделанные, насколько он мог понять, акварелью, гуашью или цветными фломастерами.

Конечно, ему тут же снова вспомнилась собственная дочь и ее художественное творчество — Долька ведь тоже с детства увлекалась живописью. Но ее работы были совсем другими. Рисуя, она всегда давала волю фантазии, изображала дворцы, замки, сцены из сказок, несуществующих животных... С годами ее картинки становились все более мрачными, роскошные залы дворцов превратились в темные подземелья, сказочные животные приобрели облик ужасных чудовищ, и замки высились уже не посреди прекрасных садов, а на фоне озаренного луной ночного неба или сверкающих молний.

Рисунки маленькой Нади выглядели совершенно иначе. Они были простыми, трогательными и удивительно живыми — ветка тополя с только-только распустившимися нежными листьями в стеклянной банке, цветущие ромашки, умывающийся рыжий котенок, резиновый мяч в луже под скамейкой... Может быть, картинкам еще недоставало техники, профессионализма — но в каждой из них уже были искренность, настроение, тепло и доброта. И торжество жизни, за которую так боролась юная художница. Даже Виталий, не слишком-то разбирающийся в живописи, сразу понял, что Наденька очень талантлива.

— Потрясающе! — искренне повторял он, рассматривая лист за листом. — Просто потрясающе.

— Она у нас успела немного позаниматься в художественной школе, — доверительно поведала Леля. — В позапрошлом году. Так Дарья Николаевна, преподаватель, очень ее хвалила. «Ты, — говорит, — прямо самородок, как твоя тетка Надя Рушева. Хоть вы и работаете совершенно в разной манере...»

— А кто это — Надя Рушева? — поинтересовался Малахов.

— Вы не знаете? Была такая девочка в семидесятых годах, очень

одаренная... Она рано умерла... — и женщина запнулась, точно у нее к горлу подступил ком.

— А может, нам издать Надин альбом? — поделился Виталий внезапно пришедшей в голову идеей. — Это ведь сейчас совсем несложно!

Девочка, казалось, не поверила своим ушам.

— Как это — издать альбом? — удивленно переспросила она.

— Ну так. Как делают все художники. Возьмем рисунки, которые ты сама выберешь, отпечатаем, соберем в книжку — и получится альбом. С твоей фотографией на обложке.

— Нет, правда? Вы не шутите? Вы можете так сделать?

— Ну конечно же. Я тебе это обещаю.

— Мама! Мама, ты слышала? У меня будет собственный альбом! С фотографией! Как у настоящих художников! — от радости Надя даже подпрыгнула, но тут же испуганно замерла на месте, побледнела, вся сжалась.

— Что? — кинулись к ней родители. — Плохо?

— Нет, ничего, — девочка вымученно улыбнулась и тут же вновь перевела взгляд на гостя. — Скажите, а можно будет?... — и она засыпала его множеством вопросов, на которые он терпеливо, с улыбкой отвечал.

Надюшка сдержанно ликовала, ее мама растерянно улыбалась, отец хмурился. А Малахов вдруг ясно представил себе, как было бы здорово, если бы альбомы Нади Псаревой стали выходить регулярно, скажем, раз в год. Девочка бы росла, и фотографии на обложке менялись бы по мере ее взросления...

Когда Надя, выпросив все, что ее интересовало, ушла в комнату смотреть какую-то телепередачу, Виталий поднялся из-за стола.

— Спасибо за хлеб, за соль, за приют, — сказал он. — И вот еще что... Я думаю, компания «Мит-сити» вполне в состоянии оплатить операцию Нади. В качестве компенсации бывшему сотруднику за ошибочное и несправедливое увольнение.

Сергей и Ольга как по команде уставились на него.

— Что-что? — спросили они хором.

— Мне нужен будет номер счета, — продолжал Малахов. — Дайте мне его прямо сейчас, я позвоню в контору, чтобы деньги перевели как можно скорее. Да, Сергей, кстати, а не засиделся ли ты дома? Могу помочь тебе с устройством на работу. Ко мне ты, думаю, не пойдешь, но один из моих приятелей, Борька Егорин, как раз ищет персонального водителя. Вот тебе его телефон, скажешь, что...

Договорить он не успел. Леля вдруг издала странный возглас, то ли

вскрикнула, то ли всхлипнула, зарыдала и упала ему в ноги, прямо на рваный линолеум. Пластиковая заколка отскочила куда-то под холодильник, и ничем не сдерживаемые великолепные светлые волосы густо рассыпались по плечам.

Выйдя на улицу, Виталий с удивлением обнаружил, что, оказывается, прошел дождь. Отдаленный район утопал в зелени, запах влажной земли, молодой травы, свежих листьев был настолько силен, что Малахов даже остановился на несколько минут, вдыхая полной грудью и наслаждаясь ароматом весны.

«Господи, такое ощущение, что жизнь ко мне возвращается...» — вдруг подумал Виталий. Но он, конечно, помнил, что это было совсем не так...

Глава 11 Последний срок

Весь следующий день, возможно, последний в своей жизни, Малахов провел с собственной дочерью.

— О, да у тебя новая прическа! — отметил он, когда девушка утром села к нему в машину. — Здорово! Тебе идет.

— Правда? — просияла Долька, глаза-виноградины так и засветились. Она и впрямь выглядела по-другому — волосы, раньше растрепанные, в беспорядке падавшие ей на плечи и свисавшие далеко на спину, теперь потеряли почти половину своей длины и приобрели аккуратный, ухоженный вид. — Это я на праздники, пока вас не было, сходила к Лане в салон и поменяла имидж.

— А я и не знал, что ты пользуешься услугами ее салона, — этот факт почему-то обрадовал Виталия. Точно это был пусть слабенький, но все же лучик тепла, которое со временем — кто знает? — способно будет растопить лед в отношениях между матерью и дочерью.

— Ну а какой смысл нести деньги на сторону, когда в семье есть собственный салон красоты? — отвечала практичная Долька. — Тебе честно нравится?

— Честно. Очень-очень.

Сначала они отправились к ней в институт, на семинар поэзии. Малахов, отчего-то робея и смущаясь, прошел вместе со студентами в аудиторию, забрался на последний ряд и слушал оттуда, как Долька читает собравшимся свои новые стихи. Девочка держалась уверенно, читала хорошо, и стихотворения, с точки зрения Виталия, были прекрасными. Особенно ему понравилось одно:

Осень пришла не стучась в мой дом,
Забыв о желаниях моих.
В сердце вновь прогремело как гром
Прикосновение пальцев твоих.
Милый мой, ласковый друг,
Прости мне ошибки, прости,
Не выпускай из кольца твоих рук
И в сердце свое впусти.
И не нарушив покой,
В нем я останусь навек...

Бог мой, спасибо за все,
Славный мой человек.

Потом слово взял руководитель мастер-класса и красивым, хорошо поставленным голосом разбирал Долькино творчество, много придирался и критиковал, но больше хвалил. Мэтр, известный поэт и переводчик, на вид был строг, седобород, опирался на массивную палку и походил на Деда Мороза — но не того доброго красноногого старичка, который приходит к детям на елки с большим мешком, а на персонажа языческих сказаний, сурового властителя зимы, кто может и одарить, наградив по справедливости, но чаще гневается и застуживает бедных путников до смерти. Слышать похвалы из уст такого человека было вдвойне приятно. Виталий застыл на своей «Камчатке», боясь даже пошевелиться, и сердце его так и распирало от радости и гордости за дочь.

Потом они вместе покинули полные толчеи и веселого шума узкие коридоры института и отправились обедать в ресторанчик «Дрова», находившийся в подвале того же здания — Дома журналиста. Не сговариваясь, оба выбрали шведский стол, наелись до отвала и поехали «растрясать желудки» в Коломенское. Это было одно из самых любимых мест их прогулок еще со времен Долькиного детства.

Девушка щебетала о своих делах, о преподавателях, сокурсниках, о будущей публикации в институтском альманахе, Малахов уклончиво рассказал о покупке дома и, гораздо подробнее, — о Сергее, его дочери Надежде и ее рисунках. Долька приняла эту историю очень близко к сердцу.

— Надо же! Я его помню, Сергея. Кажется, даже знала, что у него что-то неладно с девочкой, но и представить не могла, что до такой степени... А ты... Какой же ты молодец, Вит! Ну просто благородный герой.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Малахов.

Гуляя, они добрались до одного из самых красивых мест Коломенского — старинной церкви на холме, и поднялись по высокой лестнице. Дольке всегда нравился находящийся рядом с храмом старый погост, а Виталия, которому в последнее время кладбищ было более чем достаточно, вдруг неудержимо потянуло в церковь.

— Давай зайдем! — предложил он. Она покачала головой:

— Я не пойду. Не мое это место.

— Но мне очень нужно! — настаивал он.

— Так сходи один. А я подожду тебя здесь.

Как ему раньше не пришла в голову такая простая мысль! В церковь он ходил редко, разве что совсем в детстве, вместе с бабой Верой — та была набожна, не пропускала ни одной праздничной службы, настояла на том, чтобы Виталия окрестили, и часто водила его с собой к обедне или заутрене. Но ему, мальчишке, в храме было скучно. От духоты, густых запахов и пения разбалывалась голова, и, став чуть старше, он наотрез отказался сопровождать бабушку, мотивируя тем, что теперь он пионер, а пионеры в Бога не верят...

Малахов купил самую большую свечу, запалил ее перед образом Богородицы и долго стоял, практически один в целом храме, если не считать старушек прислужниц. Он не молился, не просил ни о чем и даже толком ни о чем не думал. Просто стоял в благоговейной тишине и смотрел на потемневшие от времени лики Богоматери и Младенца-Спасителя. Потом прошептал: «Прости», сам не зная, к кому обращается, и тихо вышел из храма.

Вечером Долька уговорила его сходить в кинотеатр на поздний сеанс и посмотреть мюзикл «Призрак оперы». Малахов сперва изумился такому предложению, а потом подумал: «А почему бы и нет?» Он попытался вспомнить, когда последний раз был в кино, и у него ничего не получилось. Вообще-то он старался быть в курсе экранных новинок, но уже давно смотрел все фильмы только с дивиди — дисков на домашнем кинотеатре.

Фильм увлек его с первых же кадров: яркостью красок, волшебством музыки и обаянием какой-то удивительно естественной, искренней актерской игры. На два часа, или сколько там продолжалась картина, Виталий напрочь забыл обо всех своих переживаниях. Он словно бы перенесся по ту сторону экрана, и единственное, что оставалось для него в этом мире, — это лицо Дольки. Она тоже увлеченно наблюдала за действием, но при этом нет-нет да взглядывала в его сторону, точно постоянно наблюдала за его реакцией.

— Ну и как? Тебе понравилось? — спросила дочь, когда они вышли на темную улицу.

— Очень! — честно признался Малахов. — Музыка, голоса, декорации — все отлично. И героиня просто очаровательна.

— Дура, — пожала плечами девушка.

— Почему, Долькин? — удивился он.

— Да потому что выбрала этого слюнтяя Рауля.

— Ты считаешь, она должна была бы предпочесть Призрака? — улыбнулся Виталий.

Долька пожала плечами:

— Ну, конечно же! Это настоящая личность, пережившая столько страданий... К тому же он напоминал ей отца. Я бы на ее месте даже не сомневалась!

— Но она всю жизнь была потом счастлива с Раулем.

— Разве это счастье? Житейское болото!..

Малахов больше не стал с ней спорить и только улыбнулся про себя. Как она все-таки еще юна... Девочка-май.

Они помолчали, прошли некоторое время, погруженные каждый в свои мысли, а потом вдруг одновременно, не сговариваясь, запели вполголоса лейтмотив из фильма: «In dreams he comes to me...»^[15] Посмотрели друг на друга и расхохотались.

Кинотеатр находился недалеко от ее дома, поэтому Виталий оставил свой «Лексус» на знакомой стоянке. Он довел дочку до подъезда и привычно поцеловал в щеку.

— А может, переночуешь у меня? — предложила она на прощание, кинув взгляд на часы. — Уже за полночь, что ты — попрешься через весь город?

— Нет, Долькин, мне завтра рано вставать, — покачал головой Малахов. — У меня с утра важная встреча.

— С мужчиной или с женщиной? — лукаво улыбнулась девушка.

— Как тебе сказать... — замялся Виталий. — Скорее с женщиной.

— Тогда это получается уже не встреча, а свидание, а?

— Ну ты скажешь тоже! — рассмеялся он в ответ. — Уж чем-чем, а амурами там и не пахнет...

Дочь вдруг так внимательно посмотрела на него, словно догадалась о чем-то.

— Такое чувство, что ты очень не хочешь идти на эту встречу... — вдруг проговорила она.

— Не хочу, Долькин, — честно признался он. — Ты даже не представляешь, насколько не хочу. Больше всего на свете.

— Так не ездь, — пожала плечами дочь.

— Если бы я мог...

Дома он был уже во втором часу, почти одновременно с ним вернулась и Лана — веселая, слегка хмельная, с блестящими глазами.

— Ой, зайка, как здорово, что ты еще не спишь! — обрадовалась она. — Я как раз хотела с тобой поговорить про нашу «Черную радугу».

— Извини, но я очень устал и хочу лечь, — ответил он, удаляясь в свою спальню. — Потом поговорим, ладно?

В ту ночь он впервые за все это время спал плохо — ворочался, то и

дело просыпался, видел какие-то смутные неприятные сны. А утром встал с мыслью — а ведь Долька права... Какого черта он каждый раз мчится к этой дурацкой сторожке, покорно, точно овца на заклатие? А что, если и правда сегодня взять и не поехать?

Конечно, он не надеялся, что таким образом сумеет скрыться от неизбежности или хотя бы отсрочить ее. Скорее в этом поступке было какое-то мальчишество, желание самоутвердиться, продемонстрировать — а вот я какой, смелый и независимый! Хочу — еду, хочу — нет. Хотя, возможно, им двигало любопытство, стремление узнать, что из этого получится. Но не исключено, что просто страх. Так многие люди оттягивают до последнего визит к врачу, не сомневаясь, что им предстоит узнать или пережить там нечто очень неприятное.

Так или иначе, на Волоколамку Виталий сегодня не поехал, а вместо этого отправился в офис. Дежуривший на входе новый секьюрити, очевидно, нанятый за время его отсутствия и видевший шефа первый раз, преградил ему путь и сурово спросил:

— Простите, чем я могу вам помочь?

— Ничем! — отвечал раздосадованный Малахов. — Если только тем, что уйдешь с дороги.

— Э-э, послушайте!..

Виталий уже готов был сказать этому бугаю пару ласковых, но тут появился Денис, начальник охраны, и быстро объяснил новичку, что к чему. Тот принялся извиняться, а Малахов с горечью подумал: «Ну вот, меня уже перестали узнавать в собственной конторе...»

Войдя в помещение, он почти сразу же столкнулся с Аркадием.

— А, шеф! Добрый день! Решили нас навестить? — с улыбкой поинтересовался первый заместитель, пожимая ему руку. Малахов даже прореагировать не успел, как к ним тут же приблизился Васильич, директор по кадрам.

— Аркадий Андреевич... Добрый день, Виталий Павлович. Аркадий Андреевич, представляете, Коля Тихомиров вдруг увольняться надумал. Бухнул мне на стол заявление об уходе.

— С чего это он вдруг? — удивился Аркадий. — Ладно, зайди ко мне минут через десять, поговорим.

Раньше такие вопросы всегда решал только сам Малахов. А теперь человек, с которым они бок о бок проработали восемь лет, увольняется и даже не считает нужным поставить его в известность.

— Аркадий Андреич! — подлетела взволнованная Поинка. — Подойдите быстрее к телефону, там из префектуры звонят!.. Ой, Виталий

Павлыч, здрасьте, я вас не заметила...

Вот уже даже и так. Не заметила.

Малахов шел по гудящему, как улей, офису и снова, как и позавчера, чувствовал себя здесь чужим. Но сегодня вдруг осознал, что дело не только в нем, его проблемах и душевном состоянии. Просто раньше он был уверен, что сам является центром этой мини-вселенной, двигателем сложного механизма, что без него тут все встанет и умрет... А выяснилось, что налаженная машина прекрасно работает и в его отсутствие.

«Для них я уже умер, — думал Виталий, глядя на своих занятых работой многочисленных подчиненных. — Им все равно, кто будет сидеть в кабинете шефа — я, Аркашка, Коля Тихомиров, Васильич... Да хоть Полинка, лишь бы зарплату вовремя платили! Я здесь никому не нужен. Хотя почему здесь? Я вообще никому особо не нужен. Разве что Дольке. А так... Даже телефон последние дни все время молчит».

И тут же, словно опровергая его мысли, в кармане запиликал сотовый. Номер, высветившийся на дисплее, был ему неизвестен.

— Алло?

— Виталик? — торопливо проговорил незнакомый и в то же время какой-то удивительно родной женский голос. — Не узнал меня? Это Наташа.

— Наташа? Мне сейчас не совсем удобно... — он все еще находился в общем зале, среди множества посторонних ушей. — Я тебе перезвоню через некоторое время...

— Нет, тогда я уже не смогу говорить, извини, — отвечала она с сожалением. — Да я, собственно, только на минутку. Попроцаться. Мы с Джозефом через час улетаем в Америку. Возможно, насовсем.

— Вот как? Поздравляю.

— Спасибо...

— У тебя такой тон, будто ты не рада.

— Я сама не знаю... Все так сложно... Знаешь, тут такое было! Я и не думала, что Джозик на такое способен. Он просто рвал и метал! Сказал, что если я еще хоть раз произнесу твое имя, он убьет и меня и тебя. Можешь себе представить?

— Могу, — серьезно отвечал Малахов. Конечно, Наташа ничего не знала о запланированном убийстве. Было бы странно, если бы оказалось иначе.

— В общем, я все это время даже позвонить тебе не могла, — продолжала она. — С трудом улучила минутку. Так что прощай, не поминай лихом.

— До свиданья, Наташа. Меня тут кто-то научил, что говорить «прощай» плохая примета.

— Знаешь, о чем я жалею все это время? — вдруг сказала она. — Что тогда, в сауне, села рядом с ним, а не рядом с тобой...

И, прежде чем Виталий успел что-либо ответить, в трубке раздались короткие гудки.

«Итак, Джозеф уезжает, — думал Малахов, направляясь к своему кабинету. — Что бы это значило? Наверное, он решил, что безопаснее быть вне страны, когда Сергей меня убьет... А если Сергей после того, как получил от меня деньги на операцию, сам отказался от убийства? Тогда Джозеф наверняка нанял кого-то другого... И что же теперь?»

Он несколько не удивился, увидев *ее* в своем кабинете, в кресле под портретом Рокфеллера. Даже очередной новый облик не сумел его обмануть.

Сегодня она выглядела намного старше, чем когда-либо. Морщинистое лицо и руки, жидкие седые волосы собраны под гребенку, на носу большие очки, на плечах вязаная шаль. На его начальственном месте *она* сидела, точно в качалке, и даже, в довершение образа, что-то такое вязала на спицах.

— Привет! — устало сказал он и опустился на стул по другую сторону своего стола. Кажется, такое было с ним впервые. До этого он ни разу тут не сидел.

— Здравствуй-здравствуй! — отвечала *она*, не поднимая глаз от вязания. — И что это ты вдруг захотел, чтобы я побегала за тобой?

— Ну, ведь это я тебе нужен, а не ты мне, — спокойно парировал Малахов.

— Ты так думаешь? — *она* бросила на него быстрый взгляд и опять склонилась к спицам.

— А то нет! — он вдруг разозлился. — Не будешь же ты утверждать, что это я нуждаюсь в тебе? К твоему сведению, я отлично бы без тебя обошелся. Еще лет тридцать. Или даже сорок. Или даже...

— ...или даже вовсе. Ты считаешь, что лучше всего было бы жить вечно, да?

— Да, я так считаю! Что бы ты там ни говорила о переходе в другой мир и прочем... Я не согласен с этим и не стремлюсь ни в какие другие миры. Меня вполне устраивает этот. Мне тут нравится. И я не хочу его покидать ни сейчас, ни потом...

Она отложила вязание, встала, распрямилась, насколько это позволила ей старческая сутулость.

— Вот, посмотри на меня. Примерно так выглядят те, кому столько, сколько будет тебе лет через тридцать-сорок. А дальше — больше. Трясущиеся руки, слезящиеся слепнущие глаза, из беззубого рта течет слюна, голова дергается, кожа в темных пятнах... Я не говорю уже о постоянных болях, провалах в памяти, помутнении разума... И в таком вот виде ты хотел бы существовать вечно? Знаешь, сколько тех, кто уже не в состоянии себя контролировать и обслуживать, кого измучили боли и страдания? Они призывают меня день и ночь. А я прихожу не к ним, а к тебе.

— Ну и что? Не ждешь же ты от меня благодарности за то, что не даешь мне дожить до старости?

— А разве это не лучше? Умереть молодым, сильным, здоровым? Избежав всех этих мучений, физических и моральных? Знаешь, как тяжело постоянно жить с ощущением, что другим твое существование в тягость? Что родные и дорогие тебе люди вынуждены улыбаться тебе, разговаривать бодрым тоном, тратить свое время и силы на уход за тобой, хотя в душе...

— «...вздыхать и думать про себя: «Когда же черт возьмет тебя?»» — усмехнулся Виталий.

— Да, именно так. Ваш поэт был прав. Я, кстати, хорошо помню его. Мы долго встречались с ним, говорили — вот как с тобой. Откуда, ты думаешь, он взял эти слова?... И он, кстати, оказался в конце концов в более худшем положении, чем ты. У него не было выбора — а тебе я его предложила. Кстати, а хочешь — другой выбор предложу? Ты вот вчера опять благородничал, денег на лечение девочке Наде дал... И вроде как даже и не думаешь о том, что ее отца наняли тебя убить. Или ты все-таки хотел таким образом откупиться от него, а заодно и от меня? А? Признайся?

— Я... Нет... — Ему почему-то было очень стыдно. Так стыдно, как бывало только в очень раннем детстве, когда бабушка Вера ругала за мокрые штаны.

— Не нет, а да. Меня-то не обманывай... Слушай, а если я тебе предложу поменяться с Наденькой? Ты уйдешь' со мной — а она за это останется? Или наоборот?

Видимо, лицо Виталия отразило все происходящие в его душе сомнения, потому что *она* посмотрела на него и рассмеялась старческим кашляющим смехом.

— Ладно, не бойся, деточка, я пошутила... Как вы говорите в ваших играх, первое слово дороже второго. Да и меня *та* кандидатура куда больше интересует... Итак, когда ты дашь мне свой ответ — кто? Ты — или

твой будущий убийца?

— А сколько у меня еще есть времени? — торопливо спросил Малахов.

— Все боишься, все тянешь кота за хвост... — покачала она седой головой. — Ну хорошо, так уж и быть. Я дам тебе еще отсрочку. Но это будет последний раз, слышишь?

«Какой срок я могу попросить, чтобы она согласилась? — судорожно размышлял Виталий. — Год? Нет, это много, не даст... Месяц? Неделю? Хотя бы неделю... Но как же этого мало!..»

— Я даю тебе пять дней, — строго проговорила она. — Пять суток. — Морщинистая рука развернула настольный календарь с изображением петуха. — Сегодня четверг, девятнадцатое мая. Значит, мы встретимся с тобой во вторник, двадцать четвертого. На нашем месте. Не позже четырех часов. Это будет последняя наша встреча, и поверь мне, будет лучше, если ты сам приедешь, а не заставишь гоняться за тобой, как сегодня.

С неожиданной для ее облика энергией она поднялась с места и почти мгновенно исчезла за дверью кабинета. Малахов рванулся следом за ней в приемную — и наткнулся на удивленный взгляд Полинки.

— Виталий Палыч, что с вами? У вас такое лицо...

— Ты видела, кто сейчас вышел из моего кабинета? Аккуратно выщипанные бровки девушки поднялись чуть не до середины лба, подведенные глаза распахнулись во всю ширь.

— Никто не выходил! Я тут сию не вставая, но никого не видела... Ой, Виталь Палыч, у вас там мобильник в кабинете разрывается, слышите?

На этот раз звонила Лана.

— Зайка, ты в последние дни стал такой неуловимый... Скоро мне, чтобы встретиться с тобой, придется записываться у Полины на прием. Я просыпаюсь — ты уже уехал, приезжаю домой — ты спишь...

У Виталия так и рвались с языка слова, что приезжать надо, как нормальные жены, ранним вечером, и готовить мужу ужин, а не шляться неизвестно где, свалив всю домашнюю работу на помощницу по хозяйству. Но он сдержался:

— Да, я что-то совсем закрутился последнее время.

— А у меня для тебя новость. Моя Таня Госс побывала в нашем поместье и говорит, что там все нормально, забор уже начали ставить. Теперь нам с тобой нужно опять связаться...

— Постой-постой! — перебил Малахов. — Она ездила туда одна, без тебя? Но ты же говорила, что она не знает дороги!

— Виталик, ну что ты вечно создаешь проблемы там, где их нет! Как

не знала, так и узнала. Может, ей Максим рассказал...

— Может или точно?

— Ой, зайка, ну что ты ко мне пристал? Мне что — больше заняться нечем? Ты бы лучше позвонил Стасу Кириллову в «СТК-проджект», договорился бы о встрече. Пригласи его куда-нибудь в приличное место на ужин. Надо нам с ним втроем сесть, все распланировать, поговорить о строительстве...

— Ладно, позвоню.

Он дал себе слово, что потратит оставшиеся пять дней с максимальной пользой. Но время бежало с ужасающей скоростью, а дела, заполнявшие его, были какими-то мелкими и суетными. Да, нужно было встретиться со Стасом, договориться о ходе проектных работ в «Черной радуге» и оплате, чтобы дальше все бы шло уже без него. Да, необходимо было привести все в порядок в бизнесе — чтобы фирма «Мит-сити», когда ее владельца не станет, продолжала бы нормально функционировать и приносить вдове и их дочери приличный и стабильный доход. Но это были совсем не те дела, которыми Виталию хотелось заниматься за сто, девяносто, восемьдесят часов до смерти...

Ближе к концу рабочего дня в пятницу на дисплее зазвонившего сотового снова отразился незнакомый номер.

— Слушаю.

— Виталий Павлович, это Сергей Псарев. Я... Это... Ну, в общем... В общем, Надюхе только что операцию сделали... — Голос бывшего водителя дрожал, речь была сбивчивой.

— И как все прошло? — быстро спросил Малахов. Он сам удивился, насколько взволновало его это сообщение.

— Хорошо, Виталий Палыч, хорошо! — захлебнулся в трубке голос Сергея. — Знаете, как доктор сказал? Результаты, говорит, превзошли самые смелые мои ожидания. Самые смелые ожидания! Виталь Палыч, вы понимаете, что это значит? Наша Надюшка будет жить, слышите? Жить как нормальный, полноценный человек! В школу ходить! Танцевать! На коньках кататься!

— Я рад. Очень рад. И за Надю, и за тебя, и за Лелю.

— Виталий Павлович, это вы нас спасли! — продолжал Сергей. — Я вот ведь и звоню, чтобы сказать — теперь я ваш должник до гроба. Что хотите для вас сделаю! Жизнь отдам...

— Нет уж, не надо, — горько усмехнулся Малахов. — Поживи еще...

И тут ему в голову пришла одна идея. Что, если попробовать?... В конце концов, почему бы и нет? Он посмотрел, плотно ли прикрыта дверь

кабинета, и проговорил, чуть понизив голос:

— Знаешь, а ты ведь действительно можешь мне помочь...

— Все, что хотите! Только одно ваше слово. Я хоть в огонь, хоть в воду...

— Сергей, тут ходят слухи, что кто-то решил меня убрать.

— Да, Виталий Павлович... — даже по телефону было ясно, что собеседник помрачнел. — Я и сам давно собирался сказать, да не знал как... В общем, поговорить об этом надо. Может, встретимся?

— Когда?

— Да хоть прямо сейчас. Я в центре, на Садовом кольце, мигом подскочу, куда скажете.

— Знаешь, тут недалеко от нашего офиса есть маленькое кафе...

— То самое, ваше любимое? Помню, конечно. Буду там максимум через полчаса, идет?

Кафе встретило Малахова не слишком радушно. Мало того, что «девушка из таверны» была сегодня выходная, так еще и любимый столик у окна с цветком оказался занят. Сергей, с трудом разместивший свое большое тело в тесном пространстве между столом и стеной, помахал рукой.

— В общем, я прямо к делу, ладно? — спросил он, едва официантка отошла от их столика. — Мне так легче — без реверансов... Короче, где-то дней десять назад, может, чуть больше, открываю почтовый ящик, а там письмо. Для меня. С именем, но без адреса и штемпеля. А в письме написано — тебе, парень, деньги нужны, так убей своего бывшего командира, получишь за это тридцать пять европейских кусков.

— Интересно! — присвистнул Виталий. — И как тебе предлагалось убить меня?

Водитель покачал головой.

— Там про это ничего сказано не было. Может, потом бы сообщили, в дальнейших, так сказать, инструкциях.

— Логично. — Малахов кивком поблагодарил другую официантку, поставившую перед ними кофе. — А что еще было в письме?

— Что-то вроде: подумай и пойми, что жизнь Нади для тебя важнее всего остального. Я тогда сразу понял, что это не шутка, не розыгрыш дурацкий. Они ведь знают и что дочка больна, и что меня уволили... И даже сколько денег нужно на операцию. Да и вообще, не шутят такими вещами...

— А как ты должен был вступить с ними в контакт? — Виталий сделал большой глоток.

— По этой... Компьютерной почте. Пойти в Интернет-клуб и отправить письмо со словом «да».

— Или «нет»?

— Про «нет» там даже и не написали. Словно не сомневались, что я соглашусь. Я, как вы понимаете, ничего не ответил.

— Вот оно, значит, как...

Малахов всерьез задумался. Похоже ли это было на Джозефа? Скорее, не похоже. Он не мог объяснить почему, но чувствовал, что не похоже — и все. Так, ну а кто же тогда?...

— Вы меня тоже поймите, Виталий Павлович... — бормотал тем временем Сергей, пряча глаза и расковыривая дырочку в клетчатой скатерти. — Конечно, я не хотел вас убивать... Хоть вы меня тогда и уволили, но... А с другой стороны — деньги на Надюшку... Больше мне их взять было неоткуда. Если только квартиру продать... Ну а жить где, на улице? Да, скорей всего, и не дали бы столько за нашу халупу... Даже вместе с машиной, она вообще уже сейчас ничего не стоит...

— Все! — Малахов хлопнул ладонью по столу. — Давай с тобой раз и навсегда прекратим этот разговор. Не убил — и спасибо. Рассказал про письмо — спасибо вдвойне. И теперь надо бы все это обмозговать... — Он помолчал, отпил несколько глотков, а потом поделился пришедшей в голову мыслью: — А что, если тебе написать это письмо? Ну, сделать вид, что ты согласился, и посмотреть, что будет дальше...

— Я уже думал об этом, — кивнул Сергей и тоже хлебнул из своей чашки, в отличие от бывшего патрона он заказал чай. — Пока ехал сюда и пока вас ждал... Не думаю, что это хорошая идея. Леля на радостях всей Москве рассказала, что вы были у нас, что дали денег на операцию. Наверняка этот тип, кто бы он ни был, наблюдает за мной...

— Или за мной, — согласился Малахов. — Я тоже о тебе в офисе расспрашивал, об этом многие могли узнать. Ладно, поищем другой ход...

«А он не так прост, — пронеслось в голове у Виталия. — Соображает, что к чему...»

Некоторое время они оба сидели молча, допили, заказали еще по чашке, опустошили и их — но так ничего и не придумали.

— Хоть бы какая-нибудь зацепка была... — растерянно проговорил Малахов. — Хоть бы на письмо это посмотреть, что ли. Ты его, часом, не выбросил?

— Нет, не выбросил, — покачал головой Сергей. — Я его все время с собой таскаю. Боюсь, вдруг Леля дома найдет... Сейчас принесу, оно у меня в машине.

Виталий наблюдал из окна, как его бывший водитель подошел к стареньким зеленым «Жигулям»-«шестерке», открыл переднюю дверь, вынул из бардачка что-то белое и вновь направился ко входу в кафе.

— Вот.

На стол лег обычный белый конверт без всяких рисунков, марок и прочих опознавательных знаков. На нем была только надпись крупным шрифтом, явно сделанная на принтере: «Сергею Псареву».

— И что мы можем сказать, глядя на этот конверт, друг мой Ватсон? — проговорил Малахов.

Сергей хмыкнул.

— Если применить мой знаменитый метод дедукции, — продолжал в том же духе Виталий, — то можно сделать следующие выводы. Письмо не было отправлено по почте — значит, этот человек не только знает твой адрес, но и не поленился приехать к тебе домой и опустить его в почтовый ящик.

Он осторожно открыл конверт и вытащил оттуда само письмо — самый обычный лист формата А4, с текстом, набранным на принтере. «Есть возможность заработать деньги на операцию для вашей дочери. Вы можете получить 35 000 евро, если убьете своего бывшего шефа Малахова Виталия Павловича, который несправедливо уволил вас с работы в ноябре 2004 г. О своем согласии сообщите, отправив из любого компьютерного клуба письмо на электронный адрес 1234567890@mail.ru. Достаточно будет только написать слово «да». Подумайте, насколько важна для вас жизнь дочери».

— Да, — проговорил Малахов, снова складывая листок. — Вот когда пожалеешь, что ты не Шерлок Холмс... Тот наверняка догадался бы обо всем по стилю письма...

— Или отпечатки пальцев бы снял... — хмуро поддержал Сергей. — Виталий Павлович, может, нам его в милицию отнести?

Малахов не ответил. Как раз в этот момент ему показалось, что от письма исходит какой-то еле уловимый, но очень знакомый запах. Он поднес конверт к носу, принюхался... Ну да, конечно! Сомнений быть не могло.

— Это духи! Причем очень редкие, эксклюзивные. И я знаю этот аромат. Это «Прелюдия» от Баленсиага. Их ни с чем не спутаешь...

Сергей пристально посмотрел на него:

— Вы знаете женщину, которая пользуется такими духами.

— Да, и очень хорошо. Это моя супру... То есть жена. Постой, но не хочешь же ты сказать, что...

Бывший водитель кивнул:

— Я тоже первым делом на нее подумал. В таких вещах ведь всегда самый подозрительный тот, кто больше всех выиграет... А в случае вашей смерти она ведь унаследует все имущество, так?

— Ну да, она и дочь... — Виталий отвечал машинально, сам он был, можно сказать, в шоке. Лана? Да не может быть, абсурд какой-то, бред... Ну нет, этого просто быть не может! — сформулировал он наконец свои сомнения. — Откуда бы Лане знать о тебе, о Надюшке?...

— Она знает. Вы, наверное, не помните, но осенью ее водитель отпуск брал, то ли женился, то ли к родне ездил... И несколько дней Светлану Михайловну возил я. А как раз тогда у Надюхи ухудшение было, Леля мне звонила постоянно, Светлана Михайловна это слышала, мне пришлось у нее отпрашиваться... Я это все точно припомнил, когда письмо получил.

— Ну да, и я Лане много рассказывал о твоём увольнении, — признал Малахов. — Но все-таки это как-то странно... Откуда она могла узнать твой адрес? Стоимость операции?

— Виталь Палыч, ну разве это трудно? Если поставить задачу...

Малахову ничего не оставалось, как признать, что Сергей прав. Он еще раз поднес письмо к носу, понюхал. Запах был настолько слабым, что другой человек, с менее развитым обонянием, его бы просто не уловил...

— И все-таки я никак не могу поверить, что это Лана... — тихо проговорил он. В душе была странная, черная, жуткая пустота. Сергей кивнул:

— Конечно, доказательств пока мало. Мне кажется, стоит некоторое время последить за Светланой Михайловной — посмотреть, где она бывает, с кем встречается. Вдруг что-нибудь выяснится... Хотите, я это сделаю?

— Что? Даже не знаю, Сергей, что тебе сказать... Похоже, мне сейчас лучше всего побыть одному.

— Конечно, Виталий Павлович, как скажете. Но если что — вы знаете, как меня найти. Я подожду.

Когда Малахов, не разрешив, конечно, Сергею платить за себя, поднялся из-за стола, бывший подчиненный осторожно спросил:

— Может, вас отвезти? А то вы бледный такой и руки дрожат... Я смотрю, вы опять сами за рулем.

— Да, что-то не везет мне после тебя на водителей, — усмехнулся Виталий. — Ну что же, пожалуй, отвези.

Еще каких-то несколько часов назад Малахову казалось, что уже ничего в этой жизни не способно его шокировать. Однако мысль о том, что заказницей его убийства может выступить женщина, столько лет

прожившая с ним рядом, женщина, которую он когда-то так сильно любил и которой до сих пор дорожил, просто выбила его из колеи. Он не мог и не хотел верить в это — и в то же время внутренний голос нашептывал ему, что сомневаться не в чем. Что ни говори, а Лана могла бы так поступить. В отличие от Джозефа. И как он вообще мог подозревать американца? Только сейчас он понял всю нелогичность и даже глупость своих умозаключений, сделанных в адрес Коллуэя. Если это Лана, то многое из того, что говорила Смерть, становится понятным. Про женщин, про жену-супругу, про близкое окружение — вот уж действительно, кто может быть ближе, чем человек, с которым ты состоишь в браке? Тогда Виталию казалось, что *она* просто-напросто болтает, треплет языком... А теперь *ее* слова приобрели новый, глубокий смысл. Лана, Лана... Но почему?! Что он ей сделал плохого, настолько плохого, что она захотела его убить? Ну, недостаточно внимания уделял, не был стопроцентно верен, не купил дом на Рублевке... Но разве за это убивают? Тем более мужа, который, назовем вещи своими именами, все эти годы содержал жену, и содержал вполне достойно? Как говорила бабушка Вера, курицу, которая несет золотые яйца, в суп не режут. Нет, воля ваша, а что-то тут не стыкуется...

Супруга в тот вечер вернулась домой необычно рано — около одиннадцати. Оживленная, как всегда, ухоженная и, как всегда, отстраненная — когда Малахов выказал намерение поцеловать ее при встрече, она от неожиданности буквально шарахнулась в сторону.

— Что это ты вдруг, зайка? — спросила она нарочито веселым тоном, чтобы сгладить неловкость. И тут же, не дожидаясь его ответа, засыпала его новыми вопросами: — Слушай, а какие у тебя планы на выходные, а? Надеюсь, ты на меня не рассчитываешь? А то мы тут с подружками решили устроить девичник, съездить на уик-энд на дачу к... Ты ведь меня отпустишь, правда?

— Конечно, какой разговор, — пожал плечами Малахов.

С чего это вдруг она стала у него отпрашиваться? Раньше, помнится, супруга, тьфу, жена, всегда делала то, что хотела, вообще не советуясь с ним... Поколебавшись с четверть часа, он все-таки набрал номер Сергея.

— Привет, Сергей, это я. Извини, что так поздно... Слушай, я, пожалуй, приму твое предложение. Светлана Михална завтра утром, думаю, часов в одиннадцать, уедет из дома... Если нетрудно, прокатись следом, посмотри, как и что, ладно?

— Нет проблем, Виталий Павлович! — заверил бывший водитель. — Сделаю все в лучшем виде.

В субботу, после отъезда жены, Малахов просто не находил себе

места. До назначенного ею «времени Ч» оставалось всего-навсего трое суток — но сейчас он думал совсем не об этом. Больше всего на свете хотелось, чтобы позвонил Сергей и сказал бы что-нибудь такое, что раз и навсегда сняло бы подозрение с Ланы. *Что* именно это будет, Малахов не знал, да и формулировать для себя не собирался. Ну, мало ли что... Главное, чтоб выяснилось окончательно и бесповоротно — Лана тут ни при чем. Телефон звонил несколько раз за утро, но это все были другие, совсем не нужные ему звонки...

Наконец на дисплее высветился номер Сергея.

— Алло? — торопливо откликнулся Малахов.

— Виталь Палыч, я с плохими новостями, — сообщил водитель. — Просто даже не знаю, как вам это сказать...

— Да говори как есть, не томи.

— Ну... В общем, так. Ни к какой подруге Светлана Михайловна не поехала. На Кутузовском вышла из своей машины, отпустила водителя, а сама пересела в черный «Лендровер»...

— Ты видел, кто там был?

— Конечно, видел. Он тоже из машины вылез, поцеловал... ээ-э... поздоровался с ней, дверь открыл и сесть помог...

— Ты сумел его рассмотреть?

— Не только рассмотреть, но и узнать.

— Так ты его знаешь? И кто же он такой?

— Ваш первый помощник, молодой такой хлыщ. Кажется, его Аркадием зовут...

Да уж, новость за новостью! Потрясенный Малахов сел прямо на ковровое покрытие, прислонился спиной к дивану.

— И... где они сейчас?

— За город едут по Можайскому шоссе. Я у них на хвосте завис. Как раз к Одинцову подъезжаем.

— Ясно. Ну что же, спасибо...

— Я еще позвоню, — пообещал Сергей и отключился.

«Этого не может быть, — повторял себе Виталий, бессмысленно шатаясь по квартире, где каждый угол, каждая вещь напоминали ему о Лане. — Просто не может быть. Лана и Аркадий... Они... любовники? И сговорились убить меня? Нет, конечно, бред, бред, бред!.. Вот что я сейчас сделаю — я ей позвоню! Может, Сергей меня обманул. Или перепутал что-нибудь, ну мало ли... А я наберу Ланку — и все объяснится!»

В трубке были длинные гудки, но к телефону никто не подходил. Скоро Виталий понял, что в унисон со звонками раздается и другой звук —

нежная мелодия, приглушенно звучащая откуда-то из холла. Оказывается, Лана забыла свой мобильный на пуфике для надевания обуви. Малахов покрутил в руках изящную вещицу — казалось, даже аппарат источает легкий аромат «Прелюдии», — подумал, нажал кнопку меню, пролистнул меню, нашел смс-сообщения. Раньше ему бы и в голову не пришло ничего подобного... Подавляющее большинство телефонных записок было отправлено Аркадию. «Любимый, я так соскучилась!», «Умираю, хочу к тебе в постельку», «Зайка, когда же мы наконец увидимся?» и все в таком духе. Примерно та же картина была и с входящими сообщениями: «Уже лечу к своей девочке!», «Спасибо за чудный вечер!», «Целую тысячу раз, сама понимаешь, куда», «Я тоже скучаю, если можешь, выходи в аську — поболтаем». В аську? Светлана, оказывается, пользуется электронным средством общения? А собственно, почему бы и нет?

Виталий поспешил в кабинет, где у них после Долькиного отъезда поселился компьютер. Программа потребовала пароль, он ввел сначала «Лана», потом «Светлана», по-русски и по-английски, но ничего не получалось. Тогда, подумав, он набрал дату рождения жены — и угадал.

История электронной переписки сохранялась и была весьма обширной — чуть ли не каждый день в рабочее время любовники болтали по Интернету, мурлыкали, обменивались впечатлениями о прошедших свиданиях и назначали новые, обсуждали светские новости, знакомых и свои покупки и, разумеется, подшучивали над обманутым мужем и жаловались друг другу, как он им мешает. Малахов просматривал многочисленные красные и синие строчки со смешанным чувством неловкости, брезгливости и любопытства. Конечно, в открытую Аркадий и Лана о своих планах не говорили, осторожничали, но намеков вроде «Надо срочно встретиться и поговорить о НАШЕМ деле» было более чем достаточно. В одном месте Лошманов сообщал, что наконец нашел координаты Сергея, в другом Светлана открытым текстом писала: «А что муж? Муж объелся груш. Надоел мне уже не знаю как. Жду не дождусь, когда мы с тобой наконец провернем все, что задумали, и будем вместе!»

Довершил удар новый звонок Сергея. Он сообщил, что любовники прибыли в элитный пансионат под Звенигородом и явно намерены провести там все выходные. Малахов поблагодарил своего бывшего водителя, велел ему ехать домой, а сам без сил повалился на диван и устался в потолок.

Итак, его предали два самых близких человека в жизни — близких если не духовно, то, по меньшей мере, территориально. С мужчиной он проработал бок о бок несколько лет, считал его своей правой рукой и

незаменимым помощником, собирался сделать акционером собственной компании, самолично созданной с нуля и поднятой до таких высот. А с женщиной он жил в одной квартире, долгие годы спал каждую ночь в одной постели, вырастил вместе с ней дочь... Однако эти двое сговорились между собой, решили, что он им больше не нужен и его надо убрать. Аркашка, конечно, не сомневается, что справится с делами фирмы после убийства ее нынешнего владельца. Он, к обоюдному их удовольствию, женится на Лане и станет полноправным хозяином компании. Ну а Светлана, бывшая Журавлева, бывшая Мансилья, бывшая Малахова, приобретет красивого мужа, моложе себя лет на десять. Да еще и из хорошей семьи, не то что бывший калужский медведь! Будет чем перед подругами похвастаться! Уж этот и дом на Рублевке обязательно купит, и все прочее...

Конечно, оставалось еще много вопросов. Почему, например, они наняли непрофессионального киллера? Денег пожалели, что ли? То, что водителю платить никто и не собирался, было ясно как божий день, это и к бабке не ходи, как говорили в родном Товаркове. Но сейчас Малахов с удивлением осознал, что больше не желает ломать голову, разгадывать какие-то загадки... Пустота, поселившаяся в его душе со вчерашнего дня, после того как конверт пахнул знакомыми духами, потихоньку отодвигалась, уступая место отчаянию и тупой боли.

Взгляд упал на небрежно повешенный на спинку кресла Ланин халатик. Была у нее такая привычка, собираясь, повсюду разбрасывать свои вещи — чего беспокоиться-то, домработница уберет... Малахов встал с кресла и зачем-то поднес халатик к лицу. От запаха «Прелюдии» закружилась голова. Халатик пах обманом, коварством, предательством. И смертью, от которой Виталия отделяло семьдесят с небольшим часов.

Находиться в этой квартире больше не было никаких сил. Он влез в джинсы и кроссовки, вышел из дому и долго, бессмысленно шатался по улицам и переулкам, пока в одном из дворов его не остановили два помятого вида бородатых мужика.

— Человече! — сказал тот, что был меньше ростом, русоволосый, с бородкой-эспаньолкой и удивительно ясными синими глазами. — Я читаю на твоём лице скорбь. Поверь знатоку человеческих душ — тебе срочно надо выпить!

— Надо, — согласился Виталий.

— Как редко встретишь в этом мире понимание! — обрадовался ясноглазый. — Послушай, мы не бросим тебя наедине с твоими горестями, если и ты протянешь нам руку помощи. А то организмы наши алчут

огненной воды, а в карманах нет и намек на презренный металл.

— Трубы горят, понимаешь, — перевел на русский язык другой мужик, высокий и чернобородый.

Малахову было уже все равно. Напиться? А почему бы и нет? По крайней мере, это даст временное забытие...

Что было дальше, он помнил смутно. Они сходили в магазин, взяли водку и какую-то закуску, сели в этом же дворе на лавочке, разлили «огненную воду» по пластиковым стаканам... Событыльники, на удивление, оказались весьма интересными людьми, особенно маленький, беседа с ними была живой и увлекательной. Они говорили о жизни и смерти, любви, о неверных женах, детях и назначении человека на земле, аргументировали, соглашались, спорили до хрипоты, прерывая беседу только для похода за новой бутылкой. В конце концов для Виталия все слилось, закрутилось перед глазами огромной каруселью, он выпал из действительности и, придя в себя, вдруг обнаружил, что лежит в своей квартире на диване, а рядом возвышается в полумраке чья-то огромная фигура.

— Кто здесь? — шарахнулся он.

— Да это я, Сергей. Закройте глаза, чтобы свет не резал, я сейчас лампочку включу...

— Серега? Откуда ты взялся? И как я сюда попал? Рассказ Сергея до помутненного сознания дошел с трудом.

Оказывается, бывший водитель позвонил ему вечером на мобильный, понял по разговору, что с Малаховым не все гладко, постарался выспросить, где они находятся, подъехал, больше часа плутал по дворам, но наконец отыскал почти бесчувственное тело и доставил домой. После кофе, сваренного Сергеем, у Виталия даже появились силы подняться с дивана, поблагодарить, распрощаться, закрыть за ним дверь, доползти до спальни, раздеться, упасть в постель и уснуть.

Первый раз он проснулся уже за полдень, весь разбитый, голова нестерпимо болела. Встал, выпил на кухне всю воду из фильтра и электрочайника, снова уснул, уже в гостиной, и так несколько раз. Днем заезжал Сергей, назвался доктором — похметологом, привез холодной минералки и каких-то лекарств. Легче стало лишь к вечеру, когда за окном уже начали сгущаться поздние майские сумерки. Виталий принял контрастный душ, докрасна растерся полотенцем и от души выругал свое отражение в зеркале. Это надо же ухитриться — самые бездарные в своей жизни выходные провести за сутки с небольшим до смерти!

Около половины двенадцатого входная дверь отворилась, и на пороге

появилась сияющая Лана.

— Ну как прошел отдых? — хмуро спросил Виталий.

— Спасибо, отлично! — весело отвечала она, разуваясь. — Оторвались с девчонками на полную катушку. Представляешь, даже шашлыки сами пожарили! И ничего, неплохо получилось.

— Послушай, ну, может, хватит врать, а? — устало попросил он.

— Ты не веришь, что мы сами сделали шашлыки? — она подняла голову. На лице не было и намека на неискренность.

— Лана, — спокойно проговорил он. — Я все знаю. Все. Про тебя, про Аркадия, про то, что вы задумали...

В первый момент она испугалась, глаза заметались, руки задрожали. Но тут же она справилась с собой, кинула быстрый взгляд в зеркало, поправила волосы.

— Могу я поинтересоваться, что именно ты знаешь? Кто и что тебе про меня наплел?

Он не стал отвечать — у него не было никакого желания играть в эти игры. Конечно, она сейчас начнет оправдываться, убеждать его, что он все не так понял... Наверняка придумает какие-нибудь очень убедительные оправдания. Мелькнула мысль, что было бы даже интересно послушать, как именно эта лживая тварь объяснит письмо Сергею или хотя бы свои электронные разговоры с любовником... Но проверять это несколько не хотелось.

— Ну что же, вы очень здорово все придумали, — продолжал он. — Меня, значит, устраняете, Аркаша получает фирму, а ты — мои деньги и молодого, смазливого, упакованного мужа в придачу. И сделать-то для этого надо сущие пустяки... Избавиться от старого, надоевшего суп... мужа.

Он ожидал от нее любой другой реакции. Доходящего до абсурда отрицания всего и вся. Бурных оправданий. Криков, как он мог такое про нее подумать.

Но она только вздохнула и сказала почти шепотом:

— Господи, как же я устала...

— От меня, да? — не удержался от издевки Малахов. — И посему решила убраться с дороги?

— Да нет, ты, пожалуй, не виноват... — Женщина взволнованно заходила по комнате. — Я понимаю, что дело во мне. Ты-то старался. Любил меня... по-своему. Обеспечивал, как мог. В общем, даже заботился. Только... как бы это тебе объяснить? Ты не дал мне того, что мне было необходимо. Ты не позволил мне полюбить себя. А у него это получилось.

— Что же, передай ему мои поздравления.

— Только не надо ерничать, ладно? Что вышло — то вышло, что будет — то будет, теперь уже ничего не воротись. С ним я наконец-то почувствовала себя женщиной. Женщиной, понимаешь? А не бесплатным приложением к собственной дочери, с которой ты проводил все свое время! Все эти годы ты жил с ней! С ней, а не со мной! С ней вы, видите ли, родные души, у вас общие интересы и все такое... Ну, а я так, сбоку припека.

— Послушай, только Дольку сюда не приплетай! — вздохнул Малахов. — Уж она-то тут при чем?

— При том, что если бы не она, у нас с тобой еще могло бы что-то сложиться. О господи, как же я ее ненавижу!

— Лана!

Он повысил голос, и она сжалась от окрика, словно от удара.

— Прости, Виталий, так вышло... — пробормотала она.

— Интересное заявление! — Он даже не был возмущен, так шокировало его ее поведение. — У нас с тобой не сложилась жизнь, ты обижалась, что дочери я уделял больше внимания, чем тебе, ты, в конце концов, полюбила другого. Но неужели это повод, чтобы избавиться от меня?

Она снова вздохнула.

— А что я могла поделать? — Голос ее звучал как-то буднично, словно она говорила не о предстоящем убийстве, а о самых обычных вещах. — Ведь ты единственная помеха на пути к моему счастью. Я, хоть и влюблена, но сохранила способность трезво мыслить. И знаю, что без денег, без этой вашей фирмы, будь она трижды проклята, я ему не буду нужна. Да, я готова на все, чтобы удержать его около себя. И решила, что в этой игре придется пожертвовать тобой.

— Ну, знаешь!.. — он даже задохнулся от возмущения. Это спокойное лицо, этот равнодушный тон просто выводили его из себя. Он почувствовал, как кровь ударяет в голову, как руки сами собой сжимаются в кулаки.

«Еще минута — и я сам ее убью!» — пронеслось в его сознании.

Собрав последние остатки воли, Виталий молча обулся, подошел к вешалке, сорвал куртку, машинально проверил, на месте ли мобильный, деньги, кредитки, документы и ключи от машины. Лана хотела было что-то сказать ему вслед, но Малахова уже не было в квартире.

— Прощай! — выкрикнул он и захлопнул за собой дверь.

Глава 12 Говорить «прощай» — плохая примета

Ночь он провел в машине. Сначала, чтобы немного успокоиться, просто колесил по городу, потом, когда почувствовал, что за лобовым стеклом все начинает плыть и сливаться, заехал в какой-то двор, заглушил мотор, опустил до предела сиденье, откинулся назад и прикрыл глаза. И так, приключения продолжают. Сегодня он ушел из дома и остался буквально без крыши над головой. Еще каких-нибудь пару недель назад подобное событие совершенно выбило бы его из колеи — а сейчас это было практически безразлично. От назначенного Смертью времени его отделяло около сорока часов. И по сравнению с этим все на свете — даже предательство Ланы и Аркадия — отходило на второй план.

Что ждет его *там*? Правду ли *она* говорила о мире, где нет суеты, страстей и страданий? А если действительно смерть — просто переход в другую реальность, и ничего страшного в ней нет? И через сорок часов его ждет не страх, боль и мучения, а наоборот, покой, отдых, тишина? Все закончится — ложь, подлость, предательство... И будут только звезды. Или белые пушистые облака. Помнится, когда-то у них с маленькой Долькой было что-то вроде игры про звезды и облака...

Удивительно, но он даже ухитрился уснуть и проснулся, когда было уже светло. Часы показывали начало девятого, зеркало заднего вида отражало помятую и небритую физиономию, тело ломило. Во дворе уже бурлила жизнь, люди спешили на работу, собачники выгуливали своих разнокалиберных питомцев, подростки шли в школу, родители вели малышей в детские сады... Малахов торопливо завел мотор. Ему почему-то было неловко и не хотелось, чтобы его здесь увидели. Хотя, казалось бы, какое это имеет значение *сейчас*?

Не успел он выехать из двора, как в кармане зазвонил мобильный. На экране высветился номер Сергея.

— Виталий Павлович, я просто так вас набрал. Думаю, вдруг зачем-нибудь вам понадобится...

Ну да, ведь Сергей все еще не работает...

— А ты Борису Егорину не звонил?

— Да пока нет.

— Тогда как ты смотришь на то, чтобы вернуться на работу ко мне?

— Да я бы с радостью!..

— Ну вот и отлично. Будем считать, что ты восстановлен в должности. А точнее, просто был в отпуске.

— Виталий Павлович, спасибо вам! Когда за вами приехать?

— Я уже в городе... Подъезжай сразу в офис, часам к десяти.

Оказалось, что ночью он забрался не так уж далеко — всего-навсего в Лефортово. До Покровки оттуда было рукой подать, и Виталий сам не заметил, как оказался рядом со своим любимым маленьким кафе. И хотя до открытия еще оставалось время, на крыльце кафе он увидел «девушку из таверны». Официантка, которую, как он теперь знал, звали Любовью, возилась с замком и никак не могла его открыть. Через несколько секунд Малахов был уже рядом.

— Вам помочь?

— Ой! — Люба вздрогнула, посмотрела на него, быстро отвела взгляд. В одной руке она держала ключи, в другой — охапку душистых ландышей. — Вы?! Как вы... меня напугали...

Женщина вернулась к замку, но руки у нее дрожали, ключи выпали и со звоном упали на крыльцо. Они оба одновременно наклонились за ними, пальцы их соприкоснулись, и женщина вдруг покраснела, как школьница.

— Позвольте, Люба... — Виталий забрал ключи и сам открыл дверь.

— Спасибо большое... У нас новый замок, и я еще никак к нему не привыкну. А вы хотели зайти, да? Вообще-то еще рано, кафе закрыто... Но вы заходите, конечно!

Она пропустила его внутрь и поправила на двери табличку «Закрыто». Он вошел в пустое кафе и уселся за привычный столик у окна, рядом со знакомым цветком. Очень скоро перед ним появилась дымящаяся чашка ароматного кофе.

— Иры нет, я сама варила, так что извините, если что-то не так, — «девушка из таверны» улыбнулась и хотела отойти, но он удержал ее за руку.

— Люба, не уходите. Пожалуйста. Посидите со мной.

— Что с вами, Виталий Павлович? — она зачем-то оглянулась по сторонам, опустила на краешек стула с другой стороны стола. — У вас что-то случилось? Вы сегодня какой-то... Необычный. И пришли так рано...

Ее милое лицо выглядело встревоженным, карие глаза смотрели нежно и участливо. И Малахов признался:

— Я, Любушка, из дома ушел. С женой расстался. Она чуть нахмурилась:

— Но, может, еще помириться?

Он покачал головой и с удовольствием отпил кофе.

— Нет. Мы распрощались навсегда.

«Девушка из таверны» внимательно глядела на его лицо.

— То-то я смотрю, вы сегодня небритый... Ни разу еще вас таким не видела. Не ночевали дома, да? Послушайте, а... — она чуть смутилась, но продолжила: — У Юры, бармена, тут станки есть, одноразовые, и пена для бритья. Хотите?...

— Хочу, — охотно согласился Виталий. Неумытым он чувствовал себя крайне дискомфортно.

Еще ни разу в жизни ему не приходилось бриться в туалете кафе, даже в веселые студенческие времена. Когда он вернулся, Люба тотчас же подала ему новую чашку горячего кофе. Краем глаза он заметил, что ландыши уже расставлены в вазочки на столах.

— И что же вы теперь будете делать? — спросила она, снова усаживаясь напротив и поправляя вазочку, чтобы она ему не мешала.

Он понял, что больше не хочет врать. И уж тем более ей.

— Знаете, Люба, мог бы сказать, что сниму квартиру, как-нибудь устроюсь на время развода... Но это будет неправда. Мне уже не нужны ни квартира, ни развод. Я завтра умру.

— Господи, что вы такое говорите! — ахнула она. — Конечно, семейная ссора — это трагедия, но кончать из-за этого жизнь самоубийством... Вы же взрослый, сильный мужчина. Поверьте, нет ничего дороже жизни...

— Я это знаю, Люба, знаю, как никто. И не собираюсь накладывать на себя руки.

— Но что же тогда? Неужели вы больны? — Голос ее дрожал.

— Нет, я вроде бы здоров.

Она смотрела с горечью и сочувствием, и внезапно в ее глазах промелькнула догадка.

— Вас хотят убить, да? Она, ваша супруга?...

Он поразился ее проницательности.

— Да, Люба, именно так оно и есть.

— Нет, этого нельзя допустить! Слышите, вы не должны сдаваться! Надо немедленно заявить в милицию!

— Любушка, как вы наивны, как младенец! Какая милиция...

— Значит, надо бороться самому... Спрятаться от них! Хотите, поживите пока у меня... Уж у меня вас точно никогда не найдут!

Он поднял на нее удивленный взгляд:

— Вы готовы приютить у себя человека, за которым охотятся убийцы?

— Ну конечно же! — отвечала она совершенно искренне. — А если это вас не устраивает, то у меня есть тетя в Орле, близкая подруга Маринка в Закарпатье... Не беспокойтесь, мы вас так спрячем!..

— Вы говорите это серьезно? — недоумевал он.

— О господи, ну, конечно, серьезно! Вас собираются убить — что может быть серьезнее?

Ее маленькие руки взволнованно порхали над клетчатой скатертью в такт словам. Он поймал ее ладонь, накрыл своей, заглянул ей в глаза.

— Скажите, вы что, предложили бы такое любому, кто оказался на моем месте?

Она смущенно отвела взгляд и отшутилась:

— Нет, конечно, но вы же постоянный клиент...

— Значит, каждому постоянному клиенту? — продолжал настаивать он. — Или только тем, кто просит заменить остывший кофе?

— Нет, только тем, кто щиплет цветок на окне, — с улыбкой отвечала она.

Малахов все никак не мог успокоиться:

— Вы предлагаете мне жить у себя? И на сколько вы могли бы меня приютить?

— Как вам будет надо... На неделю, на месяц, на несколько месяцев. Как вы захотите.

— А как бы хотели вы?

В этот раз она уже не отвела взгляда:

— А я бы хотела — на всю жизнь.

— Даже так? А если я все потерял? Если у меня ничего не останется? Ни фирмы, ни квартиры, ни машины, ни денег? Даже на чашку кофе?

— Значит, будем жить на мою зарплату. — От ее улыбки у него вдруг стало тепло на душе...

— Она у тебя небось маленькая.

— Маленькая, конечно. Но иногда бывают еще и чаевые. Авось как-нибудь проживем...

Он потянулся было к ней, но тут кто-то заколотил во входную дверь. Очевидно, пришла Ира.

Виталий бросил взгляд на часы. Пора в контору. До назначенной встречи с ней остается тридцать часов, и нельзя терять ни минуты.

— Ты во сколько заканчиваешь? — спросил он и сам удивился нежности, с которой прозвучал его голос.

— В десять, — она глядела на него с надеждой и изумлением, точно никак не могла поверить в происходящее.

— Я заеду за тобой, — пообещал он. И все-таки поцеловал ее на прощание. Черт с ней с Ирой, пусть думает что хочет — ему завтра умирать.

Дел сегодня было просто невпроворот, но все-таки начал он с того, что зашел к начальнику охраны и распорядился:

— Денис, предупреди своих орлов, что с этой минуты господин Лошманов у меня не работает. И больше ему в этом офисе делать нечего. Я понятно излагаю?

— Вполне, — кивнул коротко стриженной головой Денис.

— Ну и отлично...

Через несколько секунд он был уже у себя в кабинете:

— Полинка, быстро ко мне Васильича и Колю Тихомирова. А потом позвони нотариусу, пусть приедет так скоро, как только сможет.

Разговор с директором по кадрам был достаточно коротким. Бывшему офицеру незачем было обсуждать или, осмысливать приказание начальства, не нужно было объяснять, что и почему. Раз руководство решило уволить первого зама в одну минуту, значит, так тому и быть. Точно так же невозмутимо он принял распоряжение восстановить в должности водителя Сергея Псарева и выплатить ему зарплату, причитавшуюся с ноября.

С Колей пришлось беседовать гораздо дольше и основательней. Сначала Виталий заявил, что ни о каком увольнении не может быть и речи. Потом сообщил, что намерен сделать своего заместителя партнером по бизнесу и передать ему двадцать пять процентов акций компании — при условии, что если с Виталием что-нибудь случится, Тихомиров будет всячески защищать интересы малаховской дочери и единственной наследницы.

— Виталь, да что это на тебя нашло? — недоумевал Николай. — Что случилось, ты можешь мне сказать?

Но ничего конкретного и вразумительного он в ответ так и не услышал... Для владельца компании сейчас важно было одно — он был уверен в порядочности своего второго заместителя. Это был надежный человек, проверенный временем. Конечно, ему не хватало фантазии и дерзости Аркадия. Коля Тихомиров был излишне рассудителен и осторожен. При нем фирма не достигнет безоблачных высот — но и не опустится до земли. А это значит, что Долька всегда будет обеспечена. Сейчас для Виталия это было самым главным.

Потом прибыла миниатюрная блондиночка-нотариус и, не задавая лишних вопросов, выслушала все указания по поводу передачи акций и оформила завещание. Все свое «движимое и недвижимое имущество, где

бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось», владелец компании «Мит-сити» завещал дочери, Долорес Витальевне Малаховой. А затем были другие дела, и еще, и еще... Несколько раз звонил Аркадий, но Виталий велел секретарю их не соединять и сбрасывал сигнал мобильного. Более или менее он освободился только к половине восьмого, отпустил Сергея и через двадцать минут уже был на крыльце маленького кафе. Люба работает до десяти — ну что же, он подождет ее.

Первое, что увидел Малахов, войдя внутрь, была *другая* официантка, обслуживавшая посетителей. А где же его «девушка из таверны»?

— Виталий Павлович, я здесь, — раздался откуда-то сбоку негромкий голос. — Вы сказали, что придете вечером... Я на всякий случай позвонила Гуле, и она согласилась меня подменить.

— Перестань говорить мне «вы» и называть по имени-отчеству, — попросил он, целуя ее.

— Я попробую, — пообещала она, глядя с такой нежностью, что сердце Малахова просто таяло. — Но так трудно привыкнуть... Знаете... то есть знаешь... Я все еще никак не могу поверить, что мне это не снится. И что мы будем сейчас делать? Вы, наверное, кофе хотите? То есть ты хочешь?

— Хочу, — согласился Малахов. — Но не здесь. Ты вроде бы звала меня в гости? Или уже передумала?

— Нет, ну что вы... ты. Конечно! Только учти, я живу очень скромно.

— Если бы ты знала, как мне на это наплевать... Едем, и поскорее!

Люба жила в старом, уже почти аварийном доме на Цветном бульваре.

— Пойдем купим что-нибудь к ужину? — предложил Малахов, когда они проезжали мимо магазина в том же доме. — А то я голоден как зверь, сегодня даже пообедать не успел. По-хорошему, надо бы пригласить тебя в ресторан, но мне так жаль тратить этот вечер на кабак...

— И не надо! Я уже сбегала домой, все купила и приготовила. Осталось только разогреть.

Как давно он не ел на ужин свиную отбивную с жареной картошкой и солеными огурцами! Лана бы удавилась, но не разрешила домработнице приготовить такую бесполезную пищу... Да еще вечером!

— Вкусно?

— М-м-м, очень...

— Может, тебе еще положить?

— А осталось?

Так жарить картошку умела только бабушка Вера. Даже у мамы Зины она уже не получалась столь вкусной...

Люба почти ничего не ела. Сидела над полной тарелкой, подперев щеку рукой, и смотрела на него. Это напоминало сцену из какого-то доброго старого фильма, но он никак не мог сообразить какого.

— Знаешь, я как чувствовала, что сегодня произойдет что-то очень-очень хорошее, — говорила она. — Специально на работу пришла пораньше, новую кофточку надела...

— И что же у тебя случилось? — спросил он, дожевывая последний кусок отбивной.

— Как что? У меня случился ты. Хотя, честно признаться, ты случился у меня давным-давно... Такое чувство, будто я всегда-всегда тебя любила. Даже когда еще не знала, не видела ни разу, все равно ждала и любила. Но, конечно, и мечтать не смела, что ты когда-нибудь будешь вот так сидеть у меня дома на кухне... Я научилась довольствоваться просто тем, что ты иногда заходишь в кафе, пьешь кофе, ощипываешь цветок, улыбаешься мне и уходишь. Может, ты слышал, у Новеллы Матвеевой есть такая песня — «Девушка из таверны»?

Он чуть не поперхнулся:

— Как-как?

— «Девушка из таверны». Так вот, там героиня вроде меня... Любит мужчину, который ее даже не замечает. А ей довольно того, что он иногда заходит к ним в таверну и вешает свой плащ на гвоздь... Что ты будешь пить, чай или кофе? А может, хочешь чего-нибудь покрепче? У меня коньяк есть, хороший, армянский...

— Нет-нет! — Ему еще памятна была ночь с субботы на воскресенье. — Лучше кофе.

— Только у меня растворимый, ничего?

— Конечно, ничего...

И у него было такое чувство, что он уже очень часто бывал в этой маленькой уютной кухне с вышитыми гладью занавесками на окне, сидел на шатком старинном стуле с гнутыми ножками и спинкой (кажется, такие называются венскими), пил кофе из тонкой фарфоровой чашки с трогательными незабудками... И с удовольствием провел бы здесь всю оставшуюся жизнь. Даже если ее осталось меньше суток.

— Витя... можно я буду звать тебя Витей? Витя, я очень беспокоюсь за тебя. Может, тебе действительно лучше некоторое время не выходить из дома?

— Не бойся, все со мной будет в порядке, — делано улыбнулся он, но она не поверила.

— Я не могу не бояться... Прямо физически чувствую, что над тобой

нависла какая-то страшная угроза. Будто вижу, как за спиной у тебя стоит какая-то мрачная фигура... И это не только сегодня, это уже давно. Наверное, скоро месяц, как я каждый день молюсь за тебя, сама не зная кому. Понимаешь, я не умею верить в Бога как следует... Не хожу в церковь и молитв настоящих не знаю. Просто всем своим существом ощущаю беду и хочу ее от тебя отвести. Умоляю кого-то, чтобы у тебя все было хорошо, и мне кажется, будто этот кто-то меня слышит...

Он обнял ее, притянул к себе, наконец-то прикоснулся к ее пышным русым волосам. На ощупь они оказались еще более мягкими, чем он думал. Как же с ней хорошо! Так... так спокойно.

Когда в кармане запиликал мобильный, Виталий даже не хотел брать трубку. Но Люба тотчас отстранилась и шепнула:

— Подойди! Мало ли что...

И Малахов ответил. Тем более что звонила дочь.

— Вит, что у вас там случилось? — Голос у девушки был очень встревоженный. — Я позвонила домой, а Лана вдруг рывкнула, что тебя по этому номеру нет и больше никогда не будет, и швырнула трубку. Это как понимать? Поссорились, что ли?

— Не просто поссорились, Долькин. Мы с твоей мамой расстались навсегда. Я тебе потом...

— Как это расстались? Вит? Что произошло? Я хочу знать немедленно!

— Дочка, это долгий разговор, а я сейчас очень занят и не могу...

— Ладно, но ты приезжай ко мне, как только освободишься! Обещаешь?

— Я перезвоню, хорошо? — уклончиво отвечал он, нажимая кнопку отбоя.

— Это дочь, — объяснил он в ответ на встревоженный взгляд Любы. — Переживает. Просит, чтобы я приехал к ней.

— Я ее помню, ты был с ней у нас. Она ведь живет отдельно, да? — Эта женщина понимала все без лишних слов.

— Да. Она приняла все это очень близко к сердцу...

— Неудивительно. У нее не каждый день родители разводятся... Наверное, тебе все-таки стоит сейчас поехать к ней.

— Ты думаешь? — удивленно взглянул на нее Виталий.

— Уверена. Я так долго тебя ждала, что еще могу подождать. А бедная девочка себе места не находит... Но только если это не опасно для тебя, слышишь!

— Нет, сегодняшний день, точнее, вечер и ночь, у меня еще есть.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, Любушка, поверь мне. Я теперь очень многое знаю. Ты права, я обязательно поеду к Дольке. Но не сейчас. Она у меня девушка ночная, ложится поздно... А пока я хотел бы совершить маленькую экскурсию по твоей квартире.

— А что тебя интересует? Ванная?

— Прежде всего ванная. А потом спальня. Удивительно, как эта женщина, уже не такая юная, умела краснеть!.. И это ей очень шло.

Уходил он уже за полночь. Надевал ботинки в крошечной передней, а она стояла рядом, прислонясь спиной к стене, в одном небрежно наброшенном розовом халатике, такая милая, родная, растрепанная, пахнувшая домом и уютom.

— Ну что, я пошел? — нехотя произнес он, привычно хлопая себя по карманам — не забыл ли чего важного. Уходить очень не хотелось. Даже к Дольке.

Люба метнулась к нему, положила руки на плечи, прижалась всем телом. Он погладил ее по волосам.

— Ну что ты, что ты... Точно на войну меня провожаешь... Она подняла голову, посмотрела на него снизу вверх. В карих глазах стояли слезы.

— Я буду тебя ждать... И еще — выучи мой телефонный номер наизусть.

— Зачем? Ты же записала мне его в мобильник.

— Все равно, на всякий случай. Выучи. Он очень легкий. Два — четыре ноля — двенадцать. Повтори.

— Два — четыре ноля — двенадцать, — послушно произнес он. — Теперь ты успокоилась?

Она покачала головой:

— Нет. Я не успокоюсь, пока ты не вернешься.

«Наверное, это правильно, — думал он, заводя мотор и выезжая из двора-колодца на ночную улицу. — Все-таки перед смертью я должен побыть с дочерью, а не с возлюбленной...»

Долька встречала его уже у лифта.

— Ну наконец-то! — кинулась она к нему. — Я уже извелась вся. Давай рассказывай, что там у вас стряслось!

— Что, прямо здесь, на площадке? Дай хоть в квартиру войти...

Конечно, он рассказал ей далеко не все. Ни о признании Сергея, ни о конверте, пахнущем Ланиными духами, ни, тем более, о своих встречах и разговорах со странной женщиной, постоянно меняющей облик, Малахов

говорить не стал. Умолчал и о Любушке — но это, наверное, только потому, чтобы не вываливать на девочку так уж все сразу.

То, что Сергей Псарев снова работает в фирме, Дольку очень обрадовало. А вот рассказ о ее матери и Аркадии оказался для нее не новостью. Она лишь пожала худенькими плечами и состроила гримаску:

— Знаешь, Вит, об этом романе вся Москва знала. Но, как известно, обманутый муж всегда узнает все последним.

Еще вчера такие слова его бы задели. А сегодня все это было безразлично, казалось таким пустым и далеким...

Он встал с кресла, в котором обычно всегда сидел, бывая у дочки, прошелся по комнате, полюбовался видом на ночной город из огромного окна.

Потом перевел взгляд на новый рисунок на стене, мастерски выполненный углем на большом листе ватмана. С картины смотрел молодой бледный мужчина, в черной старинной одежде, с длинными прямыми волосами и с горящими пронзительными глазами. От его взгляда Виталию стало не по себе.

— А кто это у тебя, Долькин?

— Где? Это? А, это Смерть, — ответила она так спокойно, точно речь шла о чем-то совершенно обыденном.

— Смерть? Разве Смерть — мужчина?

— Смерть бывает разной, — тихо проговорила девушка и закурила. — К каждому она приходит в особенном облике. В котором тот подсознательно желает ее видеть. О котором мечтает или которого боится...

— Откуда ты это знаешь? — ахнул Малахов.

— Не помню... — снова пожала плечами Долька. — Кажется, читала где-то... Может, на сайте самоубийц. Есть такой сайтик, довольно забавный.

Виталий смотрел на нее и вдруг осознал, что при всей кажущейся своей близости с дочерью ровным счетом ничего не знает о ней. Да, она много и охотно говорит с ним, читает свои стихи, обсуждает прочитанные книги и компьютерные игры, рассказывает об институтских делах и бурной виртуальной жизни в мире Интернета — но при этом он понятия не имеет, что творится у нее в душе. О чем она мечтает? Сколько раз в жизни она влюблялась и в кого? Есть ли сейчас у нее парень и как складываются их отношения? Счастлива ли она или, быть может, ее что-то гнетет?

— Скажи, Долькин, а у тебя есть кто-то?

Кажется, ее обрадовал этот вопрос. Глаза-виноградины засветились,

тонкие губы тронула улыбка.

— В каком смысле? — подчеркнуто равнодушно спросила она, но отчим сразу догадался, что дочка с ним играет. Все она прекрасно поняла...

— В смысле парня. Кто-то, кто тебе нравится, кого ты любишь и кто любит тебя, с кем ты встречаешься...

Она помотала черными густыми волосами:

— Нет, Вит. В смысле встречаться у меня никого нет. И мне вообще никто не нравится. Кроме тебя, — отвечала она, затягиваясь сигаретой.

— Это зря, Долькин! — взволнованно проговорил он. — Ты не представляешь, как ты обкрадываешь себя. Это такое счастье — быть любимым, любить самому... Знаешь, раньше мне казалось, что любовь похожа на бурное бушующее море, когда вокруг шторм, тебя швыряет из стороны в сторону, ты то и дело захлебываешься и думаешь, что вот-вот пойдешь ко дну... А выяснилось, что все совсем не так. Если это и море, то совершенно спокойное, безмятежное, с легкой-легкой рябью и длинной серебристой дорожкой от отражающейся луны...

— О, Вит, да ты стал поэтом! — она рассмеялась и сразу же нахмурилась. — Признайся, у тебя кто-то появился, да?

— Да, Долька, это так. — Малахов охотно поделился радостной новостью с самым дорогим ему человеком. — Кажется, я встретил свою любовь. Похоже, это именно та женщина, которая мне нужна. Такое чувство, что я всю жизнь ждал и искал именно ее. Люба просто чудесная, такая милая, женственная... Я познакомлю вас, она тебе очень понравится. Я думаю, в эти выходные мы могли бы вме...

Он запнулся на полуслове. Господи, что он говорит! Какие выходные, какие планы на будущее! Завтра, не позднее четырех часов дня!.. Как он мог об этом забыть?

Ему хотелось бы вот так просидеть с дочерью всю ночь, говорить о Любе, да и не только о Любе. Расспрашивать Дольку, слушать ее рассказы о ней самой, вспоминать, обсуждать, спорить... Но девушка вдруг зевнула, потушила сигарету, гибко потянулась и пробормотала:

— Давай спать, поздно уже...

Она постелила ему на диване в большой комнате, служившей одновременно кухней-столовой и гостиной, сонным голосом пожелала спокойной ночи и исчезла в спальне. Виталий был уверен, что не сможет уснуть, но снова, в который раз за эти дни, отключился, едва его голова коснулась подушки, и проснулся от трелей мобильного.

— Доброе утро, Виталий Павлович! — бодрым голосом приветствовал его водитель. — Когда приезжать за вами?

— А сколько времени? — Малахов потряс головой, чтобы побыстрее прийти в себя.

— Половина девятого.

— Уже? Неужели? Тогда тебе уже пора выезжать... Только я не дома, а в Кунцево, записывай адрес...

Долька, несмотря на его протесты, не только встала и оделась, но даже спустилась с ним к машине, приветливо поздоровалась с Сергеем.

— И какие у вас на сегодня планы? — спросила она, прикрывая рот ладошкой, чтобы скрыть зевок.

— Да вот с утра будем делами заниматься, а во второй половине дня за город поедем.

— Далеко ли, как говорила твоя бабушка Вера?

— Все-то ты помнишь, Долькин, — умилился Малахов. — А ведь сама ее даже ни разу не видела... Нет, недалеко. В Волоколамскую губернию.

— А, к нашей «Черной радуге»?

— Ну да, вроде того.

— И во сколько это будет?

— Надо быть там к четырем.

— А отсюда опять в офис?

— Нет, — покачал головой Малахов. — В офис я уже не вернусь...

— Я ведь почему спрашиваю, — Долька улыбнулась Сергею. — Тут подарок присмотрела для вашей дочки... Я тогда заеду привезу его, ладно?

Первое, что сделал Виталий, сев в машину, — это набрал номер Любы. Но ее домашний телефон не отвечал. Он попросил Сергея остановить «Лексус» около маленького кафе, но на работе «девушки из таверны» тоже не оказалось — ведь сегодня была не ее смена. Огорченный Малахов отправился в контору.

Долька сдержала свое слово и прилетела почти тотчас с огромной коробкой, перевязанной лентой с большим бантом и упакованной в пластиковый мешок с эмблемой магазина игрушек. Сергей пристроил было его под стол, но девушка воспротивилась:

— Ну да, забудете еще, знаю я вас! — весело отчитала она водителя. — Нет уж, сейчас же положите в багажник. Я лично за этим прослежу.

Малахов глядел в ее смеющееся лицо, и сердце сжималось от боли. Неужели он никогда не увидит больше этих глаз-виноградин, этих ровных мелких зубов, этих непослушных черных волос? Как и других волос, мягких и темно-русых... Как и весеннего голубого неба, яркого майского солнца, свежей молодой листвы... вообще всего. Сегодня в шестнадцать

часов по московскому времени для него закончится то, что именуется емким словом *жизнь*.

— Долькин, дай хоть обниму тебя напоследок... — тихо попросил он. Она подбежала к нему, на миг прижалась всем телом, и он почувствовал, что она дрожит.

— Что с тобой? — удивился Малахов.

— Ничего. Так.

Девушка порывисто высвободилась из его объятий и побежала к двери:

— Ну прощай, мне пора!

Сказать, что говорить «прощай» плохая примета, он не успел. Дочка уже умчалась.

Утро прошло на удивление бестолково. Виталий звонил куда-то, отдавал последние распоряжения, то и дело вызывал к себе Полинку, Васильича, Николая... А потом вдруг, точно остановился на бегу, прекратил все дела и с размаху бросился в кресло под портретом Рокфеллера.

Какого черта? Вся эта беготня, суета, все эти сиюминутные дела, кажущиеся такими важными... Ему сейчас умирать, а он занимается неизвестно чем. Оправдывает себя, мол, надо привести все в порядок перед уходом... Да провались оно все сквозь землю! Не на это нужно тратить последние часы перед смертью! Зачем он отпустил дочь, зачем вообще уехал от Любы? Надо было оставаться с ними, с двумя единственными и самыми близкими ему в этом мире женщинами...

Он набрал номер Дольки, но она оказалась недоступна. Тогда он нашел в списке телефон Любушки, позвонил. Трубку сняли с первого же гудка, точно «девушка из таверны» сидела у аппарата и ждала, пока он позвонит.

— Алло? — в одном этом слове было столько любви, надежды и тревоги, что у него перехватило дыхание.

«Я не могу! — вдруг с горечью осознал Виталий. — Не смогу увидеть ее, даже говорить с ней не смогу, зная, что вот-вот пробьет мой час... Пусть лучше так. Уйду не прощаясь... Говорить «прощай» — плохая примета...»

— Алло, алло? — все тревожнее повторяла Люба. — Витя, это ты? Что случилось?

Он тихо опустил мобильник и нажал на кнопку отбоя. Посидел некоторое время, спрятав лицо в ладонях, потом включил громкую связь и попросил Полинку найти Сергея.

— Сергей, я передумал. Поехали сейчас.

— Прямо сию минуту?

— А чего тянуть-то?

И снова за окном поплыли пейзажи, ставшие за это время привычными, можно даже сказать, родными. Или осточертевшими — это смотря с какой стороны взглянуть. «Ну что же, — усмехнулся про себя Виталий, — по крайней мере, буду утешаться тем, что вижу все это в последний раз». Как ни странно, он ничего не чувствовал. Не было ни страха, ни досады, ни отчаяния. Только опустошенность. И усталость. Вот как, оказывается, люди идут умирать. Самого человека и нет вовсе, есть только его оболочка. А внутри зияющая пустота. Вакуум. Черная дыра. Черная дыра, а над головой — черная радуга... И правда, надо будет, пожалуй, подъехать со стороны «Черной радуги». Ни к чему Сергею быть на поляне и видеть... Впрочем, что за бред! Никого он, конечно, не увидит. Но все равно, делать ему у сторожки нечего.

Дорогу к их несостоявшемуся родовому поместью нашли на удивление легко. Сильно расширенный участок теперь действительно был обнесен высоким забором — не обманула загадочная Таня Тосс... Виталий вышел из машины, кивнул на убегающую в лес дорожку.

— Пойду пройдусь...

— Я подожду, — кивнул Сергей.

— Подожди, — согласился Малахов. — А если меня не будет больше часа, поезжай домой.

Водитель удивленно оглянулся по сторонам:

— Куда вы денетесь-то отсюда, шеф?

У Виталия не было ни желания, ни сил что-то объяснять.

— И правда. Извини, глупость сморозил.

Он шагал по тропинке среди зеленеющего леса и думал о всяких пустяках. О фильме «Призрак оперы». О том, что так и не узнал, как называется тот цветок на окне кафе, с резными листьями и волосатыми черенками. О кукушке, которая вдруг ни с того ни с сего начала куковать в один из его прошлых приездов сюда. Начала и прекратила. Он тогда не придал этому никакого значения... Как и поваленному дереву. А ведь бабушка Вера предупреждала. Она была очень мудрой, его старая бабушка Вера. И всегда говорила: что бог ни делает, все к лучшему.

«Это что же получается, бабуля, — спрашивал он про себя, — то, что я сейчас умру, тоже к лучшему? Я, молодой, полный сил мужик, только что впервые в жизни встретивший настоящую любовь, едва-едва успевший понять, как надо жить, через несколько коротких минут покину этот мир? Быть может, я уйду в другой, где будешь ты, мама, дед, тетя Маня, Сашка Семенов... Наверное, если вы все там, то там хорошо. И все-таки я туда не

хочу!»

Он вдруг понял, что ему очень хочется жить. Хотя нет, хочется — неподходящее слово. Он всей душой стремился, рвался жить! Все его существо, вплоть до мельчайших клеточек, просило, требовало жизни. Вот этого леса, ароматов цветов и молодой травы, пения птиц, солнца и неба... Вкуса горячего кофе и жаренной по бабушкиному рецепту картошки с солеными огурцами. Музыки, Долькиного смеха, Любушкиного негромкого голоса, нежного прикосновения ее рук, тепла ее тела... Он, оказывается, всегда так любил жить! Только не замечал этого. Некогда было замечать... А умирать он не хочет. Пусть даже *там* будет в сто раз лучше. Все равно не хочет.

Пока не встретишься с глазу на глаз со Смертью, не вступишь в этот странный диалог, сохраняется иллюзия, что впереди бессчетное множество минут, месяцев, лет. Можно хоть каждый день начинать «новую жизнь», а можно и этого не делать, откладывая все важное и нужное «на потом». Вот будут выходные... Вот закончу школу, и тогда... Вот устроюсь на работу... Вот пойду в отпуск... Но вдруг пробивает твой час, и понимаешь, что этого «потом» не будет уже никогда. Годы прожиты впустую, и виноват в этой своей бездарной, бессмысленно прошедшей жизни только ты сам. Уж кому, как не ему, Виталию, было это знать. Даже после разговора с *ней*, когда он знал, что ему осталось всего ничего, он, как ни пытался, не смог использовать это время с пользой. Почти все оно ушло на суету...

Наверное, даже те, кто дожил до глубокой старости, болезней и немощи, о которых *она* говорила ему в последний раз — и те жалеют свою жизнь и не хотят расставаться с ней. Они тоже чего-то не успели, недоделали, недолюбили... Просуществовали десятилетия рядом с чужими для них людьми. Не закончили главное дело своей жизни, или, скорее всего, его даже и не начинали... И в последний миг так же, как он сейчас, отчаянно сопротивляются, не хотят уходить, цепляются за этот мир ослабевшими пальцами, готовы на все, только чтобы сохранить для себя это солнце, эту листву, эти звонкие птичьи голоса...

Впервые самодельное кресло из причудливых корней у стены сторожки было пусто. Но он знал, что это ничего не значит, и не ошибся. Словно почувствовав что-то спиной, обернулся к лесу и увидел, как из-за деревьев на поляну выходит *она*. Зеленое свободное платье, венок из полевых цветов в длинных спутанных русых волосах. Нежные босые ножки, тонкие руки, хрупкая грация юных движений. Девочка-май.

— Что уставился? — засмеялась *она*. — Не ожидал? А я ведь говорила тебе, что могу быть всякой. В том числе юной и прелестной. Ну и как я

тебе, нравлюсь?

— Нет, — честно сказал Виталий. — Ты мне не нравишься. И все, что связано с тобой, тоже не нравится.

Она расхохоталась еще громче:

— Что же, в неискренности тебя не упрекнешь... Но хватит пустой болтовни. Я пришла услышать твое последнее слово.

— Ты говорила, — напомнил ей Малахов, — что последнее слово всегда за тобой?

— Молодец, не забыл! Ну что же... Помнишь нашу первую встречу?

— В казино?

— Да. Ты тогда подумал, что я не игрок, — и ошибся. Я очень люблю играть. Вот как с тобой. Просто игры у меня другие.

— И чем закончилась наша игра? — торопливо спросил он. — Кто из нас выиграл и кто проиграл?

— Ты это скоро, очень скоро узнаешь, — пообещала *она*. — Но сначала я хочу узнать твое решение. Думаю, напоминать условия нет нужды? Итак, кто из вас уйдет сегодня со мной? Ты или она?

Ответ у Виталия был давно готов. Не зря он бессонной ночью колесил в машине по городу, не зря сидел в своем кабинете под портретом Рокфеллера, спрятав лицо в ладони, и думал, думал, думал... Да, Лана предала его, обманула гадко и подло. Да, она желала ему смерти, более того, решила его убить, да что там, не просто решила, а практически организовала его убийство. Но он не желал своей бывшей жене зла и тем более смерти. Даже если нужно было заплатить за это собственной жизнью. Как бы это ни было тяжело...

Он уже собирался сказать об этом, когда *она* вдруг снова спросила:

— Ну? Скажи мне, чего же ты хочешь?

Ответ сорвался с языка сам собой, прежде чем Малахов успел понять, что он говорит.

— Я хочу жить! — выкрикнул он.

Вот они, три самых простых, самых главных слова. Он произнес их, ни на что особо не надеясь. Просто потому, что хотел их услышать. Последний раз. Их сказало его тело, его душа, все его существо — хотя разум приготовился совсем к другому ответу.

Она спокойно кивнула, явно не услышав для себя ничего нового.

— Вот как? И ты тоже... Ну что ж, вы все это говорите. Даже скучно. Хоть бы кто-нибудь придумал что-то другое...

— И что теперь будет? — потерянно спросил он.

— Будет то, что я захочу. Ведь решения здесь все-таки принимаю я,

верно?

Она посмотрела на него так, что его вдруг бросило в дрожь — настоящий морозный озноб посреди теплого, почти летнего дня.

— Нет-нет, постой! — спохватился Виталий. — Я не могу так. Я передумал! Пусть лучше я! Я, слышишь?!

Смерть в образе девочки-мая глядела на него с ироничной улыбкой:

— Да успокойся ты! Перестань так психовать. Теперь уже все равно ничего не изменишь. На самом деле я уже давно все решила. Помнишь, я как-то говорила тебе, что иногда мне для этого бывает достаточно одной случайной фразы?

— И что я сказал? — растерянно спросил он. *Она* покачала головой:

— Это сказал не ты. Это сказала, прощаясь с тобой, некая женщина... Ты ведь знаешь, что все это время я наблюдала за тобой? А вокруг тебя постоянно были разные люди. Потому, волей-неволей, я общалась и с ними. И именно это определило твою судьбу.

Малахов силился вспомнить, что же такое ему говорили последнее время при расставании, но у него ничего не получалось. Что-то такое действительно было, вроде бы важное, но что...

А *она* тем временем снова глядела с усмешкой. И он понял по *ее* лицу — пора.

— Последний вопрос, — торопливо произнес Виталий, как будто в этот миг для него не было ничего важнее. — Зачем все это? Зачем ты приходишь к нам, разговариваешь с нами?

Она пожала голыми, не тронутыми загаром плечами:

— Неужели не ясно? Чтобы вы поняли.

— Поняли — что?

— Как надо умирать, глупый! Или наоборот — как надо жить. Он хотел сказать что-то еще, но *она* не позволила, подняла тонкую обнаженную руку и с неожиданной силой толкнула его в грудь. Малахов пошатнулся и не устоял на ногах, его буквально отбросило на лавку. Перед глазами все завертелось, поплыло, и в этом калейдоскопе, точно кадры в фильме, стали всплывать отдельные лица — бабушка Вера, девочка Надежда, женщина Люба... Вот мелькнул улыбающийся Сашка Семенов, показалась где-то вдали мама Зина — совсем молодая, в своем любимом нарядном синем платье в крупный цветок. Долька в ее «готическом прикиде» махала ему рукой из окна, Наташа, голая, с полотенцем вокруг головы, прижимала к груди ветки цветущей вербы, Джозеф, пыхтя, тащил бульжник «с Красной площади», Лана сидела на пуфике перед трюмо и расчесывала платиновые волосы, а за ее спиной стоял Аркадий и шутиливо

отдавал честь: «Сэр, есть, сэр!»

Открыв глаза, Виталий понял, что лежит в неудобной позе поперек скамейки у сторожки. Поляна была пуста. Может, он уже умер и перенесся в другой мир? И что — там все в точности так же? Такая же избушка лесника, такое же кресло из корней, так же щебечут птицы и пахнет весенним лесом? Не похоже... Он воспользовался древним как мир способом проверки и ущипнул себя за руку. Больно.

Малахов с трудом поднялся на ноги — голова гудела не хуже, и, пошатываясь, кое-как добрал до машины. Сергей испуганно бросился навстречу:

— Виталий Палыч, что с вами?

— Теперь ничего... Так, что-то нехорошо сделалось. Но уже все в порядке. — Малахов выдавил из себя улыбку, и это ему даже удалось. Он забрался в «Лексус» и попросил: — Поехали в город, что ли...

В дороге ему действительно стало легче. Дурнота прошла, карусель перед глазами прекратилась, мысли приобрели ясность. Откинувшись на спинку сиденья, он прокручивал в голове слово за словом, деталь за деталью, последний разговор с *ней* и не мог ничего понять. Что же это за фраза, о которой *она* сказала? Что именно определило его судьбу? И вообще, какой она будет, эта судьба? Он будет жить? Или умрет с минуты на минуту?

Малахов попытался припомнить все разговоры с *ней*, восстановить все до мельчайших подробностей, как обычно влюбленные перебирают в памяти драгоценные мгновенья, проведенные вместе с обожаемым существом. Ее загадочные речи, ее странные образы, так непохожие один на другой... Неужели же Смерть и вправду такая? Если бы кто-нибудь рассказал подобную историю, Виталий бы решил, что этот человек сошел с ума. Сошел с ума... Стоп!

Малахов внезапно распрямылся, озаренный смутной догадкой. Сергей удивленно покосился на него, но ничего не сказал. А Виталий аж весь напрягся, пытаясь не упустить промелькнувшую мысль. Конечно, он не сумасшедший, это понятно, рассудок его ясен, и голова работает нормально... И если он видел что-то такое, чего с точки зрения здравого смысла не может быть, у этого чего-то должно быть вполне рациональное объяснение.

Допустим, эта дама, встречавшаяся с ним на поляне, да и в других местах, никакая не Смерть. Ведь принял же он ее поначалу за эту загадочную Таню Тосс... Так, ну а кто же она тогда? Случайный человек? Исключено. Актриса, нанятая Ланой? Уже теплее. Хотя нет, тоже

маловероятно. Слишком уж много знала она о нем, Малахове, интимного, сокровенного, точно заглядывала ему в душу, просвечивала его сознание...

Значит, ее все-таки не существует в реальности. Получается, она не что иное, как его галлюцинация. Но у здоровых людей не бывает галлюцинаций! Если только они не находятся под воздействием чего-нибудь. Наркотиков там или гипноза... Та-а-ак! Кажется, он нашел.

А что, если Лана не ограничилась только письмом к Сергею? Что, если придумала куда более хитрый план, решила воздействовать на сознание своего мужа и наняла для этой цели опытную гипнотизершу? Тогда все сразу объясняется — уединенные встречи, разные образы, странные разговоры, подробности его биографии...

Ну, конечно, этим все объясняется! А он-то, лопух, уши развесил... Смерть, переход в иной мир, черная радуга... Найдя наконец это разумное объяснение, Виталий даже расхохотался от радости, и Сергей недоуменно повернулся к нему:

— Вы чего?

Но Малахов только рукой махнул, поудобнее устроился на сиденье и снова стал смотреть в окно. Он чувствовал себя очень утомленным. Серая лента дороги стелилась под колеса, мерное движение убаюкивало. В середине недели Волоколамка была почти пуста, особенно здесь, когда до Москвы еще не близко. Виталий устало прикрыл глаза.

* * *

Удивительно, но на душе было спокойно. Неужели все позади? Не открывая глаз, он обратился к водителю:

— Сергей, мы сейчас где? Тот быстро ответил:

— Только что семьдесят второй километр проехали. Я музыку включу?

— Нет, не надо. Что-то в сон клонит... Я, пожалуй, вздремну.

— А. Ну можно и поспать, это дело такое...

— Разбуди меня, когда Окружную проедем.

— Как прикажете, товарищ начальник.

Он действительно начал засыпать. Ему приснился весенний лес, поваленное дерево, через которое он перешагнул, и она, выходящая из леса...

Они оба — и водитель и пассажир — даже не успели понять, что же произошло. Внезапно раздался ужасающий грохот, «Лексус» полыхнул, вспыхнул, повалил черный дым, и машину буквально разорвало изнутри. Но двое сидевших в автомобиле этого, конечно, не видели. Они вообще уже больше ничего не видели, не слышали и не чувствовали...

Глава 13 Освобождение

За огромным, во всю стену окном агонизировал майский день. В комнате уже было темновато, но зажигать свет Долька не торопилась. А уж занавесками она не пользовалась принципиально. Это для Ланы — тюль, гардины, оборочки... Им же с Витом всегда нравились незашторенные окна. Особенно такое огромное, как это. Если подойти и поглядеть вниз, то весь город как на ладони. А если не подходить, то видно небо. Днем на небе иногда бывают облака, а ночью, если облаков нет, то звезды. И луна. Она светит прямо над домом, и тогда до самого утра на пол через всю комнату ложится золотая полоса.

Сейчас луна еще не взошла, но света в комнате было достаточно — от телевизора. Девушка весь вечер проторчала перед экраном, нажимая кнопки пульта и переключаясь с канала на канал. От дивана уже устала задница, и в конце концов она сползла на пол и сидела теперь на ковре, прислонясь спиной к журнальному столику. В очередной раз переключила программу... Вот!

«...десять втором километре Волоколамского шоссе взорвался автомобиль марки «Лексус», принадлежавший московскому предпринимателю Виталию Малахову. Судя по останкам, в автомобиле было двое мужчин. Причиной трагедии, очевидно, было взрывное устройство. Подробности не разглашаются в интересах следствия».

Ну, вот и все. Свершилось. Она выключила ящик, отшвырнула пульт куда-то в сторону дивана, встала, потянулась, разминая затекшее тело.

Странно, но она совсем ничего не чувствовала. Ни боли, к которой уже так привыкла. Ни отчаяния, которого так опасалась. Ни долгожданного чувства освобождения, к которому так стремилась...

Долька, Долорес Витальевна Малахова помнила себя с очень раннего детства. В институте одна девчонка со старшего курса как-то раз сказала, что ранние воспоминания — признак одаренности природы. Если так, то Долька была одарена, как никто. До сих пор перед глазами явственно, как сейчас, стоял желто-красный кленовый лист, упавший к ней в коляску. Она тогда потянулась к нему всем телом, поймала и долго рассматривала. Но когда лет в пять Долька рассказала об этом случае бабушке, та покачала головой: «Не можешь ты такого помнить. Слишком была мала. Кто-нибудь из нас говорил, а ты повторяешь. Или придумываешь».

Тогда она очень обиделась. Но чуть позже вынуждена была признать

сама для себя, что взрослые не так уж и не правы. У нее часто так случалось — сочиняла и настолько привыкала к собственному вымыслу, что потом уже не могла отличить, реальность это или ее фантазия.

Первые ее воспоминания были, как в бабушкиной поговорке, серо-буро-малиновыми в крапинку. Серо-бурый был окружающий мир, малиновым — ее собственный: прочитанные сказки, игры, фантазии и сны, удивительно похожие на явь. А яркими крапинками выделялись отдельные интересные события — поездка на море, походы в цирк, театр, кино и зоопарк. Но это случалось очень редко. Маленькой ее даже гулять выводили не каждый день, какие уж там развлечения... До того, как в шесть лет ее жизнь в корне изменилась после его появления, Дольке вечно остро не хватало впечатлений: «сенсорный голод», как это назвала их институтская преподавательница по психологии.

Тогда она мечтала только о том, чтобы мама ее любила. Надо же, какой дурой была, вспоминать стыдно! Но в тот, момент это казалось самым важным. Однажды, когда в комнате не было никого из взрослых, она подтолкнула к открытому окну тяжелый стул, забралась на него, легла животом на широкий подоконник и принялась разглядывать вымытый дождем асфальт. Ей нравилось, что он не пыльный, серый с трещинами, как обычно, а мокрый, черный, гладкий и даже блестит.

Внезапно дверь распахнулась, дунуло сквозняком, и в комнату вошла мама. Она ахнула, подбежала, рывком сдернула дочь с подоконника и больно шлепнула.

— Не смей никогда этого делать! — кричала она и выглядела при этом скорее злой, чем испуганной. А потом добавила с горьким тяжелым вздохом: — Горе ты мое!

Горе ты мое... Эту фразу маленькая Долька слышала от нее часто, но в тот раз вдруг поняла — это не просто поговорка, это правда. Для матери она ненужная, тяжкая обуза. Девочка никогда не задавалась вопросом «почему?», просто воспринимала это как должное. Но в робких ее мечтах все выглядело совсем по-другому. Ей казалось, что маму просто заколдовала злая фея, а на самом деле она хорошая и любит Дольку. И в один прекрасный день придет добрый волшебник, взмахнет своей палочкой, мама обнимет ее и скажет: «Ты мое счастье!»

С тех пор она часто ложилась так животом на подоконник, высовывалась на улицу и тихо, шепотом, а иногда и вовсе про себя, повторяла: «Счастье ты мое...» Но больше этого никто не видел. И волшебник не приходил. Но зато появился он — лучше всех волшебников, вместе взятых.

Неизвестно уж, что там с одаренной личностью, но о *нем* она помнила все-все, до самых мельчайших деталей. Как *он* пришел в их дом первый раз, высокий, невероятно красивый, вкусно пахнувший машиной, морозом и одеколоном. Как принес ей куклу. Всю жизнь ей до слез, до сжатых кулаков, до ноющей боли внутри хотелось иметь Барби. Но эта, длинноволосая, с ехидной усмешечкой, так сильно походила на Лану, что играть в нее было просто невозможно. Долька тогда подтянула к шкафу все тот же стул, встала на него, поднялась еще и на цыпочки и с трудом запихнула куклу на верхнюю полку...

А потом *он* поселился в доме. В прихожей теперь стояли *его* тапочки, а на вешалке в ванной висел халат, который пах *им*. *Он* устроил ей настоящий праздник, свозив ее в «Детский мир» и купив там целую гору красивой одежды и, конечно же, Кена, ее самую любимую куклу, с которой она до сих пор не расстается.

Он приносил ей книги — ее обожаемые сказки, игрушки и всякие лакомства. До *него* как-то особенно никто не интересовался тем, что ей нравится, а что нет. Положили в тарелку — ешь.

Лежит в шкафу и годится — значит, носи. А *он* был первым, кто спросил, что она любит. И не только спросил, но и запомнил.

Он слушал ее стихи и не просто умилялся, «ах, такая маленькая, а уже сочиняет», а пытался понять, что она хотела сказать и почему так написала. *Он* катал ее на машине, брал иногда с собой на работу, возил на прогулки в Сокольники и в Коломенское, водил на елки, ходил с ней в театр, в кино и в цирк. Рассказывал всякие интересные вещи. Поднимал на руки и сажал на плечи, чтобы ей лучше были видны звезды и облака. А однажды, когда увидел, как она лежит на подоконнике, осторожно снял с окна и именно так и сказал: «Ты мое счастье...»

Почти семь лет своей жизни она была совершенно счастлива. Семь лет, больше трети всего прожитого. Если так посмотреть, то это очень много... Кто-то из умных людей сказал, что счастье как здоровье — начинает ощущаться и цениться только тогда, когда ты его теряешь. В этом отношении Дольке повезло. Ей было с чем сравнить. К шести годам она уже научилась страдать — и тем острее и ярче воспринимала тот дар судьбы, который воплощал в себе *он*.

С *ним* было не просто хорошо — он стал для нее воздухом, смыслом существования, всей ее жизнью. Все, что с ней происходило, нужно было лишь настолько, насколько имело отношение к *нему*. Стихи писались для *него*, картинки рисовались, чтобы показать *ему*. Даже в школу она ходила лишь потому, что *он* считал это необходимым, говорил с ней об учителях и

одноклассниках, помогал делать уроки, особенно ненавистную математику, приучил любить литературу и историю, не просто проглатывать книжку за книжкой, погружаясь в красивый выдуманный мир, но и осмысливать прочитанное, пытаться понять и оценить характеры героев, их жизнь, слова и поступки.

Сначала она любила *его* по-детски, бегала за *ним* хвостиком по квартире, ежеминутно требовала внимания, без всякой задней мысли забиралась на колени, обнимала и висла на шее. Но потом пришли совсем другие чувства. Она отлично помнила тот момент — была весна, ей недавно исполнилось одиннадцать лет, и она только что прочла цвейговское «Письмо незнакомки». Дочитывала уже поздно ночью, когда в небе светила полная луна, а сквозь открытое окно доносился запах цветущих яблонь и вишен.

Долька тогда подняла глаза от текста и шепотом сказала себе: «Я люблю его!» Закрыла книгу и повторила эти же слова чуть громче. А потом и вовсе закружилась по комнате, с радостью и удивлением прислушиваясь к тому, что творилось у нее в душе, и напевая: «Люблю, люблю, люблю...»

Спасибо отцу-испанцу и его горячей крови — женщина проснулась в ней очень рано. И физически, и психологически. Одной из первых в классе, на зависть более высоким и крупным девчонкам, Малахова стала официально пропускать раз в месяц уроки физкультуры. Прижимаясь к *нему*, она чувствовала, как что-то сладко сжимается у нее внутри, где-то внизу живота. Мечты перед сном становились все более и более смелыми, сменялись такими же снами, а сны — снова мечтами... Сказки теперь были забыты, Долька зачитывалась совсем другой литературой, бульварными газетами и журналами в духе «СПИД-инфо». В тринадцать одноклассница дала ей почитать «Лолиту», и книга о девочке с таким же именем, как у нее, перевернула всю ее жизнь. С тех пор все расплывчатые грезы слились в одну сокровенную мечту — повторить путь набоковской героини. Не весь, конечно, только до того момента, как Лолита рассталась с отчимом. Уж Долька на ее месте никогда бы никуда не ушла от своего!

У нее было то же препятствие, что и у героев книги вначале. Почему-то в те годы она даже не сомневалась, что если бы Лана, как в романе, тоже попала под машину, Виталий бы стал жить с ней, Долькой, точно так же, как Гумберт с ее тезкой. И отношение девочки к матери резко переменилось. Если в детстве она с какой-то болезненностью мечтала о ее любви, а потом, с появлением Виталия, просто как-то забыла о ней, целиком и полностью занятая *им*, то теперь она испытывала к Лане жгучую неприязнь. С ее точки зрения, эта насквозь фальшивая женщина с

платиновыми волосами занимала то место, которое должно было принадлежать ей, Дольке. Именно ее, Лану, а не Дольку *он* обнимал и целовал, говорил нежные слова, смотрел в глаза, с ней проводил ночи и ей дарил неведомое и пока не очень понятное, но, безусловно, потрясающее удовольствие, именуемое сексом. А Дольке оставалось только скрывать свои чувства и мечтать о том, что этой досадной помехи когда-нибудь не станет...

Неудивительно, что Лана скоро догадалась о том, что испытывает ее родная дочь. И если глубину Долькиных чувств к Виталию она, к счастью, себе не представляла, то в отношении собственной персоны ощутила все сполна. Видимо, между Ланой и *возлюбленным* произошел крупный разговор — во всяком случае, Вит вдруг как-то резко переменялся к Дольке, перестал до нее даже дотрагиваться, а когда она спросила, в чем дело, забормотал что-то о новых, взрослых отношениях.

Она, Долька, уже тогда понимала, что к чему. И подобная перемена стала для нее страшным ударом. Больше всего на свете ей уже тогда хотелось, чтобы Лана умерла, но в то время мысль, что ее можно убить, еще не приходила ей в голову. Куда легче и заманчивее показалась идея убить себя — не на самом деле, конечно, а так, понарошку. Способ подсказала любимая песня группы «Крематорий»:

Маленькая девочка со взглядом волчицы,
Я тоже когда-то был самоубийцей,
Я тоже лежал в окровавленной ванной
И тоже вдыхал дым марихуаны...

Что такое марихуана, она тогда еще не знала, но то, что от небольшой раны поперек вен не умрешь, представляла себе очень хорошо. Ей даже понравилось это ощущение, особенно в первый момент, когда боли еще не было, а кровь от неглубокого пореза бритвой полилась сильной струей. Такой потрясающий допинг! Она точно рассчитала время, и все вышло именно так, как она задумала. Обидно только, что перед самым приходом Вита она все-таки потеряла сознание — не столько от потери крови, сколько от нервного перенапряжения. Обморок был очень некстати — ей так хотелось бы видеть его лицо, слышать голос, все чувствовать...

Потом была эта чертова больница, которая до сих пор снится ей в кошмарных снах. Вот уж где она узнала и про травку, и про более сильные наркотики, и про многое другое... В клинике было настолько ужасно, что Долька тогда разозлилась на весь мир. Даже на *него* она тогда была обижена за то, что *он* пошел у Ланы на поводу и позволил засунуть ее, Дольку, сюда, а уж саму Лану она и вовсе возненавидела лютой ненавистью... Каждый день, проведенный в этих стенах, был просто

мучением. И Долька мечтала лишь об одном — как она вернется домой и уж тогда им покажет!

И показала. Эффект получился намного сильнее, чем она ожидала. Сначала она просто играла в плохую девочку, а потом сама не заметила, как увлеклась. За «дурной компанией» далеко было ходить не надо — ребята собирались прямо у них во дворе. Ее, симпатичную девчонку, у которой всегда водились деньги, приняли в тусовку с распростертыми объятиями. Именно в этой компании она физически стала женщиной — с Зубом, вожакom тусовки. А потом был другой парень, потом третий, четвертый... Она специально меняла партнеров, пила, курила травку — назло им. Ей казалось, что ей нравится такая жизнь, но и тогда она отдавала себе отчет, что делает это напоказ. Не так она была пьяна, какой представлялась, вваливаясь домой, не столько у нее было парней, сколько оберток от презервативов она разбрасывала по квартире... А уж колоться и глотать колеса она не стала принципиально. Губить свое здоровье не было никакого желания. Это можно было просто разыграть.

В тот момент, когда он впервые ударил ее и во второй раз отвез в больницу, она уже сама порядком устала от такого образа жизни. Сидеть дома за компьютером, читать книги или рисовать было гораздо интереснее, чем глотать пиво и водку по подъездам в обществе быдла. Но на тот момент она сама не знала, как выбраться из тупика, в который сама себя загнала. Так что Вит в очередной раз спас ее, сам того и не зная.

Именно во второй больнице ей и пришла в голову идея убить Лану, уже не просто на уровне эмоций — «хоть бы она сдохла!», а совершенно осознанно. Она вернулась домой окрыленная, полная энергии, но не позволила импульсивным порывам взять верх над разумом. В таком деле, от которого зависела вся ее дальнейшая жизнь — их с Витом счастливая совместная жизнь! — нельзя было пороть горячку. Ей нужно было устранить соперницу, но самой остаться вне всяких подозрений, чтобы не попасть в тюрьму или психушку из-за какой-нибудь досадной ошибки. Долька не спешила, несколько лет спокойно и хладнокровно обдумывала разные возможности, изобрела и тщательно распланировала несколько удачных способов... Но в один, ни в коей мере не прекрасный день ей пришлось отказаться от своей затеи.

Это случилось полтора года назад, осенью, когда она уже училась в институте, но еще жила на Старой Басманной. Вит рассказал ей, что нашел новую симпатичную кафешку недалеко от его офиса, и она, разумеется, тут же помчалась смотреть, потому что ее живо интересовало все, что хоть каким-нибудь образом касалось его. Там в кафе им прислуживала

некрасивая, коротконогая и толстозадая официантка. С точки зрения Дольки, эта тетка вообще ничего собой не представляла, но Вит проводил ее таким взглядом, что у его падчерицы больно сжалось сердце. «Никогда!» — сказал чей-то безжалостный голос внутри ее, и это страшное слово тяжелым камнем упало прямо в душу. Он никогда не станет ее, и дело совсем не в Лане. Будет жить женщина, благодаря издевке судьбы ставшая ее матерью, или не будет — это совершенно неважно. Не будет этой — появится другая. Официантка из кафе, любая девица из его офиса, просто случайная прохожая на улице... С ним будет кто угодно, только не она, Долька. Она для него дочь и, стало быть, табу.

Первое время она просто не знала, как жить с этим открытием. Теперь каждый взгляд на *него*, каждая минута общения с *ним* причиняли ей невыносимую боль. Она уже и не хотела любить *его*, но это никак не получалось. Любовь к Виту выросла в ее существо, сделалась ее натурой, ее сущностью. Чего она только не пыталась делать, чтобы убежать от себя самой! Снова начала встречаться с парнями, знакомилась в кабаках, на улице и по Интернету, исступленно занималась сексом в надежде, что хоть кто-то из этой многочисленной безликой толпы сумеет хотя бы на минуту отвлечь ее от мыслей о *нем*. Парни были разные, многие ей нравились, с некоторыми даже бывало хорошо, но каждый раз на пике страсти она, забывшись, упорно называла своего партнера Витом... Ходила она и на прием к психоаналитику, который пытался втолковать ей, что ее ситуация вполне нормальна, и многие молодые девушки осознанно или подсознательно влюблены в своих отцов, родных или приемных, и на этом просто не надо заикливаться. Как будто она и сама этого не знала! Однажды, доведенная до отчаяния, она даже зашла в церковь и с полчаса неистово молилась перед иконой Богородицы, чтобы из этого тупика нашелся хоть какой-нибудь выход... Но ничего не помогало.

А потом она сошлась с парнем-готом и сама не заметила, как быстро он обратил ее в свою веру. В готике ей нравилось все — и музыка, рвущая душу на части, и черно-белый внешний облик, и особенно культ Смерти, которой ее новые братья и сестры поклонялись, как божеству. Мысль о спасительной кончине всегда была рядом с ней, на протяжении всех этих лет она шла по жизни бок о бок рядом со Смертью, как с хорошей подругой, привыкла ее не бояться и, если можно так выразиться, полюбила. Но умереть Долька не могла, никак не могла, поскольку была связана словом, опрометчиво данным ему еще в детстве. И дело, конечно, было совсем не в том, что она стойко держала свое «честное — пречестное», как пионер из назидательного рассказа застойных времен. Просто она знала,

что ее гибель будет для Вита страшным ударом. Он действительно любил ее, пусть как дочь, но был очень привязан к ней и страшно бы страдал, если бы она самовольно ушла из жизни, а она не хотела — да что там не хотела, просто не могла физически! — заставлять его страдать. И так он порядком натерпелся с ней за время ее бесшабашного отрочества...

«Вит должен умереть, — сказала она себе в одну прекрасную ночь. Ночь вообще была ее любимым временем, она готова была всегда ложиться на рассвете и спать днем, чтобы не терять ни минуты из этого волшебного времени суток. — Пусть он умрет — легко и безболезненно. А я умру следом за ним. В этом мире нам не суждено быть вместе... Но в том, другом, все наверняка будет иначе. Мы обретем там долгожданное счастье. А в следующей жизни он станет моим возлюбленным. Мы проживем рядом, бок о бок, долгую-предолгую жизнь и будем очень счастливы».

Казалось, на ее стороне была сама судьба. Как только она задумалась о способе исполнения своего намерения, на нее только что не с неба свалилась информация об уволенном водителе Сергее — вот уж действительно настоящий клад! Бывший снайпер, отчаянно нуждавшийся в деньгах, да еще несправедливо обиженный, был идеальной кандидатурой на роль убийцы. А пока она прикидывала, как лучше и ловчее его использовать, ей удалось подслушать разговор Ланы с Аркадием.

Случилось это в самом начале весны. Для курсовой работы Дольке понадобились «Мифы Древней Греции», которые, сколько она себя помнила, всегда стояли на полке в книжном шкафу на Старой Басманной. Девушка заехала в родительскую квартиру среди дня, пока там никого не было, не раздеваясь, прошла в библиотеку, взяла с полки книгу и уже собиралась уходить, когда услышала, что в двери поворачивается ключ. Сама не зная почему, она решила пока остаться в комнате и посмотреть, кто пришел, не показываясь. Двойная дверь библиотеки выходила прямо в середину холла, и ей отлично было видно сквозь щель между створками, что там происходит. Выяснилось, что домой заявила Лана, да не одна, а в обществе заместителя Вита Аркадия, этого прилизанного мажора, который Дольке никогда не нравился.

Да, не зря она спряталась! В тот раз девушка узнала много нового. Выяснилось, что Лана и Аркадий любовники, более того, их отношения зашли настолько далеко, что они уже строят совместные планы. Лана в тот раз что-то забыла дома, они заехали это что-то забрать, да так и остались в холле, увлекшись разговором. Оказалось, что Лана мечтала о том, чтобы Малахов сделал своего молодого помощника акционером компании. После этого она планировала развестись и при помощи модного адвоката, какого-

то Сергея то ли Кислова, то ли Киселева, шапочного знакомого Аркадия, отсудить при разделе имущества ровно половину оставшихся акций. Таким образом, их совместная с Лошмановым собственность получалась бы уже более пятидесяти процентов — а значит, вместе они приобрели бы власть над фирмой. Помнится, мажор что-то горячо ей возражал, указывал на какие-то слабые места ее схемы, но Дольку это уже совершенно не заботило. Когда улеглась злость на эту суку — да как она вообще смела ему изменять! — в голове начал зреть план. Она, Долька, не просто поможет умереть Виту! Она еще сделает так, что все улики будут указывать на вдову.

Долька продумала все детали. Съездила в Ланин салон красоты и не только сделала там прическу, но и зашла в офис, взяла из ее стола конверт, набрала на ее личном компьютере письмо к Сергею, там же завела адрес электронной почты. Для большей достоверности даже сбрызнула конверт духами, украденными у Ланы из сумочки во время совместной поездки в гости к этому смешному толстому американцу. После всего этого ей уже даже захотелось, чтобы Сергей не стал убивать Вита (платить бывшему водителю ей было все равно нечем, да она и не собиралась), а отнес бы письмо в милицию. Впрочем, если б он согласился, получилось бы неплохо. Этот парень явно не был профессионалом, и она легко сделала бы так, чтобы он быстро попал в лапы к ментам. Вместе с провокационным письмом.

А на случай отказа Сергея у нее уже был заготовлен другой способ. Идею взрыва автомобиля подсказали многочисленные события последнего времени, о которых то и дело сообщали по телевизору. Она проконсультировалась со знающими людьми — помогли «старые связи», точнее Зуб, вожак их бывшей тусовки, на тот момент уже успевший сделать пару ходок в зону. Долька узнала самое главное — смерть от взрыва, если человек находится в его эпицентре, мгновенна, и это ее очень устраивало. Тот же Зуб за приличное вознаграждение (в деньгах она никогда не нуждалась) помог достать взрывчатку, что оказалось легче легкого, и объяснил не самую сложную технологию. Она заплатила и получила обернутый в тонкую бумагу кусок сильно пахнущего серого вещества и детонатор, к которому скотчем был примотан дешевый мобильник. Ей оставалось только засунуть все это в коробку с детским конструктором, рассчитать время и в нужный момент позвонить на поставленный на вибрацию телефон...

Стихи, как это обычно бывало, пришли сами собой. Они часто рождались именно так — возникали где-то внутри, словно на дне души, в самый неподходящий момент, когда она была где-нибудь в ванной, за рулем

или на лекции, и нагло рвались наружу, перли, как она сама выражалась, из ушей, просились на бумагу и требовали, чтобы она забыла обо всем на свете, кроме них.

Включать компьютер было лень, поэтому она быстро нашла тетрадь, в которой конспектировала лекции по истории литературы, вырвала листок и торопливо записала:

День настал, только за душою ни гроша,
Я бегу, любовь, к тебе не дыша,
И раздую искорку огня — не спеша.
Надоело улыбаться и твердить, что хорошо...
Наплевать на мнение людей — да мне-то что?
Развернуть судьбу, да так, чтоб затрещало все по швам,
Закричать, чтоб было слышно всем: «Любовь я не
отдам!»
След по снегу замечает пепел лет.
От бессилья в голове разброд и полный бред.
С жизнью попрощаться, чтоб воскреснуть, — вот ответ.
Вот ответ — другого нет.
А куда ни глянь — повсюду пустота.
От обрыва и до счастья не одна верста.
Разозлить судьбу, да так, чтоб стало страшно мне самой.
Нет спасения в тебе — так, значит, быть одной.
Надоело улыбаться и твердить, что хорошо...

Отшвырнула ручку, перечитала, вздохнула. Черт возьми, но отчего же такая пустота в душе? Вообще никаких чувств. Ни облегчения, ни удовлетворения, ни горечи, ни боли — только легкая усталость. А еще немного кружится голова и душно.

Девушка встала и во всю ширь распахнула окно. Пахнуло свежестью и запахом ночного майского города. Наверху, в темно-синем небе появилась первая звезда, такая близкая, почти осязаемая, она, казалось, манила к себе... А далеко внизу, на тротуаре, стояла почему-то казавшаяся очень знакомой черноволосая женщина средних лет в красно-черном готическом платье. Ее было так хорошо видно, словно их и не разделяли несколько десятков метров высоты. Женщина точно манила ее к себе и улыбалась...

Пора. Долька сделала шаг вперед. Тело вдруг сделалось удивительно легким. Она летела, но летела почему-то не вниз, а вверх, прямо в небо,

которое неожиданно оказалось не ночным, темно-синим, а утренним и светлым, и по нему раскинулась огромная, от горизонта до горизонта, радуга, только не цветная, а абсолютно черная. Девушка в своем полете поднималась к ней, придвигаясь все ближе и ближе... И в тот момент, когда она оказалась совсем близко, точно проходила под черной аркой, радуга вдруг засверкала, засветилась такими яркими цветами, которые человек в *этом* мире даже не может себе представить.

Эпилог

Майским днем на обочине Волоколамского шоссе в районе семьдесят второго километра сидели прямо на земле двое мужчин лет сорока и с недоумением таращились друг на друга. Вид у обоих был тот еще — грязные, оборванные, у одного поцарапана щека и оторван рукав пиджака, другой и вовсе с заплывшим глазом, весь в синяках и кровоподтеках.

Впрочем, если бы кто-нибудь пригляделся к ним повнимательнее, он понял бы, что перед ним не обычные деревенские пьянчужки. Оба мужчины были трезвы и довольно прилично одеты, особенно тот, что пострадал меньше, — на нем и вовсе был шелковый галстук от Армани, только очень грязный и сбившийся набок.

— Ну, и что будем делать? — спросил он, потирая бок.

— Понятия не имею! — ответил другой, что был выше ростом, и сплюнул кровью на дорогу. — Блин, кто бы рассказал, я б не поверил! Выкинули, как щенков, из машины, все забрали — и деньги, и мобильники... Козлы! Черт меня дернул остановиться!

— Ну как же ты бы не остановился, они же в форме были... Самое смешное, что я совсем недавно об этом слышал. Вся Москва уже говорит о бандитах в милицейской форме, которые останавливают на шоссе дорогие иномарки и грабят тех, кто там сидит...

Мужчины не без труда поднялись с земли и медленно побрели в сторону города. Заслышав шум приближающейся машины, высокий каждый раз поднимал руку, чтобы проголосовать, но проезжающие мимо автомобилисты как-то не горели желанием обрести столь странных пассажиров.

Минут через сорок лес вдоль дороги наконец кончился и впереди замаячила стекляшка деревенского магазина. Путники устремились к ней.

Полная пожилая продавщица с сомнением оглядела вошедших. Оно конечно, облик их никакого доверия не внушал... Но, с другой стороны, вроде не шатаются, глаза не безумные, и перегаром не пахнет. Может, и впрямь попали в беду?

Поколебавшись, она вынула из объемистой сумки мобильник и протянула им.

— Звоните, только быстро, а то у меня денег на счету мало осталось...

— Мы вам все компенсируем! — пообещал тот, что выглядел поприличнее, а второй, высокий, уже набирал 02.

После того как он поговорил с милицией, женщина окончательно прониклась к ним сочувствием. Это же надо, ребята в какой переплет угодили! Поахала, отыскала в сумке салфетки, достала из-под прилавка початую бутылку водки, что еще с майских праздников оставалась, — сгодилась и как наружное лекарство, и как внутреннее. А потом, махнув рукой, снова вынула телефон.

— Может, вам еще куда позвонить надо? Мужики переглянулись.

— Да надо бы... — сказал высокий. — Только Леля ведь у Надюшки в больнице, а я ее мобильного номера теперь ни в жисть не вспомню...

— Я тоже никогда не помню номеров, — кивнул другой. — Разве что один, очень легкий, меня тут его заставили зазубрить на проща... Пстой-пстой! Слушай, я, кажется, понял, что *она* имела в виду!

— Вы о чем, шеф?

— О фразе. Той, которая была сказана при расставании...

— Что-то я вас не понимаю... — пожал широченными плечами высокий.

Но Малахов не ответил. Он торопливо нажимал на кнопки телефона, спеша позвонить женщине, у которой был очень легкий номер. Женщине, которую звали Любовью. Той единственной, которая не любила слова «прощай».

---

notes

[1] От англ. Meat-city — мясной город.

[2] От англ. «Russian style» — русский стиль.

[3] Но почему? (англ.)

[4] Хорошенькая девочка (англ.).

[5] Хотеть (хочу) (англ.).

[6] Русские женщины (англ.).

[7] Моя сладенькая (англ.).

[8] Суеверие, предрассудок (англ., религиозное).

[9] Празднество, юбилей (англ.).

[10] С днем рождения! (англ.)

[11] Моя любимая девушка (англ.).

[12] Здесь: дорогая, любимая (англ.).

[13] Пока (до свидания) (англ.).

[14] От англ. project — проект.

[15] Он приходит ко мне в мечтах... (англ.)

Содержание

[Олег Рой Нелепая привычка жить \(Капризы судьбы\)](#)

[Глава 1 Весенняя хандра](#)

[Глава 2 Русская рулетка для американского партнера](#)

[Глава 3 Будничная суббота](#)

[Глава 4 Испанская дочь](#)

[Глава 5 Настоящая русская баба и ее родовое поместье](#)

[Глава 6 Четыре дамы и пиковый туз острием вверх](#)

[Глава 7 Черная радуга](#)

[Глава 8 Умирать сегодня страшно, а когда-нибудь — ничего](#)

[Глава 9 Условие обмена](#)

[Глава 10 Наемный убийца и его дочь Надежда](#)

[Глава 11 Последний срок](#)

[Глава 12 Говорить «прощай» — плохая примета](#)

[Глава 13 Освобождение](#)

[Эпилог](#)